

ИСТПАРТ ЦК ВКП (б)

М. С. КЕДРОВ

ЗА СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

• П Р И Б О Й •

1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И С Т П А Р Т

Отдел ЦК ВКП (б) по изучению истории ВКП (б) и Октябрьской Революции

М. С. КЕДРОВ

ЗА СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И
МАТЕРИАЛЫ О ПЕРВЫХ ЭТАПАХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Задача, которую я себе поставил, заключалась в собрании и простом, бесхитростном изложении по возможности всех заслуживающих внимания фактов первого периода гражданской войны в Архангельском крае.

О многих событиях не сохранилось никаких письменных документов; события живут в памяти непосредственных участников, но, естественно, с каждым годом тускнеют и обесцвечиваются.

В кругу товарищей,—свидетелей описанного периода,—неоднократно собиравшихся, удалось общими усилиями восстановить и исправить не один полузабытый эпизод.

Весь обработанный материал зачитывался в этом же кругу, где устранялись или сглаживались все субъективные, недостаточно установленные, моменты.

Но на полноту и законченность воспоминания все же претендовать не могут.

Хотя по характеру выполнявшейся мною в то время работы приходилось иметь касательство почти со всеми советскими и партийными организациями, тем не менее особое внимание уделялось вопросам, имевшим в то время доминирующее значение (военные вопросы, эвакуация грузов, борьба с к.-р. и др.).

Наши записки не затрагивают многих вопросов, которые непосредственно не связаны с гражданской войной в Архангельском крае, но которые представляют не меньший интерес. Сюда относятся материалы обследования Советской ревизией Костромской, Ярославской и Вологодской губерний; материалы, касающиеся взаимоотношений северо-восточного

боевого участка (Арханг.) с соседними участками фронта (2-я и 3-я армии) и, в особенности, с образованным в конце августа 1918 года Реввоенсоветом республики; события в тыловом районе (кулацкие восстания в Костромской и Вятской губерниях, выступления Воткинского и Ижевского заводов и т. д.).

В составлении настоящих записок большое содействие оказано гг. друзьями, Р. А. Пластининой и Ст. К. Поповым, со слов которых записаны почти целиком следующие главы: „Высылка пленных сербов“, „Шенкурское восстание“, „Бои на Двине“. Приношу им, а также гг. Поскакухину, А. А. Самойло, А. И. Геккер, Стрелкову, Черкасову, Э. Я. Гуровичу и всем другим, помогавшим своими указаниями, товарищескую благодарность.

М. Кедров.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕДЫШКА.

(Июнь 1918 г.).

Начало открытой гражданской войны на Севере принято считать с первых чисел августа 1918 года, т. е. со дня падения острова Мудьюга¹, высадки англо-французами десанта и занятия Архангельска.

Следует указать, что эта дата является, в известной мере, условной. С равным правом таким начальным моментом мог бы служить захват англичанами Мурмана (в первых числах июня 1918 г.), враждебные действия „союзного флота“ в Белом море, высадка по Летнему берегу мелких отрядов и первые стычки с ними в июле месяце, занятие Онеги и т. д.

Как бы то ни было, изложение событий должно быть начато задолго до того момента, когда англо-французы вступили в Архангельск.

Что представляла собою в то время советская власть? Красная армия? Отношение к ним со стороны широких рабочих и крестьянских масс? Соотношение борющихся на Севере в то время сил?

Остановиться на указанных вопросах исключительно важно, как и на многих привходящих моментах — иначе не будет понятным, почему блестящее начало и великолепно задуманный империалистами план занятия Вологды и свержения советской власти с наиболее уязвимой стороны потерпел полное фиаско.

¹ Остров Мудьюг находится при устье С. Двины в 50 километрах от Архангельска. Будучи укреплен, имел назначение преграждать доступ неприятеля к Архангельску с моря. Здесь была устроена англо-французами каторжная тюрьма, прославившаяся своими зверствами. Знаменитый побег с Мудьюга организован гг. Поскакухиным и Стрелковым.

Комиссариат по демобилизации.

Значительную роль в начальный период гражданской войны на Севере сыграла Советская ревизия, в течение двух месяцев работавшая в этом районе.

Эта организация образовалась из ликвидированного незадолго перед тем Комиссариата по демобилизации (кратко „Демоб“), о котором нелишне сказать несколько слов.

Возникший вскоре после Октябрьской революции в связи с предстоявшей демобилизацией старой армии, Демоб получил очень жалкое наследство от предыдущих правительств в виде груды покрытых пылью проектов и планов, с несколькими вымиравшими сановными старцами в придачу.

Новый комиссариат строился сызнова и очень скоро стал одним из важнейших управлений Народного комиссариата по военным делам; в дальнейшем функции его расширялись и выходили за пределы его непосредственных задач.

Объяснялось это тем, что одни из народных комиссариатов из-за саботажа высших и средних чиновников почти бездействовали (напр., Госконтроль, Наркомпрод, Наркоминдел), другие (как ВСНХ) только-только организовывались, и Наркомвоену, который почти не знал саботажной болезни, по крайней мере в острой форме, приходилось принимать на себя несвойственные ему функции. Всевозможные поручения возлагались на Демоб Совнаркомом; во многие дела он и сам совал нос в интересах советской власти.

Так финансово-контрольный отдел Демоба присвоил себе права Государственного контроля¹. Авто-транспортный отдел (Автоцентр) ведал обозом, автозаводами и всеми мастерскими; все военное имущество находилось под контролем отдела военного имущества; компетенция медико-санитарного отдела, зародыша будущего Главсанупра и частью Наркомздрава, простиралась на бесчисленные военные лазареты, санитарные поезда, эвакуационные пункты, питательные пропускные пункты. Следует упомянуть также об отделе военнопленных и беженцев, изъятом из ведения Наркоминдела², о Техническом управлении, еще в конце 1917 г. работавшем и представившем довольно подробный проект

¹ Ни одна ассигновка не оплачивалась казначейством, если не имелось разрешительной визы Демоба. Такая мера прекратила выплаты казначейством крупных сумм по подложным ассигновкам.

² Отделом этим в Наркоминделе ведал врач Менчиковский (левый эсер), бывший в 1918 г. председателем Сев.-двин. исполкома.

электрификации Севера России на случай возможного использования подлежащих демобилизации солдат¹.

Наконец, отдел военной демобилизации, состоявший в большей своей части из офицеров генштаба и проводивший демобилизацию личного состава армии, устанавливал и разрабатывал, по инициативе наркомвоен Подвойского, принципы организации будущей Красной армии.

Чкорап.

Когда в конце семнадцатого года в иностранных газетах стали появляться заметки, в которых довольно прозрачно высказывалось намерение англо-французов захватить, с открытием навигации, многомиллионное имущество, завезенное ими в Архангельск и похороненное под глубокими снегами на Бакарице, Экономии и других местах, Совнарком немедленно использовал эти сведения и возложил на Демоб срочную разгрузку этого имущества и эвакуацию его в глубь страны.

Приблизительно в середине января 1918 года выехала из Петрограда в Архангельск комиссия, во главе с членом коллегии Демоба, в качестве председателя, двух представителей от ВСНХ и Наркомпрода, с соответствующим техническим аппаратом — Чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта — Чкорап.

Насколько отправленная комиссия пришла по вкусу иностранным капиталистам, — показывает следующее обращение английского консула к „г-ну главноначальствующему“² г. Архангельска и района Белого моря“, от 4 марта 1918 г.:

„Милостивый государь!

„Сегодня посетил меня некий Н. С., отрекомендовавший себя членом Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта, присланной сюда центральными властями.

„В виду сего я нахожу своим долгом, во избежание всяких недоразумений в будущем, через посредство ваше, ясно и категорически объявить местным фактическим властям мнение британского правительства относительно ответственности груза, находящегося в Архангельске.

„Британское правительство считает весь ввезенный в Архангельск груз исключительно собственностью союзников, а не России. За него было уплачено исключительно союзниками. Британское правительство не признает законности декрета настоящего правительства, уничтожающего

¹ Соответствующая статья или статьи по электрификации были напечатаны в газ. „Армия и флот“ в декабре 1917 г. или январе 1918 г.

² Сомову.

иностранные займы, ясным следствием чего является, что, пока таковой декрет не будет изменен, груз не может стать собственностью русского правительства, хотя бы даже частично.

С совершенным почтением
великобританский консул

Дуглас Юнг¹.

Советская ревизия.

В апреле 1918 года, после эвакуации Комиссариата по демобилизации в Москву, задача демобилизации армии была, строго говоря, выполнена. Из громадного аппарата его начали выделяться самостоятельные управления (Военно-законодательный совет, Центропланбейж, Всераком, Автоцентр и др.).

Тогда же впервые явилась мысль — оставшийся аппарат Демоба использовать для инструктирующего и ревизирующего советского органа, в котором на местах ощущалась настоятельная необходимость.

12 мая 1918 г. был издан приказ Народного комиссариата по военным делам относительно производства ревизии всего военного хозяйства. В дополнение к этому приказу Совет народных комиссаров издал 18 мая постановление, расширявшее полномочия и сферу обследования ревизии².

Таким образом и возникла „Советская ревизия народного³ комиссара М. С. Кедрова“.

„Советская ревизия“ имела в своем распоряжении штат, приблизительно, из 40 человек, не включая сюда команды латышских стрелков в 33 чел., и в административном отношении подразделялась на секции: военную, в которую вошло несколько видных генштабистов, артиллерийскую, инженерную, финансовую, продовольственную, контрольную, медико-санитарную, агитационную, следственную, статистическую и техническую.

¹ Хранящаяся у нас копия обращения заверена офицером для поручений морского генерального штаба В. Карякиным.

² Копия постановления Совнаркома см. в приложении № 1.

³ После Октябрьской революции образовался Совет народных комиссаров по военным делам (!), председателем которого являлся народный комиссар Н. И. Подвойский. Все члены Совета также считались народными комиссарами и пользовались равными правами. В отличие от других народных комиссариатов, каждый приказ по военному ведомству вступал в силу при наличии минимум двух подписей любых членов совета. С утверждением советской конституции этот порядок был отменен.

Несколько Народных комиссариатов дали своих представителей в Ревизию.

Несмотря на то, что к тому времени выборное начало в армии было отменено, в нашей латышской команде сохранился прежний порядок. Выборным начальником был т. Каракан.

Следует еще упомянуть преданного соввласти курьера, т. Саволайнена Иванушку, одного из первых сотрудников Демоба и неизменного спутника Ревизии.

Из этого краткого перечня видно, что Советская ревизия представляла из себя сколок с Демоба, аппарат численно меньший, зато более гибкий и подвижный. Коммунистов среди ответработников Ревизии было не больше десятка.

В район обревизования вошли Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская и Иваново-Вознесенская губернии.

Мотивы избрания северных губерний были таковы. Южный и восточный районы республики благодаря открывшейся гражданской войне служили центром внимания; связь с ними непрерывно поддерживалась через действовавшие там военные отряды; туда же направлялись специальные комиссии для инспектирования и руководства — высшая военная инспекция Подвойского, комиссия Юренева, военная ревизия Мехоношина; северные же губернии были предоставлены самим себе, и „власть на местах“ очень скупо сообщала о том, что там происходит.

Имелись и другие соображения при выборе именно северного района. Важно было обревизовать и форсировать работу Чкорапа и устранить трения, возникшие у него с местными властями, якобы считавшими все импортные грузы своими и тормозившими вывоз их с территории Архангельской губ.

28 мая „Советская ревизия“ приступила к работе в намеченном районе.

В дальнейшем мы не предполагаем давать отчета о совершенной ревизией работе. Мы используем только те материалы архива Советской ревизии, которые относятся преимущественно к Архангельской и отчасти к Вологодской губ., и остановимся на некоторых врезавшихся в память моментах, характерных для первого года существования пролетарской власти на Севере.

Первое знакомство с Архангельском.

Нельзя назвать отрядным первое впечатление, полученное в Архангельске. Трудно было поверить, что уже семь месяцев власть принадлежит Советам. Напротив того, все,

и золотые вывески и раскрытые двери всевозможных банков, международных, учетных и др., и бойко торгующие рестораны с садами, и „самоуправляющаяся“ городская управа и дума с городским головой, и особые архангельские боны („моржовки“), начинавшие входить в обращение, и Земсоюз, Согор и военнопромышленные комитеты — все кричало о том, что времена Керенского не миновали и что революционная пролетарская волна не успела еще сюда докатиться.

Посещение губисполкома, помещавшегося в том же здании, где и ныне, оставило мало следа в памяти.

Зато посещение в первый же день приезда городского исполкома, приютившегося в очень скромном помещении по Троицкому проспекту, до сих пор очень свежо.

В помещении мы застали всего несколько членов исполкома, о чем-то между собой горячо споривших. Мы попросили товарищей познакомиться нас с работой исполкома.

Никогда не позабуду члена исполкома, большевик-рабочего, который в ответ с горечью заметил, что работы никакой нет, так как меньшевики и эсеры все вопросы разрешают в городской думе, а, состоя одновременно членами исполкома, здесь только получают жалованье и издеваются.

— Ну, что же, берите управление на себя, сделайте одолжение, — с иронической усмешкой предложил один из присутствующих исполкомо-думцев, при одобрении остальных, кичившихся своей образованностью.

— Да вы знаете, что мы этого сделать не можем! — с раздражением ответил рабочий. — У нас нет образования и опыта для ведения городского хозяйства.

— Так в чем же дело?

— А в том, что когда к вам обращаешься за советом или попросишь составить бумагу, вы никогда не сделаете, отказываетесь.

— Да, уж извините, — с наглостью заявил интеллигент.

— А жалованье откуда получаете? С рабочего, с отчислений от его грошового заработка?!

С напряженным вниманием мы слушали этот замечательный диалог. Нам становилось ясно, что здесь Совет, состоящий в большей своей части из соглашателей, бездействует и что хозяином города является „демократическая“ городская дума.

Мы успокоили товарища ¹ и уверили, что очень скоро такому явлению будет положен конец.

Вечером того же дня (10 июня) был заслушан доклад о ревизии городской думы.

¹ По некоторым данным, это был т. Гуляев.

Городская дума.

Контрольной и финансовой секции Ревизии, обследовавшей деятельность думы, удалось установить, несмотря на встреченное противодействие, достаточное число нарушений декретов Совета народных комиссаров.

Так, наличность дензнаков, хранившихся в расходной кассе, оказалась значительно выше установленной декретом нормы; по день ревизии производилось вознаграждение попов за преподавание в школах „закона божьего“; выдавалось содержание и отопление квартир натурой церковным причтам, выплачивались квартирные деньги командируемым офицерским чинам (!) и т. д.

По аннулированным облигационным займам незаконно оплачивались купоны.

Последнее обстоятельство было положено в основание следующего приказа от того же 10 июня, который уничтожал безответственную власть зазнавшихся городских заправил.

„Впротиворечие декрету Совета народных комиссаров от 20 декабря 1917 г. о прекращении платежей по купонам и дивидендам, в Архангельске до сих пор допускаются платежи процентов по 3 облигационным займам г. Архангельска 1902, 1911 и 1917 гг.

„Става указанное на вид Архангельскому городскому совдепу, согласно полномочий, предоставленных мне постановлением Совета народных комиссаров от 18 мая сего года, предписываю комиссару финансового отдела Губисполкома немедленно провести в жизнь декрет о прекращении платежей по купонам в данном случае упомянутых городских займов, с наложением на гласных городской думы и членов управы штрафа в размере незаконно оплаченных купонов и вышедших в тираж облигаций сроков после 20 декабря 1917 г.

„Означенный штраф предписываю взыскать в трехдневный срок, т. е. до 13 сего июня включительно. Неуплатившие будут арестованы и преданы военно-революционному суду.

„Контролеров Архангельской городской управы, за допущение незаконных, в ущерб населению, выплат по означенным займам, предписываю арестовать и препроводить в губернскую тюрьму до дальнейших распоряжений“.

Сумма штрафа была не настолько велика, чтобы она не могла быть уплачена из собственных средств думцами, но приказ явился подходящим предлогом к выступлению антисоветских элементов, засевших в думе, в продовольственной управе, в советах и чувствовавших свою силу.

На общем собрании дума постановила признать наложенный штраф незаконным.

В ближайшие дни появились воззвания к населению, которые расклеивались и разбрасывались по городу по

поводу неслыханного посягательства большевистских комиссаров на свободу выбранного народом учреждения. Призывы к рабочим не подчиняться распоряжениям советской власти, образовать „независимую от представителей высшей власти рабочую организацию“ и „ликвидировать советскую власть“ появились и на страницах только что начавшей издаваться с.-р. газеты „Наше дело“, которая была нами после того закрыта.

Пришедшее на смену „Нашему делу“ „Вольное слово“ продолжало, правда со значительно меньшей развязностью, ту же разлагающую работу и испытало равную участь.

После печального конца „Слова“ и „Дела“ эсэровское литературное творчество прекратилось, а помещение редакции сохранилось только как место конспиративных явок ¹.

Сочувствия в населении дума не встретила.

Когда в указанный в приказе срок незаконно выплаченная сумма не была покрыта, все члены думы и управы, не внесшие причитавшихся с них взносов, были арестованы. Тогда же был арестован архангельский меньшевистский комитет и закрыта меньшевистская газета „Северный луч“ ².

После такой решительной меры начался разброд в рядах господ гласных.

Один за другим стали поступать взносы от жен и родственников арестованных, посылались ходатайства о рассрочке уплаты, проливались крокодиловы слезы.

Следует указать, что все подобные ходатайства Ревизией удовлетворялись.

Все же солидная группа арестованных, заядлых меньшевиков и эсэров (среди которых выделялись Рублев, Квятковский, Успенский, Данилов) продолжали упорствовать, и некоторые из них пытались через жен, приходивших на свидания, обратиться к рабочим с призывом свергнуть „комиссародержавцев“.

Через несколько дней вся компания ³ была препровождена под конвоем в поезд Ревизии и отправлена в Москву.

Необычное зрелище для архангельцев представляло шествие по Троицкому проспекту изысканно одетых арестантов с новенькими кожаными чемоданами и сумками в руках, сопровождаемых значительной партией элегантных дам.

После неудачной думской демонстрации дни городского управления были сочтены.

В контакте с фракцией губисполкома было принято решение о полной ликвидации этого отмершего органа.

¹ Показание т. Ермолаева.

² См. приложение № 2.

³ К которой присоединены еще несколько арестованных, в их числе губпродкомиссар Папилов.

В приказе Ревизии от 15 июня, обращенном к „товарищам рабочим, красноармейцам и беднейшему населению“, говорится:

„Нужна ли пролетариату и беднейшему населению города Архангельска такая, не стоящая за его интересы, а потворствующая капиталистам, соглашательская дума?“

„Нет, такая дума ему не нужна, и потому распускаю с сего числа настоящий состав гласных архангельской городской думы без назначения новых выборов и предлагаю губисполкому совместно с финансовой секцией Ревизии приступить в срочном порядке к ликвидации архангельской городской думы как учреждения, не соответствующего духу и организации советской власти“.

Дума была распущена, но на какой орган возложить ее функции?

Горисполком не был в состоянии выполнять их.

Губисполком, приняв во внимание крайне слабый и не-советский состав горисполкома, постановил в кратчайший срок произвести перевыборы в горсовет.

Впредь до реорганизации горисполкома была образована (16 июня) временная комиссия по делам Архангельского общественного управления под председательством тов. А.А. Гуляева (председателя горисполкома), к которой перешли все функции бывшего городского управления.

Все отрасли городского хозяйства переданы в подчинение соответствующих отделов губисполкома.

24 июня вновь избранный горисполком принял в управление все городское хозяйство.

Городская продовольственная исполнительная комиссия.

С ликвидацией думы потеряла свое значение и эта замечательная в своем роде комиссия, которая ведала распределением между городскими жителями продовольственных и других предметов потребления, получавшихся ею из Губпродкома.

Юридически она считалась исполнительным органом Губпродкома, на деле же она была всецело зависима от городской управы.

Возьмите состав ее ¹: одиннадцать членов, из них председатель комиссии — заместитель городского головы

¹ Акт № 58 Контр. секции Сов. ревизии.

Филимонов, пять представителей городской думы, четыре члена специально избранные городской думой для заведывания отдельными отраслями городского продовольственного дела; из одиннадцати человек только один представитель Губпродкома, и кто же? Губпродкомиссар Папилов, активнейший враг советской власти!

Немудрено, что при таком составе имело место бесконтрольное расходование скудных продовольственных запасов, и распределение производилось в интересах нетрудовых элементов и спекулянтов, в ущерб рабочим и, вообще, трудящемуся населению.

Приведу несколько цифровых данных.

За период с января по март 1918 года отпущено изрядное количество продовольствия 137 частным торговцам.

Так, например, торговцу М. Х. Багахутдинову отпущено: муки—64 п. 17 ф., сахару—56 п. 02 ф., чаю—516 ф., крупы—72 п. 26 ф.

Другому торговцу, Е. И. Бушковскому: муки—1 696 п. 9½ ф., круп—120 п., сахару—59 п. 31 ф., чаю—619 ф.

Так хозяйничали господа, именовавшие себя социалистами, в то время, когда во всей РСФСР трудящийся не только не мечтал о сахаре, но и не всякий день имел четвертку хлеба.

В общем, продовольственный вопрос (в частности, хлебный) обстоял в Архангельске значительно менее остро, чем в других городах, напр. в Вологде. Это видно хотя бы из того, что только с 1 июля 1918 г., т. е. всего за месяц до интервенции, было введено скромное сокращение хлебного пайка. Приказом Ревизии № 147 (см. прилож.) установлена хлебная норма для рабочих и красноармейцев 1 фунт в день; для лиц, не занимающихся физическим трудом, — ½ фунта¹.

Многочисленные категории населения имели возможность вдвойне и втройне использовать установленные продовольственные нормы. И каких только не существовало в то время потребительских обществ: и „архангельских земцев“, и „Польского о-ва“, и „Союз мелких торговцев“, и „Борьба с дороговизной“, и „квартиронанимателей“, и „Северного луча“, видимо родственного с закрытой меньшевистской газеткой того же названия, и т. д. и т. п.

И все эти паразиты — земские, квартирные и по борьбе с дороговизной — присасывались к советским продовольственным запасам, безнаказанно рвали и сосали их, пользуясь царившей в то время неурядицей.

¹ Неправильно указание т. Метелева в воспоминаниях „О падении Архангельска“ („Прол. рев.“, № 3, 1926 г.) на „чрезвычайно скверное продовольственное состояние Архангельска и на нередкую выдачу по карточкам всего 1/8 ф. хлеба“.

Красная армия.

В то время, когда на советский Север постепенно накатывались грозные свинцовые тучи интервенции, мы совершенно не были подготовлены к тому, чтобы дать серьезный отпор наступающему врагу.

Что представляла из себя на Севере в июне 18 года Красная армия?

Одни формирующиеся штабы и управления военных комиссариатов, — окружного, губернского, уездных, волостных, по численности на много превышавшие войсковые части.

„Обращает на себя внимание, — читаем мы в отчете Сов. ревизии, — громоздкость управлений с чрезмерно большим личным составом служащих, что является несоответствующим тем незначительным по составу ячейкам Красной армии, которые эти управления обслуживают.“

„Например, каждая губерния имеет в комиссариатах губернских, уездных и волостных не менее 3 000 служащих, тогда как красноармейцев не более 1 000 человек“¹.

Окружной и губернский комиссариаты были далеко еще не сформированы. Острый недостаток ощущался в военных специалистах, в твердых сознательных коммунистах.

Нужда во всем: в хозяйственном имуществе, в топографических картах, в средствах связи, в денежных средствах.

Ютились военные комиссариаты в случайных, плохо оборудованных зданиях, большей частью — учебных заведениях.

Трения в работе происходили из-за недостаточно разграниченных функций между однородными отделами штаба и управлений (например, между организационным отделом окружного комиссариата и отделами мобилизационным и по формированию войск управлений и др.), между различными округами.

„Происходят формирования частей в районе Беломорского округа распоряжением петроградских властей, в районе Ярославского округа — распоряжением Беломорского“².

Трения при сборе военного имущества между Беломорским округом и местными советами и разного рода учреждениями, даже частными гражданами: случайные обладатели военного имущества всячески оттягивали передачу его в распоряжение окружных управлений.

„Местные совдепы и учреждения не хотят передавать военному ведомству имеющиеся у них оружие, боевые припасы и особенно автомобили“³.

¹ Архив Сов. ревизии, стр. 25.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 14.

Тяжба между окружным комиссариатом и военными властями северной завесы (Петроград) по поводу складов и магазинов, расположенных на территории округа.

„Хаотическое состояние денежной отчетности в военных комиссариатах вынудило Ревизию, в целях упорядочения отчетности, отдать приказ, впредь до издания новых правил, руководствоваться допотопными книгами XIX и XX Свода военных постановлений 1869 года“¹.

Продовольственный вопрос в армии находился в исключительно тяжелом положении. „Требования поступают огромные как от губернских, так и от уездных комиссариатов по военным делам, но исполнять эти требования трудно, так как запасов продовольствия очень мало, а пополнение их ниоткуда не идет. В каком порядке будут пополняться запасы,— указаний не имеется, так как ходатайства этого рода остаются без ответа“...². В таком же плачевном положении находятся и запасы обмундирования округа (Беломорского).

Если добавить к этому, что некоторые исполкомы, без лишних размышлений, самовольно забирали последние остатки продмагазинов, то катастрофичность продовольствования Красной армии представится вполне наглядно.

Бесконечная бумажная переписка, казенное отношение к делу, старый чиновничий язык.

В качестве иллюстрации приводим приказ окружного военного комиссара т. Геккера от 17 июня:

„В виду непрекращающихся случаев титулования руководителя окружного комиссариата по военным делам Беломорского военного округа «ваше превосходительство» и «господин генерал», настоящим категорически запрещаю обращаться с подобными титулами во всех подведомственных комиссариату учреждениях округа.

„При личных обращениях именовать лиц, к которым обращаются, или по имени и отчеству, или по фамилии, с прибавлением в последнем случае «товарищ».

„Лица, замеченные в неисполнении настоящего приказа, будут подвергнуты взысканиям вплоть до увольнения со службы.

Военно-окружной комиссар Геккер“.

А живое дело отсутствовало.

Казалось, основная работа военных комиссариатов должна была заключаться в создании основного ядра армии — боеспособных красноармейских частей.

¹ Архив Сов. ревизии, стр. 11.

² Там же, стр. 66—67.

Между тем, работа уездных и волостных комиссариатов, как вербовочных пунктов, была крайне слаба и неудачна. Никакой агитационной работы в этом отношении проделано не было, никаких инструкций по этому важнейшему делу не было дано.

„Так как в штатах уездных и губернских комиссариатов не упоминаются агитаторы-вербовщики, потому не знают, откуда их брать, каким удовлетворять содержанием и прочим довольствием“¹.

Прием добровольцев шел крайне туго. Крестьяне не знали и не понимали задач Красной армии... К новой армии они чаще всего относились с полным безразличием, а нередко и с явным враждебным чувством, особенно в тех районах, где вели свою гнусную работу эсэры и меньшевики.

При таких взглядах крестьянской массы добровольцем в Красную армию шел, обычно, человек, которому терять было нечего.

Из 27 войсковых частей, с которыми ознакомилась Советская ревизия, оказалось, что, в общем, приблизительно на 60% армия состоит из инертной массы крестьян, привлеченных в ряды ее голодом, 10% составляли коммунисты и левые эсэры, рекомендации которым при записи в армию давались без всякой проверки, и 30% падало на случайный элемент авантюристического характера, иногда с уголовным прошлым².

Самой неудовлетворительной частью из всех оказался 1-й Архангельский советский батальон (в городе Архангельске).

Командный состав, в большинстве молодежь, прошедшая ускоренные военные курсы, был не авторитетен и не пользовался доверием красноармейцев.

„Замечается неуверенность в своих силах и боязнь масс; красноармейцы, в свою очередь, относятся с недоверием к бывшим офицерам“.

Дисциплина отсутствовала. Одно упоминание о ней вызывало резкий отпор со стороны красноармейцев, отождествлявших ее с царским режимом. Одной из причин являлось также „отсутствие каких-либо норм, регулирующих взаимоотношения военнослужащих, их права и обязанности, условия службы и внутреннего порядка“.

Грязь, беспорядок в казармах. „Из-за недостатка кроватей и тюфяков красноармейцы спят на голом полу“.

Караульной службой занято громадное число красноармейцев (в некоторых гарнизонах до 1/3 всего наличного

¹ Отчет военной секции Ревизии, стр. 13.

² Архив Советской ревизии, стр. 24.

состава), вследствие чего военных занятий не ведется. Культурно-просветительная работа также вовсе отсутствует. Несение караульной службы было небрежно до преступности. Например, в Архангельске имели место два случая кражи караулом охраняемого имущества.

Беспорядок в караульной службе грозил опасностью складам огнестрельных припасов, которых, как известно, было в Архангельске исключительно много.

В некоторых местах для охраны складов были организованы дружины из бывших кадровых офицеров, что представляло еще большую опасность. Где были замечены такие явления, они прекращались Ревизией решительными мерами (например, в Рыбинске незадолго до ярославского восстания).

Больно писать эти строки о первых месяцах жизни Красной армии, нынешнем несокрушимом оплоте Союза ССР и звезде мирового пролетариата¹.

Кроме 1-го советского батальона (численностью около 1 000 чел.), имелись в Архангельске еще флотские части (приблизительно такой же численности), возглавлявшиеся Целед-флотом, латышский „полк“ (менее 200 человек), железный отряд (менее 100 чел.) и вольнонаемный отряд, организованный Чкорап'ом для охраны складов.

Нельзя не упомянуть также о сформировавшейся в Архангельске кавалерийской „дивизии“, состоявшей из ничтожной горсточки ингушей и известной больше по двум лицам, входившим в ее состав: одно из них — герой-партизан, гроза белых — Хаджи-Мурат; другое — авантюрист, изменник — рот-мистр Берс.

Насколько мало можно было возлагать надежды на бое-способность красноармейских частей, — показал один случай, происшедший вскоре после нашего приезда в Архангельск.

Беспорядки в 1-м Архангельском батальоне Красной армии.

В связи с обнаруженным в батальоне хаотическим состоянием хозяйства был назначен новый начальник хозяйства, специалист, а бывший начхоз О. Я. Молчанов перемещен на низшую должность.

Молчанов отказался подчиниться приказу и сдать должность вновь назначенному начхозу.

¹ В виде исключения можно указать на 1-й Костромской советский полк, во всех отношениях превосходный. Советская ревизия объявила этот полк образцовым. Посланный на Уральский фронт, он проявил исключительное героismo.

На батальонном собрании 17 июня, на каковое был вызван и губернский военком т. Зенкович¹, смещенный начхоз произнес демагогическую речь, в которой указал, что отстраняют от работы истинных борцов за свободу, каким является он, и сажают бывших офицеров, явных контр-революционеров.

Речь возымела действие и возбудила красноармейцев против начальства и специалистов.

Тов. Зенкович, честнейший и преданнейший военному делу работник, был слишком мягок и не умел как следует подходить к красноармейцам, почему и не пользовался среди них авторитетом.

Разъяснения его, желание убедить, успокоить разбушевавшуюся стихию, имели обратное действие.

Вместо успокоения, красноармейцы пришли в ярость. Раздавались угрожающие выкрики, требования арестовать, призывы к самосуду.

Единогласно была принята предложенная Молчановым революция:

„Никакого доверия Зенковичу и поддержки т. Вялову² и переорганизовать весь военный комиссариат“.

Затем произвели пере выборы губвоенкома и избранным оказался Молчанов. Зенковича же постановлено арестовать домашним арестом, и три красноармейца были отправлены к нему со следующим мандатом: „№ 2010 от 17/VI 1918 года Выдано Батальонным комитетом предъявителям сего, красноармейцам Архангельского б-она Кр. ар. Сирене Линею, Фриц, Поводникову, командированным для несения караула при военном комиссаре Зенковиче, который подлежит домашнему аресту общим собранием батальона от 17/VI. Тов. председателя Иван Ларионов. Секретарь Ширихов“.

Лишь только Ревизии, имевшей пребывание в поезде на ст. Архангельск-пристань, стало известно о происшедшем, были командированы в батальон ответственные сотрудники³ военной секции с приказом батальону о немедленном освобождении арестованного комиссара и явке его и Молчанова в поезд.

Приказу подчинились, но осмелились заявить, что если и определенный срок (2-3 часа) Молчанов не возвратится в казармы, то весь батальон выступит на выручку его.

Подчиниться такому вызывающему требованию значило бы проявить свое бессилие и содействовать еще большей анархии в полку.

¹ Зенкович Андрей Георгиевич, родом из крестьян Могилевской губ.² Сенинского у., Лукошиловской вол., д. Паршевины, 35 л.

³ Тов. Вялов — второй губернский военный комиссар.

⁴ Ездил в полк и окружной комиссар т. Геккер.

Когда, при личном опросе явившихся, все полученные сведения подтвердились, немедленно были отправлены члены агитационной секции в Целедфлот для предупреждения возможного выступления и военморов¹.

Молчанова было решено арестовать и предать чрезвычайному суду, на этот предмет образованному.

Когда в указанный срок Молчанов не вернулся в полк, бунтовавшие привели в исполнение свою угрозу: с оружием в руках и пулеметами выступили на улицу.

Наступило первое испытание для Ревизии. Наш латышский отряд и все секции были приведены в боевое состояние. На переправах через Двину установлены пулеметы, во все стороны, в том числе на правый берег Двины, отправлены патрули, усилены обычные посты.

Каждый катер, лодка останавливалась, осматривалась.

Моряки, однако, не поддерживали бунтовавших и остались нейтральны. Больше того: приехавшим в батальон 3 членам Целедфлота, с т. С. Матвеевым во главе, удалось внести некоторое успокоение в среду разошедшихся красноармейцев.

При таких обстоятельствах беспорядок ограничился одной демонстрацией.

В качестве „трофеев“ за бессонную ночь мы получили несколько тысяч пудов муки, сданных продорганам, и в придачу группу спекулянтов, тайно вывозивших ее из города и задержанных нашим пикетом.

На следующее утро инцидент был окончательно ликвидирован.

На зеленой поляне вблизи поезда, в особо торжественной обстановке, при многочисленных представителях бунтовавшего советского батальона и моряков и в присутствии высшего военного начальства Архангельска, под усиленным конвоем был доставлен арестованный Молчанов, и председатель суда, т. Эйдук, прочитал приговор.

Ни одного звука протеста не раздалось в рядах бунтовавших, когда читавший дошел до суровых слов:

„...приговаривается к смертной казни“.

Пауза.

„...но, принимая во внимание трудовое происхождение Молчанова, малограмотность и неосознанность его, заменить смертную казнь лишением свободы, заключением в тюрьме сроком на 20 лет“.

¹ В то время значительная часть военморов была заражена эсэровской брехней. Помню, одна из их резолюций начиналась так: „Мы, военморы Беломорья, требуем от Сов. нар. ком. привлечения в правительство представителей всех социалистических партий... Заявляем, что с нашими союзниками мы воевать не можем, а потому“ и т. д.

То было время, когда высшая мера наказания еще не применялась даже в отношении самых тяжких преступников¹.

О пролетариате Севера.

Дать более или менее подробную картину жизни и настроений рабочей массы в то время на Севере не представляется, к сожалению, возможным из-за скудости соответствующих материалов.

Прежде всего надлежит отметить, что господствующее настроение среди рабочих было не в пользу советской, или, как любили тогда выражаться, большевистской власти. Товарищи, заявляющие в своих воспоминаниях противоположное, грешат против истины. Пролетарий не нуждается ни в сказке ни в лести.

Промышленность на Севере довольно слабо развита. Всего рабочих во всем районе, вместе с рабочими ж.-д. и водного транспорта, имелось в 1918 году не свыше 20 000. По данным продовольственных ведомостей, рабочих имелось в Архангельске, исключая даже некоторые рабочие районы (Маймакса) и всех транспортников, много больше 20 тысяч человек, но в это число включены несомненно не только семьи рабочих, но и многочисленные „мертвые души“, насчет которых подкармливались заправилы и всевозможные приклевбатели „демократической“ городской думы.

Пролетариев, в собственном смысле слова, был самый ничтожный процент.

Рабочие архангельских лесопильных заводов (на ходу числилось свыше 25 заводов; большинство этих заводов не было национализировано и работало крайне слабо) являлись в большинстве своем крестьянами окружающих деревень и были малограмотны; идеология их была также крестьянская.

Более квалифицированные рабочие, не имевшие крестьянского хозяйства, за редкими исключениями, были связаны собственным домиком, коровой, огородом, истари завезенными при поддержке заводчика.

Рабочий контроль на ненационализированных лесопильных заводах, благодаря недостатку знаний и опытности, почти не осуществлялся рабочими.

¹ На переданного нам т. В. Г. Боговым хранившегося у него „дела Молчанова“ (65 листов) видно, что следственная комиссия состояла из представителей Окр. воен. ком. т. Павлина Виноградова, Губисполкома — т. Плехина, и Губвоенкомата — т. Коровина. Судебная коллегия — из тт. Эйдука, Ленговского и Гринберга.

После проведенной Советской ревизией национализации банков явилась мысль использовать освобождавшихся банковских работников как инструкторов по рабочему контролю, организовать также курсы, на которых наиболее сознательные рабочие приобретали бы знания по практическому проведению рабочего контроля. Первый шаг в этом направлении был сделан в Архангельске, где было организовано бюро по организации таких курсов.

И все же наиболее революционными были рабочие лесопильных заводов (в особенности маймаксанцы), которые привлекались ко всякому ответственному заданию: охране складов, укреплению Мудьюга и пр. Большое число маймаксанцев было брошено на сопровождение эвакуируемых из Архангельска грузов и распылено по всей территории края.

Кроме рабочих лесопильных заводов, имелись в Архангельске и более квалифицированные категории рабочих — металлисты, сосредоточенные главным образом на Судоремонтном заводе в Соломбале.

Судоремонтный завод возник путем слияния мастерских управления работ и военного порта и начал функционировать лишь с 1/VIII 1917 г. как казенный завод.

Работал он преимущественно на военное ведомство и с самого начала получал значительные субсидии.

Всего к середине 1918 г. было отпущено свыше 13¹/₂ миллионов рублей. От частных лиц и учреждений за все время завод принял заказов лишь на 41 тысячу рублей.

В июне 1918 г. на этом заводе числилось рабочих и служащих 1 880 человек; из них рабочих высокой квалификации (токаря, слесаря, электромонтеры и др.) — 702 человека, менее квалифицированных (каменщики, плотники, подручные) — 450 чел., чернорабочих — 484 чел., технического персонала — 84 ч. и обслуживающего — 160 ч.

Октябрьская революция ни в какой мере не отразилась на работе завода и не умалила его привилегированного положения. Можно сказать, Октябрь прошел незамеченным. К „Рождеству христову“, по старому обычаю, служащим и рабочим выданы наградные, без задержки выплачивались жалованье, дополнительные суммы на дороговизну и квартирные.

Как и раньше, соглашательские партии продолжали играть на заводе первую скрипку, и Судоремонтный завод вполне справедливо был указан в Горкоме нашей партии как цитадель меньшевизма и эсэровщины.

Следует упомянуть еще о рабочих водного транспорта, в массе своей сезонных рабочих, которые по закрытии навигации возвращались к себе в деревню, и о рабочих Сев.

железных дорог, среди которых жили еще традиции блаженной памяти Викжеля и которые, в лучшем случае, соблюдали нейтралитет, а нередко выступали и против пролетарской власти. Например, рабочие Урочских ж.-д. мастерских выступали на стороне ярославских белогвардейцев в 1918 г. рабочие Вологодских ж.-д. мастерских готовы были не раз бросить работу и пойти против Советов, часть рабочих Исакогорских ж.-д. мастерских поддержала интервентов в первые дни их наступления.

То, что пролетариат завоевал оружием и кровью, то, конечно, он не отдал без отчаянной борьбы. Но на Севере победа досталась ему даром, и потому, в минуту смертельной опасности для социалистического государства, северный рабочий не встал сплошной стеной на его защиту.

Вначале поднялись только немногие, наиболее сознательные и смелые, и погибли в неравном бою. Рабочим же массам необходимо было испытать 18-месячное иго англо-французов и их эсэро-меньшевистских лакеев, чтобы раз и навсегда изжить „демократические“ иллюзии.

В подтверждение этого можно также указать, что архангельский губпрофсовет в 1918 и 1919 годах находился под влиянием представителей антисоветских партий (Наволоцкий, Петров, Бечин, Капустин и др.)¹.

Профсоюзы, возглавлявшиеся, большей частью, меньшевиками и эсэрами, натравливали рабочих на большевиков и меньше всего думали о защите интересов рабочих. Наиболее реакционно настроенными союзами были союзы печатников, совслужащих и потельсоюз.

Приблизительно 18 июня было сообщено, что на устроенном эсэрами предвыборном собрании на Судоремонтном заводе делегатами в Совет раб. и кр. депутатов выбраны исключительно антисоветские элементы, и единогласно принят подсунутый эсэрами наказ.

Все агитсилы были мобилизованы, и 19 июня созвано общее собрание рабочих Судоремонтного завода, землечерпательного каравана, службы Лед и рабочих, занятых по устройству набережной реки Северной Двины.

¹ Для характеристики одного из них, именно Капустина, можно привести выдержки из сообщения председателя губпрофсовета после освобождения Архангельска в 1920 г. т. Шарова. „... Капустин, в бытность свою председателем губсовета профсоюзов при господстве белых, не стеснялся заявлять, что принимал участие в борьбе против большевиков в момент переворота (первые числа августа 1918 г.). — В дальнейшем он признавал к созыву Учредительного собрания, к организации «отдела труда» в белогвардейском правительстве, к посылке «Обращения к демократической Сибири Колчака» и т. д. и т. п.“. (Заявление от 12 мая 1920 г.). — Бечин тоже вначале был заражен соглашательскими иллюзиями, но в дальнейшем от них и был сослан белыми на Мудьюг, а затем на Иокангу.

Единственный результат, которого удалось достичь после шестичасовых горячих прений, это расколоть прежнее единодушие. Были внесены две резолюции: одна — правых, говорившая о том, что „мы, рабочие, не видим власти пролетариата, а власть одной партии, которая идет против нас, рабочих“. Резолюция левой части собрания заявляла, что „не место в нашем Исполнительном комитете правым эсэрам и меньшевикам, которые ведут нас к гнилому Учредительному собранию, которые идут все время рука об руку с буржуазией“¹.

Голосование происходило отходом правых в одну сторону, левых — в другую.

Большинство голосов собрала резолюция правых. Дорого пришлось заплатить всему архангельскому пролетариату за свою поддержку меньшевистско-эсэровских обманщиков и за доверие к ним.

В воскресенье 23 июня в связи с введением военного положения и открывшимся губернским съездом Советов, был организован в Архангельске „день советской власти и Красной армии“.

Во всех районах состоялись многотысячные митинги, на которых выступали из работников Ревизии т.т. Бык, Христофоров, Сучков², Ахов, Шаммес, Васильев.

Возвращаясь после окончания митингов и парада войск к себе на Архангельск-пристань, мы обратили внимание, что все суда на Двине разукрасились флагами, а некоторые даже трехцветными, царскими.

На владельцев таких судов был наложен Ревизией значительный штраф.

Разгрузка порта и происки дипломатов.

Ревизией было установлено, что Чкораном была проделана громадная работа по спасению грузов от наводнения, по охране их от расхищения и по вывозу их в различные города республики. Большая часть грузов направлялась на сухонские склады, а с открытием навигации по С. Двине — в Котлас.

В целях поднятия интенсивности труда была введена сдельная оплата грузчиков и на участке Архангельск — Вологда установлено премирование всех железнодорожных служащих за форсированное продвижение грузов.

Действительно, надо было спешить...

¹ Цитировано по с.-р. газете „Вольное слово“, № 3, от 23/VI 1918 г.

² Н. Н. Сучков — авантюрист, в июле 1919 г. разоблаченный и по постановлению ВЧК расстрелянный, см. гл. „Жизнь в поезде“, часть третья.

Иностранные консулы, свободно¹ посещавшие районы складов, с бессильной злобой наблюдали, как многомиллионная союзная „собственность“, сложенная в громадных штабелях, на их глазах тает, подобно снегу под лучами палящего солнца.

Если не вмешаться, все утечет к „проклятым“ большевикам.

Выше было уже приведено заявление британского консула Д. Юнга. Это заявление явилось началом обширной переписки, приведенной в книге Мих. Левинова².

30 марта американский посол Д. Фрэнсис телеграфирует в Москву представителю американского Красного креста Робинсу:

„... Осведомлен, что за последнее время была произведена значительная отправка внутрь страны из Архангельска, где находится громадное количество военных и других запасов, присланных союзниками на основании кредитов по займам, ныне аннулированным. Несмотря на аннулирование, русское правительство все же настаивает на праве собственности на эти запасы. Такое положение нетерпимо. Пожалуйста, осведомьтесь и сообщите точку зрения русского правительства“.

4 апреля Робинс отвечает Фрэнсису, что Советское правительство берет на себя выплату за эти запасы, предполагая заплатить сырьем, но испрашивает отсрочку до организации экономических ресурсов страны.

Наконец, 5 мая достигнуто соглашение, о котором узнаем из письма представителя английской миссии Локкарта к Робинсу от того же числа: „... он (Троцкий) сегодня заключил с нами полное соглашение касательно союзных запасов в Архангельске, согласно которому мы сможем удержать те запасы, которые необходимы для нас...“.

Запасы, о которых шла речь в письме, были так называемые „румынские грузы“ и хранились на складах в Экономпорту. Главную массу составляли боевые запасы, винтовки румынского образца, 75-мм пушки и большое количество санитарного и медицинского имущества. Приказ наркомвоен Троцкого категорически запрещал вывоз румынских запасов из Архангельска и грозил суровой ответственностью нарушителям сего.

¹ Приказом Ревизии за № 131, от 21/VI, пропуска, выданные представителям иностранных миссий на посещение грузового района, были объявлены недействительными. В случаях особой необходимости допуск указанных лиц должен производиться при непременно участии на все время осмотра начальника охраны и двух часовых.

² Мих. Левинов, К истории союзной интервенции в России, Изд. „Прибой“, 1925 г.

Должен сказать, что Чкорап строго соблюдал указанный приказ, и англо-французские интервенты в августе нашли склады в том виде, в каком они находились ко дню соглашения.

Но чем вызывалась такая поразительная „сговорчивость“ представителей иностранных миссий, согласившихся уступить большевикам львиную долю архангельских запасов? Здесь следует, хотя бы в нескольких словах, коснуться тех сокровенных чувств и расчетов, которые лелеяли в то время империалистские акулы в отношении советского государства и которые воодушевляли их на такие красивые жесты.

Что главнейшая цель империалистов после Октябрьской революции заключалась в свержении большевистского правительства—едва ли подлежит малейшему сомнению. В такой же мере являлось бесспорным, что достигнуть поставленной цели возможно только извне, при помощи иностранных штыков, при помощи интервенции.

Вся трудность вопроса заключалась только в том, как произвести интервенцию; под видом согласия и одобрения Советского правительства, или без всякого на то приглашения?

Не приходится много распространяться о том, что первый способ давал интервентам, в случае успеха, слишком большие преимущества, чтобы они отказались от него, не пустив в ход весь арсенал дипломатического искусства.

Хитрые щуки решили обойти простоватого, как думалось им, ерша.

Затаив свои истинные контр-революционные вожделения, представители миссий вступили в „дружественные“ деловые сношения с большевиками, предлагая помощь в восстановлении транспорта, в борьбе с германским империализмом.

В той мере, в какой такая помощь была в интересах пролетариата, она нашим правительством принималась.

Тов. Ленин в „Письме к американским рабочим“¹, написанном 20 августа 1918 года, упоминает о разговоре своем с французским офицером де-Люберсаком: „«Я—монархист, моя единственная цель—поражение Германии»,—заявил мне де-Люберсак.—Это само собой (*cela va sans dire*),—ответил я. Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де-Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва жел.-дор. путей, в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий,—соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским

¹ Собр. соч., т. XV, стр. 377, ГИЗ, 1925 г.

монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников-немцев мы использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы других империалистов“.

Такое использование услуг, как увидим ниже, отнюдь не приходилось по вкусу служащим.

В равной мере, Советское правительство не отказывалось от соглашения с Антантой и от услуг ее, облегчавших строительство Красной армии. Оно готово было принять группу французских и прочих инструкторов, но использовать опыт и знание их опять-таки в интересах пролетарской революции, а не империалистической бойни.

Теперь более понятным станет смысл „соглашения“ и об архангельских грузах, тем более, что воспрепятствовать вывозу антантовские агенты могли бы лишь при помощи прямого насилия, а таковое в то время признавалось преждевременным.

Скоро, однако, „друзья-союзники“ поняли, что остались в дураках и что „простоватый“ ерш перехитрил старую продувную щуку.

Приведем один интересный документ—признание сэра Д. Р. Фрэнсиса.

Никогда, кажется, ни один дипломат с такой безжалостностью к себе не клеймил собственное убожество, не разоблачал перед всем миром свое бесстыдное лицемерие и непроходимую глупость.

Послушайте только, что пишет этот „благородный“ сэр, так нежно любивший „многострадальную“ Россию в бытность свою американским послом:

„2 мая я уведомил государственный департамент, что время для союзнической интервенции в России наступило... Я надеялся (!), что об этом будет просить (!) советское правительство и в этом направлении все время осторожно (!) работал... поддерживал дружественные, деловые отношения с большевиками... рекомендовал союзникам участвовать в формировании новой армии. Как я уже сообщал вам, я был уверен, что в подходящий момент я мог бы оказать влияние на такую армию...“ и т. д., в том же роде¹.

Но вернемся к разгрузке порта.

Чкорап, проделавший огромную работу по эвакуации архангельских грузов, к сожалению до конца не остался

¹ Д. Фрэнсис, Россия из окон американского посольства. Выдержка взята из книги М. Левинова, К истории союзной интервенции.

на высоте; внутри его появилось разложение, которое в конце концов приняло самые безобразные формы.

Стоит только напомнить: „пикники“, для которых использовались быстроходные катера (так называемые „истребители“), находившиеся в распоряжении Чкорапа, также — загадочную гибель сотрудника комиссии, т. Фролова (члена военной организации ЦК РКП в 1917 г.), при взрыве котла катера.

Кутежи в помещении Чкорапа с выставлением караулов на улице, которые должны были охранять пьяниц. Один подобный случай чуть не вызвал кровопролития между караулом и матросами, требовавшими впуска в помещение.

Наконец, хищения ответственными сотрудниками комиссии вверенного им для вывоза имущества.

На одной из улиц был раскрыт тайный склад сукна, шевро и шелковых чулок, откуда краденые товары отправлялись под видом домашних вещей, упакованных в плетеные корзины¹.

Все члены комиссии, причастные к расхищениям и попойкам, были арестованы Ревизией. Инженер Е. Паули, технический распорядитель комиссии, у которого при обыске было найдено большое количество казенного имущества, пробовал спасти себя, ловко предложив следователю ревизии крупную взятку².

Тогда, как обычно случается, посыпались телеграммы по всем высшим инстанциям с указанием на приостановку всей эвакуации, на колоссальный вред, который принесут государству аресты и на отсутствие каких-либо мотивов для арестов.

Было получено по этому поводу несколько телеграмм. Даже Владимир Ильич запрашивал о причине арестов.

20 июня Чкорап был ликвидирован. Весь аппарат управления его со всем материальным имуществом и денежными ресурсами, как в Архангельске, так и в Вологде, Сухоне, Котласе и других местах, передан Архангельской междуведомственной комиссии по учету и распределению имущества.

¹ Междуведомственной комиссии по разгрузке Архангельского порта приказано не вскрывать ящиков и тюков с реквизированными заграничными сукнами и материей и переправлять их в Москву в Комиссариат продовольствия в том виде, как они принимаются комиссией от таможни, и прекратить выдачу сукна и пр. материй кому бы то ни было. (Приказ № 137, Архив Сов. р., стр. 73).

² Небольшой чемодан в квартире Паули оказался запечатным и ключ от него „потерянным“. Паули заявил, что в чемоданчике ничего нет. Чемодан был взят в поезд Ревизии и при вскрытии в нем оказалось 200 тыс. рублей. Паули, видимо, рассчитывал, что следователь деньги возьмет себе, а в благодарность составит лестное заключение.

Председателем был назначен член Чкорапа т. Б. Ройзенман, которого руководители ее всячески старались отстранить от работы. Тов. Ройзенмана характеризовать не приходится. Он развил в этом не требующем головоломки деле колоссальную энергию и с щепетильной бережностью в отношении государственного имущества довел эвакуацию до конца.

Он с исключительным восторгом рассказывал о тех богатствах, которые он выбрасывал со складов Архангельска, — вагоны полевых биноклей, многие сотни пишущих машин, десятки тысяч пудов цветных металлов и миллионные запасы огнестрельных припасов и каменного угля.

Что касается обвинений местных властей в том, что они препятствовали эвакуации, то эти обвинения были преувеличены. Только при вывозе угля с территории Архангельска наблюдался одно время такой тормоз со стороны отдельных членов Губисполкома (лев. эсэр.), устраненный в дальнейшем самим же Губисполкомом.

Чтобы более конкретно представить себе работу архангельских разгрузочных организаций и органов транспорта, а также немного охладить рвение „союзных“ акул, склонных увезенные большевиками запасы преувеличивать за счет потребленных на империалистическую бойню и определять их в астрономических цифрах, достаточно будет ознакомиться хотя бы с одним импортным товаром — каменным углем и дать несколько статистических данных о наличии его в Архангельске и о движении по месяцам.

В навигацию 1917 года всего выгружено в Архангельске каменного угля со 158 пароходов — 40 410 643 п. в том числе ньюкэстльского и иоркширского — 22 661 649 п., кардифского — 15 839 805 п., кузнечного — 420 727 п. и кокса — 1 488 462 п.

Главнейшие районы разгрузки: Бакарица (выгружено свыше 18 млн. пуд. с 69 пароходов), рейд Северной Двины (7,5 млн. с 31 парохода) и Соломбальский берег (свыше 5 млн. пуд. с 20 пароходов)¹.

Приблизительно две пятых угля (16 млн. пуд.) выгружалось с иностранных пароходов прямо в вагоны на Бакарице и в баржи на рейде Сев. Двины, откуда направлялось внутрь страны. 24½ милл. пудов угля были сложены в штабеля, значительная часть которых потреблена еще в до-октябрьский период.

Таким образом, на 1 января 1918 года угля состояло в наличии 15 062 106 пудов.

¹ Остальные районы: Моисеев остров (3½ млн. пуд. — 14 парох.), Мурманская дамба у вокзала (1,1 млн. — 5 парох.), Реушинский берег (7½ млн. — 9 парох.), управление работ в Соломбале (0,75 млн. — 3 пар.), Мурманск (1½ млн. пуд. — 2 парох.), пристань Мурман. п-ва (0,6 млн. п.), и др. Мурман. ж.д. дор. (0,4 — 2 парох.).

До 1 апреля 1918 г. уголь из Архангельска не вывозился. В этот период было забронировано на нужды Архангельского края на 18-ый год 2 891 331 пуд.

С 1 апреля 1918 года, когда начался вывоз угля, и по 15 июня вывезено всего 4 100 000 пудов, причем ежедневная отправка выражалась:

в первой половине апреля . . .	колич.	33	тыс. пуд.
„ второй „ . . . „	47	„	„
„ первой „ мая . . . „	45	„	„
„ второй „ . . . „	45	„	„
„ первой неделе июня . . . „	86	„	„
„ второй „ . . . „	137	„	„

Громадный рост вывоза в июне объясняется, очевидно, отправкой угля также и водным путем по Двине.

К сожалению, сведения о вывозе после 15 июня отсутствуют, но если допустить, что темп вывоза угля в последние 1½ месяца до интервенции оставался равным июньскому (т. е. в среднем суточную отставку принять в 111 тыс. пуд.), то общее количество вывезенного с 15 июня угля можно считать примерно в 5 млн. пудов, а с 1 апреля — в 9 100 000 пуд., и ни в коем случае не более 10 млн. пудов.

Отсюда видно, что ко дню интервенции в Архангельске оставалось не менее 2-3 миллионов пудов (не считая неизрасходованного запаса военного и торгового флота и др.¹).

О другом грузе, взрывчатых веществах, точных данных не сохранилось. Одно можно сказать, что запасы их были огромны, и своевременный вывоз их внутрь страны немало облегчил нашу победу в гражданской войне.

Финансовое хозяйство.

Ревизия на первых шагах обнаружила, что национализация банков в Архангельске была проведена только на бумаге. Ограничились лишь переименованием (Народный банк) да назначением в отделения бывших частных банков комиссаров, но не слиянием с Государственным банком. Все отделения вели свою особую отчетность, исчисляли проценты по вкладам и текущим счетам, в ожидании момента наступления желанной денационализации.

¹ В чьи адреса направлялся уголь из Архангельска? В апреле и мае 1918 г. Военно-хозяйственному совету в Москву отправлено приблизительно 1 млн. пудов, морскому ведомству — приблизительно 1 300 000 пуд., Север. жел. дор. — 600 тыс. пуд., Александр. ж. д. — 12 тыс. и нескольким заводам (Голутвинскому машиностроит. зав., горному заводу в Наващине, Люберецкой комп. жатвенных машин, Петр.-Александр. зав.).

Казенная палата, акцизные управления, податная инспекция оставались также в полной сохранности, в том виде, как они существовали до Февральской революции.

Ревизией была проведена окончательная национализация отделений частных банков путем принятия Госбанком пассивов и активов местных отделений Русского для внешней торговли, Международного, Сибирского, Соединенного и Московского банков с ликвидацией таковых¹.

Ревизия дала следующий отзыв о деятельности финансовых отделов исполкома:

Положение финансовых отделов исполкомов весьма неопределенно и шатко, что в значительной мере объясняется неопределенным двойственным подчинением (не считая подчинения исполкому) Наркомвнуделу и Наркомфину.

Ни от того ни от другого не получается руководящих указаний, а когда таковые бывают, то нередко они являются взаимно противоречащими. Так, например, НКВД рекомендует финотделам беспощадное обложение имущих классов как главный источник получения средств для содержания местных учреждений. Эти указания понимаются на местах как санкция практикуемых ими контрибуций или единовременных налогов. Одновременно с этим Народный комиссариат финансов ведет борьбу против контрибуций и прочих видов нерегулярного обложения, считая указанные явления дезорганизующими весь финансовый аппарат.

Надо сказать, что в Архангельске и губернии больше придерживались точки зрения Наркомфина и к контрибуциям прибегали редко.

Но как-никак финансовых затруднений было много, — из них надо было выходить.

И вот, на почве временного денежного, точнее разменного, голода, по совместной инициативе управляющего архангельским отделением Госбанка и Городской думы, был принят выпуск вкладных на предъявителя билетов местного отделения Госбанка, так назыв. „моржовок“².

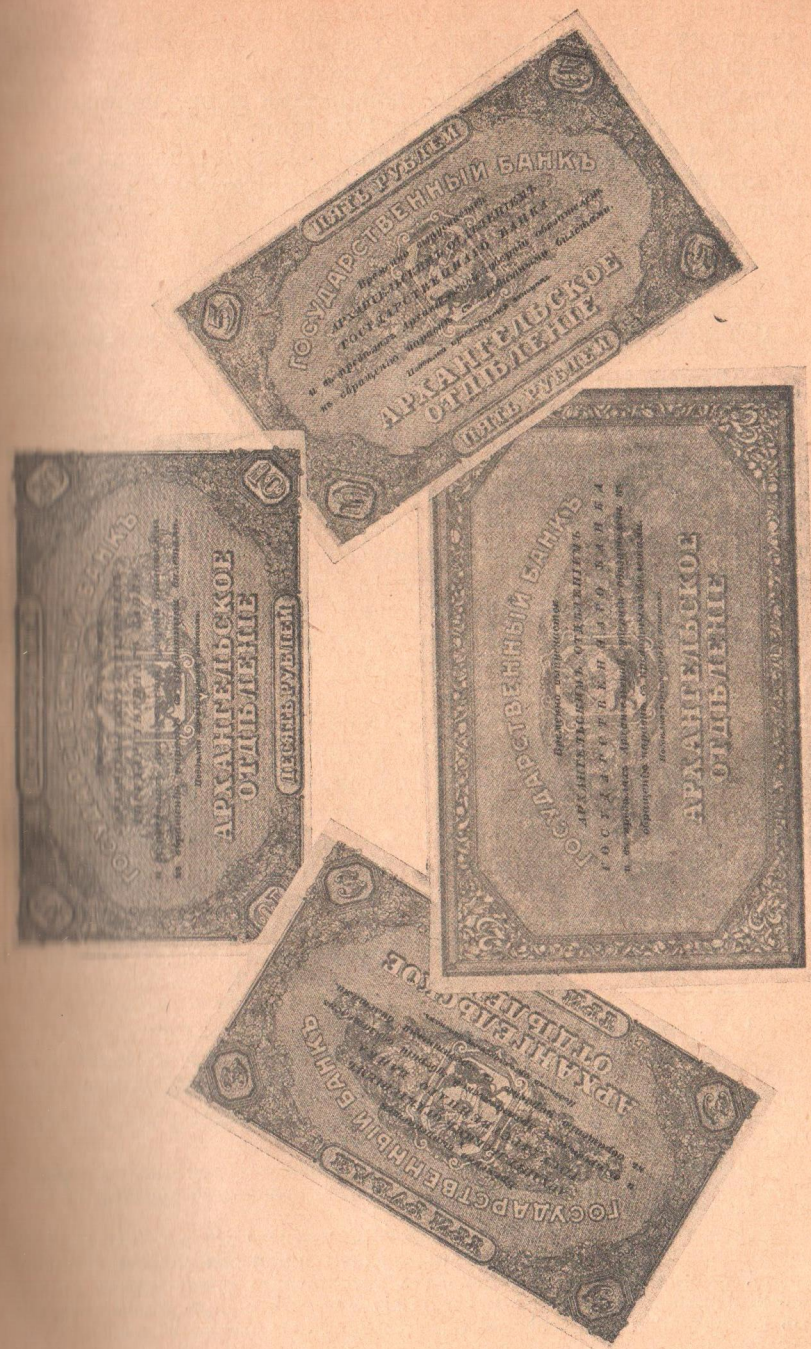
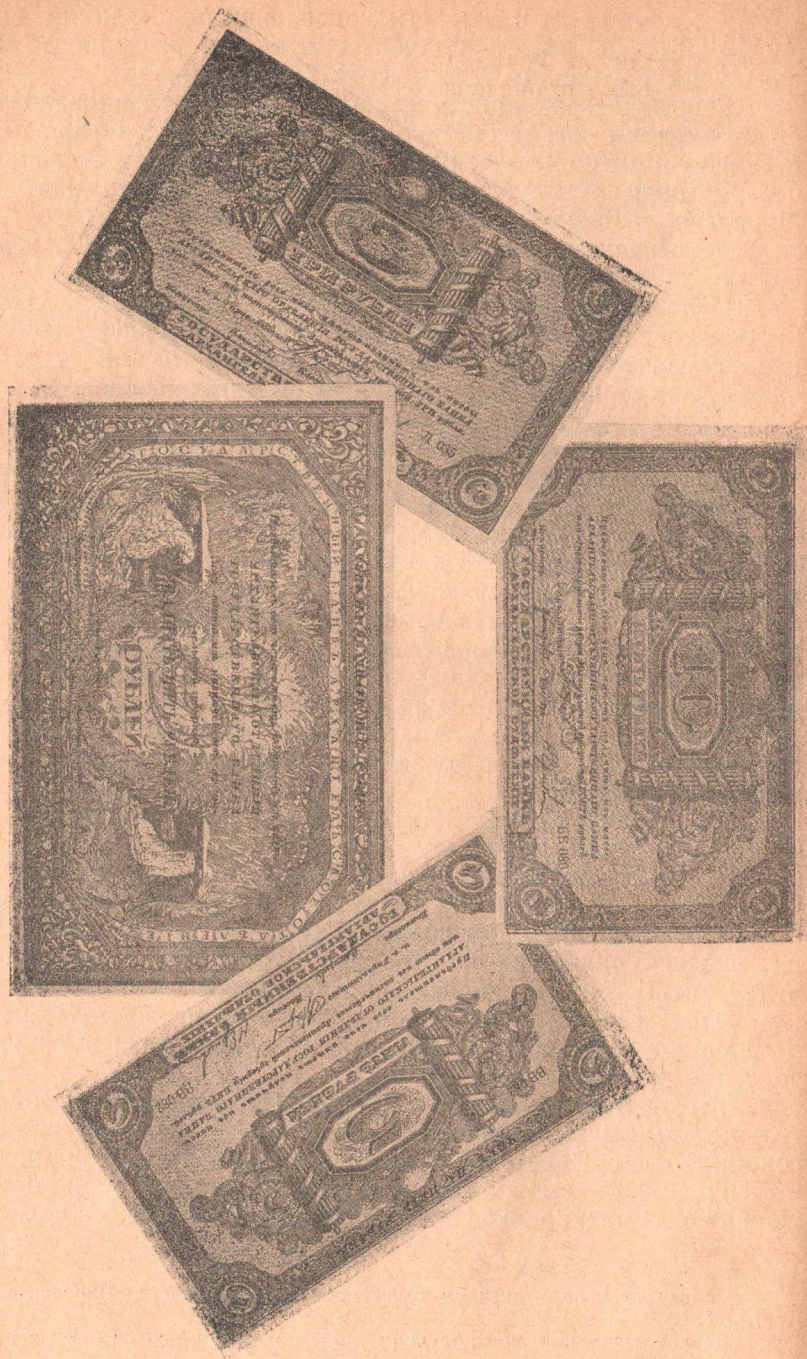
Эти дензнаки печатались в частной типографии Голике и Вильборг в Петрограде при отсутствии строгого контроля со стороны управления Госбанка.

Мы не можем здесь останавливаться на всех отрицательных сторонах, связанных с выпуском бон, о чем подробно говорит отчет Советской ревизии; следует только указать, что, предвидя возможность интервенции, при которой „моржовки“, несомненно, оказали бы большую услугу захватчикам,

¹ Такая же национализация была проведена в Вологде, Ярославле и Костроме.

² Такое наименование получили бонны по имевшимся на них рисункам моржей.

Моржовки.

Моржовки.

Ревизия приняла решение ликвидировать эту „денежную авантюру“ и распорядилась срочно сдать в центральное управление Госбанка как всю находящуюся в гор. Архангельске наличность этих дензнаков, так и все напечатанные знаки в типографии Голике и Вильборг¹.

Без всякого шума и трений была доставлена в поезд Ревизии вся свободная наличность „моржовок“ и эвакуирована в Москву².

Морской транспорт.

(Об „узких задачах эксплуатации“ и широких планах строительства).

Весной 1918 года, в срок от 6 до 17 апреля, была проведена на Севере национализация всего морского транспорта, — проведена без плана, спешно, топорно. В первую очередь национализированы суда Мурманского пароходства, затем пароходств Буркова, Западно-русского, Спаде, Могучего, Беззубикова, Шмидта, Антуфьева, Гергард-Гей и Бреде и переданы для эксплуатации Беломорскому областному управлению морского транспорта (кратко „Беломоре“).

Из докладов предправления Б. Страховского, которыми в дальнейшем мы, главным образом, будем пользоваться, узнаем, что областное управление получило 30 более или менее крупных паровых судов, а именно: товаро-пассажирских пароходов — 15, грузовых пароходов — 9, буксиров — 6 и еще 86 более мелких судов, которые в большей их части управление не знало как использовать. В это число вошли: 7 паровых катеров, 6 моторных катеров, 8 рабочих моторных судов, 11 парусных поморских судов, 28 портовых барж, 5 паузков, 20 брамов и карбасов и 1 плавучий элеватор.

„Рассматривая приведенный список судов, — пишет Страховский в своем докладе от 7 мая по вопросу об установлении тарифов на предстоящую навигацию: — нельзя не

¹ См. приложение № 4, приказ № 103, от 18/VI — 1918 г.

² Вывоз „моржовок“, отчасти и советских дензнаков, из Архангельска создал на первых порах значительные затруднения для интервентов и белогвардейского правительства.

В обращении верховного управления г. Архангельска к губернии по поводу краткосрочного „займа доверия“ читаем:

„Вследствие этого (т. е. вывоза) в распоряжении верховного управления Северной области оказалось недостаточное количество средств на текущие расходы.

„Между тем, средства для новой власти нужны безотлагательно: необходимо срочно формировать отряды народной армии для борьбы с большевиками, чтобы совместно с союзниками восстановить фронт против германской коалиции и уничтожить последствия Брестского мира, чтобы восстановить подорванную большевизмом деятельность городских и земских самоуправлений...“ и т. д. (Из Собр. приказ. верх. упр. Сев. обл.).

прийти к заключению, что едва ли будет возможность обвешивать весь этот разношерстный инвентарь в какую-нибудь общую систему определенной работы в эту навигацию; особенно, если принять во внимание, что все эти суда начали поступать в областное управление перед самым началом кампании, что многие из них значительно запущены и требуют крупного ремонта¹ и что, наконец, едва ли будет возможно установить, какая морская работа может быть в этом году, так как статистические сведения, на которых базируются, обыкновенно, в разрешении таких вопросов, сейчас бессильны в виду полного переворота всей промышленной жизни страны, явившегося последствием тяжелой перенесенной войны.

„В связи с изложенными обстоятельствами, а также и в виду роста дороговизны, надо быть вперед подготовленным к значительным убыткам от эксплуатации, особенно в первом году, и во всех сметных и тарифных расчетах основываться, главным образом, не на доходности, а на том, какие перевозки необходимы для нужд края“.

Приведенные выдержки из доклада показывают, что руководитель Беломоря верно оценил общее хозяйственное положение и сделал вполне правильный вывод.

Нельзя того же сказать о главном управлении водного транспорта, Главде.

Через свой отдел морского транспорта оно дает Беломорю такие мудрые директивы, которые при самом лучшем желании не могут быть выполнены и свидетельствуют „о высоком полете фантазии и слабом чувстве действительности“ их авторов.

Приводим выдержки из двух предписаний морского отдела:

22 апреля 1918 года в пункте 3-м предл. № 977 сказано: „В основание тарифов кладется себестоимость + 10% в запасный капитал и на развитие водных путей“.

В циркуляре 26 апреля 1918 г., № 1070, говорится: „Отдел морского транспорта высказывает пожелание, дабы намеченные рейсы окупали бы полностью эксплуатационные расходы, как по судовому составу, так и по местным учреждениям, основам и т. д. и не требовали бы дополнительных ассигнований из средств государственного казначейства“.

Имея такие директивы, Беломоре произвело довольно фронтальные выкладки и пришло к выводу, что пожелания Главде невыполнимы.

¹ С изданием декрета о национализации в январе 1918 г. судовладельцы приостановили ремонт судов, ссылаясь на отсутствие средств.

Интересно остановиться на одной из первых советских калькуляций себестоимости, исчисленной Беломорем.

Исходя в исчислениях эксплуатационных расходов (навигационных, страховых, административных, агентских и пр., также ремонт судов) из ранее установленных б. Мурманским пароходством 11 линий срочных рейсов¹ и 3 внесрочных рейсов мелкими пароходами², стоимость расходов выразилась в 8828128 руб. Добавляя 445 тыс. руб. на зимнее содержание всех судов и 10% отчислений в запасный капитал, общая сумма расходов превысила 10 миллионов рублей.

Мыслимо ли было покрыть поступлениями от перевозок эту колоссальную сумму, которая, несомненно, должна была еще возрасти в связи с падающей валютой?

На какие перевозки могло рассчитывать областное управление? Во-первых, на провоз продовольственных грузов, которые предположительно определял Губ. продов. комитет в количестве 1½ миллионов пудов³. Во-вторых, на перевозку прочих грузов (максимум 800 тыс. пудов) и, основываясь на статистических данных пассажирского движения, еще на перевозку 50 тыс. чел.

Осторожность заставляла уменьшить общее количество грузов для 18-го года до 1500000 млн. пудов, из них до 1 млн. зерновых грузов, и ½ млн. — рыба и другие грузы.

Приняв, далее, во внимание, что по всем линиям грузы давали 64% всех доходов, пассажиры — 36%, выходило, что для достижения самоокупаемости Беломоре должно было выручить от перевозок 1500000 пуд. груза 6521882 руб., 50000 пассажиров — 3668559 р. Иначе говоря, везти в среднем 1 пуд груза за 4 р. 35 к., 1 пассажира — за 73,4 р.

Вне сомнения, такие ставки, несмотря на тогдашнюю дороговизну, являлись чудовищными, и необходимо было отказаться от них и установить допустимые для края тарифы, при этом с несомненным убытком.

Мы не можем здесь останавливаться на всех подробных вычислениях Беломорем тарифов по каждой из пароходных линий; сообщим только конечные выводы.

Тариф на перевозку пассажиров предполагалось уменьшить, приблизительно, в 5 раз против себестоимости, грузовой тариф в 6 с лишним раз.

В таком случае все сметные доходы выразились бы в сумме 1790012 и убыток — 8400429 р.

¹ Мурманская, Онежская, Кемская, Кандалакшская, Мезенская, Печорская, Новоземельская, Мотовская, Зимняя и Весенняя Мурманская и Весенняя Мотовская линии.

² По Летнему и Зимнему берегу и Канинскому берегу.

³ В Онежский уезд до 200 тыс. пуд., Кемский — 350, Александровский — 125, Мезенский — 235, Печорский — 557 и еще соли до 100 тыс. пуд., а всего 17570 тыс. пуд.

В целях максимального сокращения дефицита, предприятия Страховский представил проект изменения расписания рейсов, чтобы, не уменьшая числа эксплуатируемых пароходов, сократить, по возможности, убыточные срочные рейсы, развить рейсы внесрочные и малые.

У нас не имеется данных, как был разрешен этот вопрос архангельским совнархозом, которому в то время был подчинен водный транспорт; одно можно сказать, что не зависящие от Беломоря политические события на Мурмане, а затем в Архангельском крае, совершенно спутали все его планы и расчеты.

В архиве Сов. ревизии сохранилась копия телеграммы, подписанной т. Лениным, видимо по просьбе председателя Главвода.

Приводим содержание ее:

„Телеграмма.

„Откуда: из Москвы.

Кому: Беломоре.

„Подана: 20-го (!) 10 час.

Принята: 1/VI 1918 г.

„В дополнение неоднократных требований предписывается под личной ответственностью членов областных управлений: первое, представлять сведения о двухнедельном расхождении кредитов¹ по форме, установленной Главдомом, с указанием поступающих за этот же срок доходов. Второе, поступающую выручку от эксплуатации национального флота ежедневно вносить в местные казначейства и отделения Народного банка. Где нет таковых, то отправлять один раз в неделю в ближайшее казначейство. Третье, немедленно представить сведения о расходе кредита и о поступивших доходах по 15 мая. Четвертое, срочно озаботиться составлением смет доходов и расходов на второе полугодие.

„Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

„Председатель Верховной Коллегии Главвода В. Зуль.

„Управляющий делами Сов. Нар. Комиссаров

В. Бонч-Бруевич.

„Вх. № 94.

405“.

¹ Кредиты, ассигнованные Беломорю Ком. хоз. пол. 16 апреля, не были 7 июня еще получены. Немудрено, если телеграмма даже Предсовнархоза шла в Архангельск в течение 12 суток.

Несмотря на полную разруху промышленности и транспорта, на усиливающуюся с каждым днем нищету и голод, несмотря на то, что весь капиталистический мир ополчился против единственного пролетарского государства и вот-вот готов был раздавить его своей тушей, — восстановление разрушенного хозяйства, грандиозные планы строительства, осуществление которых стало возможным лишь при рабочем правительстве, воодушевляли не одного из преданных советской власти специалистов.

Подобная задача увлекла и руководителя Беломоря.

В своем докладе-воззвании он пишет:

„Нам... никто не поможет. России, ясно, самой нужно создать так неотложно необходимый ей торговый флот. И вся громадная работа по его воссозданию должна, по видимому, лечь на нас, так как таковой флот может быть создан только в свободном открытом море, а единственным таким морем оказалось у России одно только Белое море...

„Нет слов, конечно, мы должны использовать в полной мере ту кучку пароходов, переданных нам по национализации, и привести их в состояние исправности, более высокой, чем они были у прежних владельцев.

„Но это не главная забота, а лишь текущее дело. Главные же наши думы, все наши силы мы должны отдать созданию нового, нашего русского, национального флота...

„И сейчас это легче сделать, чем когда-либо, так как сейчас, при демократическом строе, мы не упрямся в безжизненный бюрократизм и былую канцелярскую волокиту, но, наоборот, встретим широкий доступ к использованию всех национализированных строительных богатств и быстрое и широкое разрешение всех вопросов — это первый и главный залог успеха“¹.

Объявление военного положения.

Подлая измена председателя Мурманского исполкома Юрьева, заключившего с „союзниками“ соглашение, передавала им фактически всю власть на Мурмане, позволила создать в Мурманске морскую базу и давала возможность распространить интервенцию и в направлении на Ленинград и в сторону Архангельска.

Положение Архангельска становилось тяжелым. Можно было ожидать наступления англо-французов и с моря и суши. По имевшимся сведениям, иностранные захватчики, укрепившись в Мурманске, двигались на юг вдоль железной дороги.

¹ К докладу была приложена схема грандиозного судостроительства.

При слабости советской власти в Архангельске, ничтожности боевых сил, ненадежности аппарата по борьбе с контр-революцией, а также существовании до последнего времени сильной городской думы, где сплотились антисоветские элементы, имевшие ставленников повсюду в советских учреждениях и державшие в своих руках все городское хозяйство, школы, больницы, милицию, снабжение — не исключалась возможность попытки со стороны Антанты распространить опыт „бескровного“ мурманского переворота и на Архангельский край.

В помещении Беломорского округа происходило секретное заседание по вопросу обороны Архангельска. Присутствовало высшее начальство округа, представители Губисполкома, а также все военные сотрудники Ревизии.

Предательство на Мурмане и высказанные выше соображения заставляли особенно тщательно изучать каждого из присутствующих.

Тов. Геккер, окружной комиссар, соединял в себе редкие стороны военного специалиста и коммуниста. Простота, скромность, искренность и, вместе с тем, непоколебимая твердость и настойчивость.

Тов. Макаров — тоже окружной комиссар. Толстяк, флегма, который хочет быть сангвиником. Пыхтит подобно паровозу, обливаясь потом. Всегда суетится. Как не знающий военного дела, всецело подчиняется т. Геккеру, хотя и числится первым комиссаром (военным).

Военный руководитель округа, б. генерал Огородников, на которого, помимо военных задач, возлагались центром и дипломатические функции и наблюдение за разгрузкой Архангельского порта, — то самое лицо, которое подчиненные по привычке продолжают именовать „ваше превосходительство“. Его сухая официальная речь не располагала к нему слушателя. В его советах не чувствовалось искренности, в его планах отсутствовала вера в то дело, которому он служил. „Не знаю, как мы будем воевать с англичанами“, — заметил он однажды в беседе с одним специалистом (Осадшим).

Рядом с ним полный контраст представлял начальник штаба округа А. А. Самойло, тоже бывший генерал, но один из тех немногих генералов, которые явились красой и гордостью Красной армии. Говорил громко, так громко, что у нервных людей дрожали поджилки, прямо и смело высказывая свое мнение. И если не знал или не был в состоянии что-либо решить, заявлял прямо: не знаю, не могу. Он не был коммунистом, но на него можно было положиться как на самого надежного партийца. Сказал — сделал.

Не один раз уже с Мурмана вызывали на телеграф ответственных лиц округа. Содержание таких разговоров представлялось „маловажным, не заслуживающим интереса“.

Однажды при новом вызове отправился на провод т. Самойло. Он немедленно поставил нас в известность, что вызывал его быв. генерал Звягинцев, мурманский военный руководитель, и сделал предложение заключить по примеру Мурманского соглашения с „союзниками“ против немцев и сдать Архангельск.

Самойло с негодованием отверг подобное предложение.

Я не представляю ясно третьего специалиста, присутствовавшего на этом заседании, б. адмирала Викорста. Но его мнения и советы помню. Одним из присутствовавших было сделано предложение минировать устье Двины. Викорст осторожно возражает: „мины представляют большую опасность для наших судов, чем для неприятельских“.

Обсуждается вопрос о взрыве маяка на о. Мудьюге в случае открытия морских боевых действий, чтобы лишить противника прицела по воздвигнутым на острове батареям и затруднить вход в Двину. Викорст возражает, что, конечно, можно и взорвать маяк, но он имеет большую ценность, а польза от уничтожения его для нас весьма проблематична. Англичане, несомненно, располагают самыми точными морскими картами и другими средствами для ориентировки.

Надо отдать справедливость, адмирал Викорст проводил предательство умело и хитро.

На этом же заседании ставился вопрос о дальнейших планах „союзников“.

Господствовавшее мнение было таково, что на Петроград союзники не пойдут, а сделают попытку оккупировать Архангельский край и через Вологду, Котлас, Вятку — установить единый фронт с чехо-словаками и Колчаком.

После всестороннего обсуждения вопросов, связанных с обороной, было принято решение объявить г. Архангельск и его район на военном положении.

22 июня 1918 года был опубликован соответствующий приказ¹.

Командующим сухопутными и морскими силами был назначен А. А. Самойло, политическим комиссаром — Р. Куликов².

¹ См. приложение, № 5 приказ о введении военного положения. — Тов. Метелев в воспоминаниях о „падении Архангельска“ неправильно указывает, что „приказ о введении военного положения для большей авторитетности решено было провести через съезд“. И обсуждения и горячие прения на Губсъезде, о которых сообщает Метелев, имели место не в связи с введением военного положения, а с объявлением 5-возрастной общей мобилизации.

² Состоял секретарем Архангельского горрайкома и комиссаром Архангельской дивизии.

Командующим флотилией назначен Викорст, за неимением другого, более заслуживающего доверия, специалиста. Комиссаром при нем т. Семен Матвеев, надежный коммунист, но слабый, мягкий комиссар, особенно для такого пройдохи, каким оказался Викорст.

На командующего флотилией возлагалась обязанность привести флот и мудьюгские батареи в боевую готовность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАКАНУНЕ...

(Июль 1918).

Доклад в Наркомвоене.

22 июня было введено военное положение в Архангельском районе и тогда же решено, в целях усиления формирования частей Красной армии, не ограничиваться одной вербовкой добровольцев, но объявить в Архангельской губернии мобилизацию нескольких возрастных групп.

На успех мобилизации рассчитывать не приходилось, но в виду угрозы оккупации края привлечение путем мобилизации в ряды Красной армии хотя бы ничтожной части призываемых являлось уже выигрышем.

Надо заметить, что это был, помнится, первый в республике опыт мобилизации широких слоев трудящегося населения, и потому проведение его требовало сугубой осторожности и предусмотрительности.

С комфракцией Губисполкома условились, в целях обеспечения успеха, приказа о мобилизации не издавать, а провести вопрос через II Архангельский губернский съезд Советов, открывавшийся в ближайшие дни.

24 июня мы выехали из Архангельска.

На работе, проделанной Ревизией на обратном пути в Москву в Вологде (ликвидация городской думы, остатков земских учреждений, национализация банков и т. д.) и в других городах (Костроме, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Рыбинске, Ростове), останавливаться не будем, равно обойдем молчанием и отдельные сохранившиеся в памяти моменты лево-эсэровского выступления в Москве и совпавшего с ним ярославского восстания, хотя они и представляют известный интерес.

Заметим только, что события, происшедшие в Москве и Ярославле, отвлекли на некоторое время внимание и интерес от Крайнего Севера.

4 или 5 июля я был на докладе у Владимира Ильича. Ильич забросал меня множеством интересовавших его вопросов, на которые не всегда я мог найти удовлетворительный ответ.

Уходя, я сознавал, что ничтожной части еще не сделано из того, что необходимо сделать, и твердо решил с удвоенной энергией продолжать возложенную на меня работу.

Доклад Ревизии в Наркомвоене (Военно-законодательный совет, Новинский бул. 101), под председательством т. Троцкого, состоялся, приблизительно, 12 июля.

Заседание было многолюдное; на нем присутствовали все начальники главных довольствующих управлений и члены Высшего военного совета.

Говоря о неудовлетворительном состоянии Красной армии и всего военного хозяйства на местах¹, докладчики (члены военной, артиллерийской и друг. секций Ревизии) подробно разбирали причины такого положения и одну из главных причин видели в недостаточном руководстве и инспектировании мест со стороны главных военных управлений.

Деятельность некоторых управлений граничит с преступностью, вносит расстройство работы на местах.

„Так, например, Главное артиллерийское управление, ГАУ, выбирая на удачу пункты хранения имущества, эвакуирует туда арт- и огнесклады в надежде, что кто-нибудь выбросит их из вагонов и приспособит помещения для хранения. Такой случай имеет место на карьере 45-й версты², куда прибывают вагоны, но до сего времени нет ни сараев, ни подтоварок, ни одного члена администрации. А груз или тонет оттого, что нет денег на разгрузку барж (Котлас), или расхищается, или делается особо опасным от влияния атмосферы и почвы (Сухона, Вологда, Карьеры 29-й и 45-й версты), потому что нет ни надзора, ни распорядительности, ни плана работ“.

Если бы на местах не оказалось таких энергичных и опытных специалистов, как, например, военный инженер и пиротехник Костевич, который блестяще выполнил эвакуацию из Архангельска всех взрывчатых веществ, создалось бы катастрофическое положение.

Я склонился к т. Троцкому и на-ухо сказал ему, что хотел бы выдать Костевичу премию в тысячу рублей.

¹ См. главу о Красной армии.

² Вблизи Сухоны.

— Дайте ему три, — ответил мне Троцкий: — Надо ценить таких специалистов.

Резкая критика Ревизией центральных управлений вызвала со стороны последних ответную критику, суть которой сводилась к тому, что, вследствие увольнения и ареста Ревизией многочисленных военных специалистов, работу крайне трудно наладить.

Особо подчеркивалось отстранение от должности без указания причин военного руководителя Ярославского военного округа, б. генерала Ливенцова.

Я собирался дать разъяснение, что военный руководитель отстранен за нераспорядительность и вследствие дряхлости. Хотел рассказать про один эпизод, слышанный мной от одного из ярославских окружных комиссаров, или т. Нахимсона¹ или т. Аркадьева:

Военный руководитель, вместе с окружным комиссаром, отправились в Иваново-Вознесенск на ревизию военных частей и учреждений.

— На вокзале, — рассказывал товарищ, — смотрю, нет военрука. Исчез и ни слова не сказал. Я туда, сюда... На площади собрался весь гарнизон, ожидает смотра... А его нет и нет. Скандал... Наконец, часа через два является. Оказывается, был в церкви, служил молебен какому-то святому... Беда ходить с ним куда-либо... Ни одной часовни не пройдет, — обязательно заглянет!!.

Но мне не пришлось говорить. С первых же слов т. Троцкий остановил меня и, обратившись к собранию, сказал:

— Тов. Кедров действовал на основании полномочий, предоставленных ему Наркомвоенном и своих полномочий не превышал, почему поднятый некоторыми участниками собрания вопрос снимаю с обсуждения.

Мероприятия, принятые Ревизией, были одобрены т. Троцким, и большинство наших предложений принято (об обороне, мобилизации и друг.).

Интересно привести здесь предложение Ревизии об усилении военной мощи Беломорского округа.

„Необходимо теперь же послать организованные уже части из других округов в Беломорский округ, ибо обстановка того настоятельно требует. Да и в будущем, в виду особого значения Беломорского военного округа, вряд ли придется ограничиться теми вооруженными силами, кои могут быть содержимы в этом крае за счет укомплектования местным населением; по всей вероятности, стратегическое положение заставит в этом округе содержать более сил, чем может дать население края“².

¹ Расстрелян белогвардейцами в Ярославле в первый день восстания.

² Арх. Сов. рев., стр. 33.

Предложение это, в виду общей малочисленности Красной армии, оказалось невозможным провести в жизнь.

Для обороны Архангельска был отпущен только денежный фонд, отправлена через Всероглаштаб группа военных специалистов. в том числе командир Архангельской дивизии Потапов и комиссар дивизии т. Посакаухин¹, и обещана поддержка на будущее время.

Оставив большую часть сотрудников Ревизии в Москве и поручив им проследить за исполнением принятых постановлений и согласовать приказы Ревизии с соответствующими комиссариатами, я с несколькими сотрудниками 13 июля выехал в Архангельск через Петроград².

„Дружья русского народа“.

16 (приблизительно) июля мы были в Вологде.

На вокзале встретились с т. К. Радеком, который в то время состоял управляющим отделом Центральной Европы Наркоминдела и был командирован „для организации переезда представителей держав Согласия, направляющихся на Вологды в Москву“.

Несмотря на то, что он уже в течение нескольких дней со свойственным ему искусством убеждал „милостивых государей“ бросить „этот городишко“ (Вологду) и выражал надежду в скором времени иметь удовольствие приветствовать их в столице рабоче-крестьянской Советской социалистической республики, несмотря на то, что он, по поручению Г. В. Чичерина, предлагал, „если Москва им не нравится, — красивые, удобные дачи в ее окрестностях“, миссия его оказалась напрасной: послы категорически отказывались променять Вологду на Москву.

Они приводили самые вздорные мотивы отказа: германцы, мол, после убийства Мирбаха „получили разрешение на везд в Москву своих войск“ и что „Москва во всех отношениях угрожаема германцами“.

Сами они считали себя „друзьями русского народа“, которого бояться не приходится, и, видимо, в знак дружбы, любви и особого расположения к нему англо-французские банды вторгались на „русскую“ территорию, бесчинствовали в „русских“ городах, расстреливали „русских“ людей и даже выборных членов Совета (г. Кемь).

¹ Другие приехавшие с Потаповым лица: б. полковник Мелио (нач. штаба див.), Александров (нач. снабжения), Можаяев (нач. авиац. части), Лавин (нач. опер. части), врач Пятницкий, Осадший (для особо важных поручений).

² Проезд через Ярославль длившимся еще восстанием был закрыт.

Приходилось опасаться, что такая безумная любовь породит ответную любовь, от которой не поздоровится всем „представителям иностранных миссий“.

Необходимо было принять меры к защите их безопасности.

К сожалению, нельзя было организовать охрану так, чтобы ни в какой мере не нарушить заведенный распорядок жизни высоких иностранцев.

Так, например, заморские балерины и веселые певички — единственная утеха сиятельных господ в это ужасное время голода, эпидемий и гражданской войны — не могли свободно и незаметно от взоров охранявшей посольства стражи выполнять свои совершенно секретные функции...¹

В прощальной ноте, обращенной к американскому послу Фрэнсису, К. Радек приносит по этому поводу искреннее сожаление в следующих трогательных выражениях:

„Учрежденная в Вологде Чрезвычайная комиссия для борьбы с контр-революцией будет руководить охраной вашей безопасности. Нам очень неприятно, что идиллическому вашему пребыванию в Вологде должен уступить место более регламентированный быт, но и в странах ваших война такую регламентацию сделала необходимой, мы же в России находимся в неустанной войне на всех фронтах“.

Получив от т. К. Радек подробную информацию, я не считал возможным принять на себя гарантию за безопасность высоких персон; в равной мере, в интересах обороны Севера, пребывание посольств в Вологде было крайне нежелательно.

Я отправил одного из ответственных работников Ревизии к американскому послу, старшине дипломатического корпуса, „с покорной просьбой“ всем миссиям в кратчайший срок выехать в Москву или вообще покинуть Вологду.

Через несколько часов был получен ответ. „В виду настойчивых требований Советского правительства об оставлении иностранными миссиями Вологды, конференция союзных представителей постановила покинуть Вологду и выехать за пределы России“.

Отдав распоряжение о приготовлении поезда для миссии из международных вагонов и об ускорении выезда их из Вологды, я в тот же день выехал в Архангельск.

Как можно было предполагать, послы со дня на день стали оттягивать выезд свой из Вологды, желая дожидаться

¹ Посол Фрэнсис: „Как относительно лиц, приглашаемых нами в качестве гостей?“

Радек: „Для не-русских нет никаких затруднений. Что касается русских, то мы просим сообщить нам их имена сейчас“. (По записи американского стенографиста).

здесь оккупации Архангельска, о которой они были осведомлены, надо полагать, лучше нашего.

Наконец, 25 июля послы выехали в Архангельск¹.

Об „идиллической жизни послов“ и обработке общественного мнения.

Нелишне более подробно остановиться на жизни и деятельности иностранных миссий, которую они вели, пользуясь тем, что Советское правительство с исключительной щепетильностью охраняло присвоенную им международными законами неприкосновенность.

Что ни один заговор, ни одно контр-революционное выступление не обходилось без участия этой публики, — это всем давно известно². Потому на больших контр-революционных „предприятиях“ „союзников“, на которые одна Англия, по подсчету т. М. Павловича, издержала за один только год (18/19) свыше 43 миллионов фунтов стерл.³, останавливаться не будем.

Здесь мы коснемся некоторых мелочей обыденной жизни, тех приемов, которыми пользовались представители „цивилизованных стран“ для обработки общественного мнения России и для иных, менее безобидных, целей.

В этих видах двери посольских салонов были широко раскрыты для всех желающих, и каждый гость, в особенности патриот, который любил Россию любовью сэра Фрэнсиса или м-сье Нуланса, мог рассчитывать и на радушие и на удовлетворение всех своих человеческих слабостей. „Будьте, как дома... Все к вашим услугам“, — вино, женщины... и деньги, деньги, деньги.

Посольские салоны привлекали много посетителей не только из среды обывателей, но и из советских работников.

Если вспомнить, что в первой половине 1918 года процветали городское и земское „самоуправления“, множество „общественных“ организаций, сельскохоз., культурно-просветительных, руководимых эсэрами и меньшевиками, которые и на собраниях и в своей прессе воспевали хвалебные

¹ Прил. № 6. Нота т. К. Радека.

² Французский капитан Садюль еще в 1918 г. в письме к Альберту Тома сообщал: „Внутри России наши (т. е. французские) контр-революционные маневры умножались с невероятным цинизмом. Не было ни одного арестованного белогвардейца или контр-революционера, у которого не находили бы французского золота и документов, устанавливающих связь с нашим агентом. Наш посланник благодаря своей глупости и ненависти к социализму был всегда самым безжалостным и коварным врагом русской революции. (Мих. Левилов, К истории интервенции). Немногим умнее и честнее были представители других миссий.“

³ М. Павлович Англия и Советская Россия.

гимны „союзникам“ и вступали с ними в переговоры, то можно ли огульно винить всех посетителей миссий?

Тов. Ермолаев, бывший в 1918 году вологодским губ-продкомиссаром, сообщил нам несколько отрывочных данных об одном из таких легальных эсэро-меньшевистских обществ — Центральном о-ве сельского хозяйства, имевшем некоторые связи в крестьянстве.

На общем собрании коммерческого отдела этого общества, состоявшемся в марте 1918 г., присутствовало много крестьян и недавно демобилизовавшихся солдат. На этом собрании революционно настроенные солдаты дали резкий отпор выступавшим эсэрам.

На другое общее собрание того же отдела, приблизительно в середине мая, были приглашены представители иностранных миссий. Собрание происходило вполне легально, и отчет о нем появился в местной печати.

На собрании выступил с докладом председатель отдела, он же редактор вологодской эсэровской газетки „Вольный голос Севера“ Швецов¹. Он доказывал необходимость восстановления торговых сношений с Антантой, подробно распространялся о всех предметах, в которых ощущалась острая нужда, — белой муке, чае, сахаре, мануфактуре, и призывал присутствовавших представителей миссий прийти на помощь.

Английский посланник, одоблив доклад, сделал сообщение, что пароходы с мукой уже находятся в Архангельске.

Из этого маленького примера можно видеть, как легко могли члены миссий проникать во все учреждения и щедрыми обещаниями помощи завоевывать симпатии к себе.

К слову сказать, прибывшие пароходы с мукой бесконечно долго не выгружали в Архангельске ценного груза, зато связь посольств с Мурманом и всей заграницей, временно нарушенная Советским правительством, требовавшим просмотра телеграмм, исключительно быстро была восстановлена „благодетелями“ при помощи радио, имевшегося на прибывшем в Архангельск английском пароходе „Эмба“.

Для обработки общественного мнения Зап. Европы и Америки, а равно для шпионских целей, миссии пользовались не только всегда готовыми к услугам русскими „социалистами“ и прочим сбродом, но и агентами международной шпионской организации, которая, как полагается, носила божественное название „Всемирный христианский союз молодых людей“, или кратко УСАМ, и состояла под высоким покровительством американского и др. послов.

Эту „христианскую молодежь“ мне приходилось встречать и в Петрограде, и в Москве, и на Юге, и всюду

¹ Ныне член ВКП (б).

пронзрливостью и назойливостью являлись отличительной чертой ее.

Одному „христианину“ настоятельно необходимо быть на фронте, другой желал беспрепятственно разъезжать по всей стране, третий добивался свидания с нашими вождями и т. д. Откажешь сегодня, является с тем же самым завтра.

После Октябрьской революции сильно затруднилась работа этих молодчиков.

Перед нами не совсем понятная шифрованная телеграмма американского генерального консула в Москве Пуля американскому посольству в Вологду.

В телеграмме указывается на желательность „принятия мер к устранению невыгодного впечатления, которое, видимо, создалось в военных и командных кругах Англии по отношению к Американскому христианскому союзу молодых людей, в деятельности которого, якобы, проглядывают коммерческие мотивы“¹.

Не знаю, какие меры были приняты к устранению „невыгодного впечатления“, но с отъездом послов и выселением иностранных секретариатов из Вологды, „христианская молодежь“ поспешила перенести свой главный штаб в Архангельск к белым.

Еще в 1920 году и в последующие годы в освобожденном Архангельске сохранялись следы пребывания там „всемирного союза“.

Оставленное им колоссальное количество бланков и конвертов с красными буквами УСАМ в треугольнике, не использовались всеми архангельскими учреждениями для переписки и для хозяйственных надобностей.

Результаты „христианской“ деятельности союза особенно наглядно сказались в распространении, а возможно, и издании в Америке, на английском и русском языках, обширного сборника — прообраза знаменитых „писем Зиновьева“, в котором приводились „неопровержимые доказательства“, что Ленин, Троцкий, Зиновьев и др. являлись германскими шпионами и в разное время получали денежные суммы от германского главного штаба. В подтверждение достоверности разоблачений прилагались фотографические снимки „подлинных писем“.

Заметим, что, несмотря на высокую американскую технику, с которой издана книжка, грубая, жульническая подделка бросалась в глаза с первых же строк.

Дело в том, что к подлинным автографам наших вождей и бланкам высших государственных учреждений был приставлен такой безграмотный американско-русский текст,

¹ См. приложение № 7, телеграмма Пуля.

что ослиные уши старых и молодых христианских мошенников так и выпирали наружу.

После всего описанного становится очевидным, что, покинув пределы Советской России, послы оказали ей единственную и лучшую услугу, какую только они могли оказать.

Высылка пленных сербов и итальянцев.

Уже со второй половины июня Архангельск являлся сборным пунктом для контр-революционных элементов, которые направлялись сюда и изнутри страны и извне, с Мурмана, незадолго перед тем оккупированного англичанами.

Парализовать белогвардейскую волну с северо-запада было значительно легче в виду отсутствия в этом направлении удобных путей сообщения и регулярных паромных рейсов.

Для преграждения же потока вражеских сил с юга по Северной ж. дороге и Двине не имелось ни сил ни средств.

Контроля за проезжающими по железной дороге и водным путям не существовало; да и какой мог быть контроль, когда документом, удостоверяющим личность, служил любой клочок бумаги с печатью или продовольственная карточка?

В конце июня здесь сосредоточились солидные группы пленных сербов и итальянцев, в большинстве своем вооруженные, которые собирались выехать к себе на родину через Архангельск — единственное наше „окно“ в Западную Европу.

Но возвращение на родину откладывалось ими под благовидными предлогами.

Незадолго до их прибытия, — рассказывает Р. А. Пластинина, — от французского консула поступило в исполком обращение, в котором предлагалось отвести вполне оборудованное помещение на 200-300 пленных. Не успел исполком обсудить поступившее предложение, как стало известным, что прибывшие пленные самовольно заняли казарменные помещения на Быку и в Воскресенском переулке, вблизи здания б. окружного суда.

Следует упомянуть, что пленные чувствовали себя вне всякой опасности, так как имели от Совнаркома разрешение на выезд через Архангельск.

Во что бы то ни стало надо было избавить от них город; для выяснения же вопроса пришлось отправить соответствующие запросы в центр.

Одновременно с этим Архангельский губисполком обратился в Вологду, которая являлась центральным пропускным пунктом для военнопленных и беженцев, с просьбой приостановить отправку на Архангельск беженцев и пленных

и установить заградительный пункт. К сожалению, никаких мер Вологдой предпринято не было, и каждый прибывавший в Архангельск поезд выбрасывал все новые партии „переселенцев“.

Помимо военнопленных, в Архангельск двигалась со всех концов республики и доморощенная бело-эсэровская публика, количество ее особенно возросло после подавления ярославского и московского восстаний.

Из доклада т. Линдемана (зам. предчека) видно, что ЧК предпринимала массовые обыски и аресты офицерства. У арестованного бывшего офицера Григория Рыценковича найден был, между прочим, план Архангельской губернии и реки Сев. Двины; при допросе выяснилось, что ему поручено было вербовать белогвардейцев по губернии и направлять их под видом рабочих в Архангельск.

В конце июня Архангельский губисполком получил от т. Троцкого телеграмму следующего содержания: „Отправить все иностранные отряды в Москву. Если потребуется, применить силу“.

Губисполкомом были немедленно приняты меры, и сербы и итальянцы получили предупреждение о выселении их из Архангельска.

Тогда в защиту этих „несчастных скитальцев“ вступили английский и французский консулы. Они потребовали свидания с президиумом исполкома.

Историческое заседание состоялось 2 июля в губисполкоме в присутствии председателя исполкома Степана Попова, заместителя его Павлина Виноградова и секретаря Ревекки Пластининой, которых Съезд советов уполномочил на ведение переговоров. Неофициально присутствовал и окрвоенком т. Геккер¹.

Первым говорил французский консул Эберт (Ebert). „Призывать к великодушию здесь, разумеется, не приходится, но простое человеческое чувство должно было бы указать на недопустимость подобного шага. Бедные пленные! Они уже без того в конец измучены перенесенными за время войны страданиями...“

„А женщины, дети, находящиеся при них, в чем они повинны?.. Они только жаждут поскорее вернуться к себе на родину. И над ними продельваются такие издевательства“.

В речи консула сквозила не только наглость, но на каждом шагу было видно пренебрежение к советской власти и ее представителям.

Павлин Виноградов в упор поставил вопрос:

— Господин консул, нам желательно знать ваше отношение к существующей власти.

¹ Дальнейшее описывается со слов Р. А. Пластининой.

— Наше отношение? — Консул на секунду замялся. — Наше отношение к вам совершенно такое же, как и наших правительств к вам.

Английский консул, Д. Юнг, старался немного сгладить резкость выступления своего зарвавшегося коллеги.

Не помогло.

— Приказ будет приведен в исполнение и в указанный срок, — твердо заявил Павлин.

— Но это немыслимо, — кипятился француз: — в этот срок даже не успеет высохнуть белье, которое пленные отдали в стирку. Не могут же они выехать голыми?

Видя, что „бельевой“ довод не возымел действия, оба консула потребовали 8-часовой отсрочки, дабы они могли запросить свои представительства (в Вологде) и получить ответ.

И здесь получилась осечка.

Непреклонность большевиков взбесила надменного француза, вообразившего, что в Советской России он может вести себя как во французской колонии.

— Должен предупредить вас, что вы за ваши незаконные действия ответите перед трибуналом той страны, которая в дальнейшем окажется здесь хозяином!

— Потрудитесь подтвердить ваши слова в письменном виде, — потребовала Пластинина.

— Запишите в протокол, сделайте одолжение.

Чаша терпения переполнилась.

Павлин вскочил с места.

— Господин французский консул, — отчеканивал он каждое слово, — аудиенция кончена.

Затем обратился к собравшемуся тоже уходить английскому консулу:

— А вас, г. консул, я попрошу на несколько минут еще остаться.

Просьба о выходе пришлась француз, ставшему совершенно багровым, видимо, не по вкусу. Покидая заседание, он процедил сквозь зубы на французском языке:

— Они полагают, что английское правительство состряпано из другого теста, чем французское.

Английский консул держал себя значительно более корректно. Он сам возмущался, по крайней мере на словах, поведением компаньона.

— Странный человек, — так характеризовал он его: — хочет, чтобы все плясали под его дудку.

Во время инцидента с французским консулом незаметно исчез т. Геккер.

Десяток минут спустя мимо окон прогремели броневые машины, и специально подобранный отряд моряков

Тов. Гурович.

и латышских стрелков направился к казармам, где расположились сербско-итальянские пленные и беженцы¹.

Через какой-нибудь час все было окончено: без всякого сопротивления сдано оружие; вся партия пленных под усиленным конвоем доставлена на ст. Архангельск-пристань и специальным поездом отправлена в Москву 3 июля 1918 г.²

Начальником эшелона, ответственным за доставку в Москву, губисполком назначил т. Э. Я. Гуровича, который блестяще выполнил задание.

В пути среди пленных состоялся сговор ни в коем случае дальше Вологды не следовать. Готовилась демонстрация.

Благодаря остроумному приему, примененному Гуровичем, весь план их рухнул. Не доезжая до Вологды, вероятно в Сухоне, Гурович сменил паровоз и, предупредив станцию Вологду, на полном ходу промчался мимо нее до самого Грязовца.

Два шпиона.

Объявленный на военном положении район обнимал территорию, ограниченную на севере остр. Мудьюгом, на востоке оз. Ижемским, на юге — Исакогоркой и на западе озером Кудьмозером и сел. Солозским.

Для Солозского района был выделен из красноармейцев 1-го Архангельского советского батальона значительный отряд, на который возложена охрана Летнего берега на восток от указанного селения.

Большинство красноармейцев записалось в охрану добровольно. Они получили наказ: не допускать никого в охраняемый район, а в случае высадки с моря, арестовывать высадившихся и обо всех происшествиях немедленно сообщать штабу обороны. В целях поддержания связи сел. Солозское было связано со штабом обороны полевым телефоном.

Очень скоро начали сказываться конкретные результаты охраны. Было задержано много лиц, которые высаживались здесь с шаланд и пробирались на Архангельск пешком. Многие не скрывали, что они с Мурмана, и приводили мотивы, что они бежали от преследования англичан. Здесь были и карелы, и финны, и русские.

Надо заметить, что англичане к описываемому времени заняли уже Кемь и Сороку и двигались на восток в направлении к Сумскому посаду.

¹ Существует другая версия, тоже вполне возможная: казармы оцеплены уже были за несколько часов до заседания, и т. Геккер ожидал лишь распоряжения приступить к разоружению.

² Официальное сообщение комиссара Р. Куликова от 3/VII—1918 г.

Допросы задержанных не давали никаких ценных сведений.

Выяснилось только одно обстоятельство: местом, служившим в пути и приютом и справбюро, являлись монастыри и церкви, разбросанные вдоль всего беломорского побережья (Пертоминский монастырь, Сюземский, Ненокса).

Но вот около 15 июля были задержаны в Солозском два иностранца, державшие себя при первом допросе вызывающе и настаивавшие на немедленном освобождении: англичанин (точнее, канадец) Массспрат и серб В. Илич.

Оба были отправлены в архангельскую тюрьму.

Скандалили, требовали немедленного вызова консулов, угрожали... Отказывались отвечать на какие-либо вопросы.

Была уверенность, что имеем дело со шпионами. Так, в отобранных при них вещах найден план района, где пунктиром нанесена предполагаемая дорога или тропа Солозское — Исакогорка. Без сомнения, помимо других заданий, на этих господ было возложено поручение выяснить возможность сообщения с Исакогоркой, минуя Архангельск.

На одном из допросов удалось от них добиться признания. Действительно, они имели задание установить главную Солозской бухты и обследовать дорогу на Исакогорку.

Таким образом, „союзники“ готовили высадить здесь десант и отрезать Архангельск с тыла.

После того как Массспрат сделал свое показание, он перешел в наступление.

„Я требую освобождения, — нагло заявил он: — так как завтра утром нас будет ожидать пароход с Мурмана на том самом месте, где мы были арестованы, и если нас там не найдет, то вам плохо придется“.

Илич, вызванный на допрос, подтвердил заявление компаньона.

Мне теперь кажется непонятным, как мы могли поверить такому заявлению двух арестованных шпионов.

Был отдан приказ немедленно подготовить ледокол-яхту „Гориславу“ к выходу в море. Место назначения будет указано в пути.

В губисполкоме, на заседании нашей фракции, где присутствовал и беспартийный заместитель председателя Павлин Виноградов, сделан был краткий доклад.

Едем...

Захват „Митрофана“.

В час ночи на 18 июля... буксир „Вера“ неслышно поднал нас к трапу, и мы очутились в кают-компании „Гориславы“, довольно изящно обставленной. Яхта принадлежала ранее какому-то американскому владыке и насчитывала за

собой почтенную жизнь — около 20 лет навигации, имела два котла и ход около 15 узлов в час. Вооружение яхты — две четырехдюймовых пушки, одна 37 мм Гочкиса и несколько судовых пулеметов. При сравнительно небольшом ходе, давней постройке, ее нельзя было назвать даже вспомогательным транспортом, — словом, мы шли в море с весьма негодными средствами; десантные средства, исключая моторного катера и одного вельбота, были неисправны, и спуск таковых на воду не представлялся возможным...¹.

В добавление ко всему взаимоотношения между судовым начальством и командой были убийственные...

Команда отказывалась подчиняться распоряжениям командира (по фамилии, кажется, Михайлова), обвиняя его во враждебном отношении к совласти; судовой комитет, со своей стороны, подливал масла в огонь...

В „походе“ приняли участие Павлин Виноградов, Куликов, начальник Архангельской дивизии Потапов, Эйдук, Сидоров, Матвеев, Осадший. Были, вероятно, и другие ответственные работники.

С рассветом почти все вышли на палубу и поднялись на капитанский мостик.

Густой туман мешал ходу и застилал от нас горизонт.

С восходом солнца туман понемногу рассеивался, и на самом горизонте начал вырисовываться силуэт неизвестного судна, в направлении которого и был взят курс яхты.

Бинокль командира переходил из рук в руки.

— Да это „Соловецкий“ или „Зосима“, — высказал кто-то предположение.

— „Митрофан“, не иначе. Морской буксир, — довольно уверенно заявил командир.

Мы заметно приближались к судну. Можно было уже невооруженным глазом различить нечто, очень похожее на орудие, покрытое брезентом.

Пароход стоял на якоре при спущенных парях, и на палубе никого не было видно.

Берег также представлялся пустынным, так как селение Соловское было ² скрыто за выступавшими у побережья холмами.

Приблизительно в полумиле от буксира был дан продолжительный позывной гудок, на который с буксира ответа не последовало.

И повторный сигнал остался безрезультатным.

Тогда был произведен предупредительный выстрел из Гочкиса — пушки-лилипута, прикрепленной на борту яхты ³.

¹ В ято из статьи-рукописи т. Сидорова „По Северу (Из поездки с Ревизией М. С. Кедрова)“.

² Тов. Сидоров указывает, что это было сел. Ненокса.

³ На техническом языке название: 37 мм пушка Гочкиса.

Язык Гочкиса оказался более убедительным.

На палубе забегали люди, и, несколько мгновений спустя, на корме появился царский трехцветный флаг и подан сигнал: „Испорчена машина. Чинимся“.

Легли в дрейф и затребовали к себе капитана с судовым журналом.

Явившийся капитан сообщил, что прибыли из Кеми (?), имея на борту несколько английских солдат под начальством офицера.

С какой целью прибыли, — не знает. Машина исправна.

Команда буксира русская ¹. „Во время пути команда находилась под усиленным надзором англичан, а за все время нашего появления сидела в трюме“.

„Для осмотра буксира была отправлена команда латышей с т. Эйдук во главе“ ².

Без всякого сопротивления и даже протеста англичане дали себя обезоружить. Кажется, их было 10 солдат ³ и один офицер английской морской пехоты, все с крейсера „Аттендив“.

Англичане были переведены на „Гориславу“. В дальнейшем протестовал только офицер против содержания его в общем помещении с солдатами, каковое обстоятельство, видимо, оскорбляло его офицерское достоинство.

„Пушка“ оказалась бревном, поставленным на консервный ящик.

Допрос англичан целиком подтвердил показания арестованных шпионов.

Пока производился допрос, необходимо было обследовать побережье, „дабы убедиться в отсугствии десанта и водно осмотреть створ“ ⁴, нет ли там радио, так как в бинокль были замечены отдельные фигурки, влезавшие на вышку и быстро прятавшиеся“.

Был спущен моторный катер, в который сели Павлин Виноградов, Куликов, Потапов, Осадший и еще несколько человек.

Когда катер подходил уже к берегу, произошло событие, которого меньше всего можно было ожидать: начался жестокий обстрел его с берега. Осадший и еще некоторые из сидевших в катере прыгнули тут же в воду и отвечали на выстрелы из имевшихся у них винтовок. Другие выпрыгивали на берег и ложились на землю.

Тов. Куликов замешкался и в тот момент, как он собирался сойти на берег, упал тяжело раненый.

¹ Буксир принадлежал кемскому купцу Беляеву (Сидоров).

² Сидоров, По Северу.

³ По сведениям Сидорова, их было с офицером 6 чел.

⁴ Береговой знак, указывающий фарватер реки.

Слыша выстрелы, оставшиеся на „Гориславе“ не могли понять, что происходит на берегу.

„Моментально взялись за пленных англичан, через переводчика пригрозили немедленным расстрелом, но офицер клятвенно уверял, что десанта на берег высажено не было.

„Катер доставил на яхту раненого Куликова. Высадившиеся на берег остались в неизвестном положении.

„... Спустили на помощь катеру вельбот с 2 пулеметами...

„Подготовили к бою носовую четырехдюймовку... в бинокль видно, как наш десант разделился: катер с пулеметом пошел влево, а вельбот в охват правого фланга. Минута была тревожная... Комендоры насторожились...

„Но с берега ни звука...

„Не дожидаясь результатов обследования, было решено идти в Архангельск, а катеру и вельботу по выполнении поручения следовать за нами.

„Такое решение было принято в связи с тем, что на яхте действовал только один котел, да и тот просился в починку и все время заливался водой и шлаком. На 3-5 узлах в час далеко не уйдешь. А тут еще опасение, что „Атентив“, узнав (по предполагавшемуся нами на створном знаке радио) о захвате „Митрофана“, нагрянет со своим 24-узловым ходом и шестидюймовыми орудиями. Одним словом, покажись он на горизонте, нам некуда было бы высадиться на берег, а не то что принять бой“¹.

Буксиру „Митрофану“, на который была переведена часть латышей, было еще раньше приказано следовать до устья Двины².

„Через некоторое время катер и вельбот догнали нас, и выяснилось следующее: после захвата шпионов, береговые посты усилили наблюдение за берегом и, увидя, что какое-то судно („Митрофан“) блуждает вдоль берега, решили самостоятельно, не дожидаясь приказа, удлинить линию наблюдения, причем взяли под свой надзор целых сорок верст. Видя, что „Митрофан“ ходит под трехцветным флагом и десанта на берег не спускает, они тоже не заявляли о своем присутствии. Но когда подошло большое судно, решили защищать берег всеми средствами...

„Стрельбу прекратили, как только заметили т. П. Виноградова, которого видели в Архангельске. В момент вторичного подхода катера к берегу красноармейцы собрались кучей и махали шапками в предупреждение не стрелять“³.

¹ Статья Сидорова.

² До маяка траллера (Сидоров).

³ Ibidem.

В заключение считаю необходимым отметить, что в течение описанного происшествия особенно выделялся т. Павлин Виноградов. Можно было принять его за природного моряка, — так умелы и уверенны были его распоряжения.

Смерть Куликова.

Раненого Куликова устроили в свободной каюте. Первая помощь была оказана судовым фельдшером, наложившим давящую повязку. В аптечке — недостаток перевязочного материала, отсутствие наркотиков.

Решили следовать прямо в Архангельск и отказаться от посещения Мудьюга.

Всем было не по себе. Казалось, каждый из нас чувствовал на себе вину за этот трагический случай.

„И не зачем было ему ехать“, — как бы оправдываясь, говорили товарищи.

Мучительные боли переживал раненый...

Пуля прошла мягкие части живота и засела в позвоночнике.

Рана смертельная, а ему, еще совсем юному, жизнерадостному, горящему непочатой энергией, хотелось жить, бороться в первых рядах в развертывавшейся войне на Севере.

И теперь, благодаря такому бессмысленному стечению обстоятельств, все кончено...

„Товарищ Куликов, ранение тяжелое, но еще надежда не потеряна. Выживают и в более тяжелых случаях“... — подбадриваешь его. — „Смотрите, и боль прекратилась, это несомненно хороший симптом“...

Некоторое время спустя, он попросил пить. Успокоился. Почувствовал себя совсем хорошо.

И у всех появилась надежда. Вот бы хорошо...

Такое состояние продолжалось недолго и сменилось внезапным резким ухудшением... Силы быстро падали, мертвенная бледность покрыла лицо, нос заострился, наступила агония...

В нескольких милях от траллера-маяка т. Куликов скончался.

Он первым похоронен на том месте в Архангельске, которое стало братской могилой для борцов, погибших в гражданской войне.

Мудьюгские „укрепления“.

В связи со смертью т. Куликова мы изменили решение и, перейдя у траллера на пароход „Обь“, направились на осмотр мудьюгских укреплений, защищавших подступ к Архангельску с моря.

Хотя среди нас и не было особых специалистов, но всем сразу бросилась в глаза оригинальность конструкции и расположения батарей.

Все восемь шестидюймовых орудий (2 батареи) были поставлены на совершенно открытом месте, с ничтожными интервалами друг от друга, и не только не были защищены, но даже ничем не маскированы. Больше того: высокие фундаменты с возглавлявшими их орудиями были видны далеко в море и являлись великолепным прицелом для неприятеля.

Другим, еще более надежным ориентировочным пунктом для неприятельских судов служил Мудьюгский маяк, находившийся в непосредственном соседстве с батареями.

Устроенные на отдаленном расстоянии от батарей блиндажи в такой же мере преследовали интересы противника. Защитники Мудьюга, прежде чем доберутся до блиндажей, будут поголовно расстреляны.

Было очевидно, что, после нескольких удачных попаданий с неприятельского крейсера, от всей артиллерии не останется и следа.

О том, чтобы перенести орудия, или даже часть их, в другое место, хотя бы в близлежащий лес, разговора быть не могло... Такая работа потребовала бы продолжительного времени, а интервенция могла начаться в любой момент.

Единственная мера: маскировать, елико возможно, выдвинутые к самому берегу орудия и подвести к ним с южной оконечности узкоколейку, которая обеспечила бы своевременный подвоз подкреплений и боевых припасов.

Данная работа была поручена Осадшему.

Делалось это больше для „очищения совести“, так как не приходилось сомневаться, что подробные планы укреплений уже давно находятся в неприятельских руках¹.

Несколько дней спустя по возвращении в Архангельск, все пленные англичане были отправлены в Москву и с 26 июля содержались в Бутырской тюрьме. Из телеграммы т. Склянского видно, что всех их было 20 человек, из них 14 английских матросов.

Где и когда они были задержаны, — сказать затрудняюсь².

Чтобы закончить эпизод с захватом судна, придется на несколько дней забежать вперед.

¹ Тов. Сидоров указывает, что артиллерия острова была поставлена во время империалистической войны при участии англичан. Имелись в виду германские подводные лодки.

² Масспрат, Илич и прочий сброд были впоследствии обменены на попавшего в плен к англичанам т. Ф. Раскольникову.

Невозвращение отправленных к Архангельску шпионов и посланного на выручку судна приел мурманских оккупантов в полное недоумение. „Друзья русского народа“ были настолько уверены в своем „праве“ распоряжаться и бесчинствовать в чужой стране и в своей безнаказанности, что меньше всего склонны были предполагать какой-либо отпор с нашей стороны.

С упрямством, заслуживающим лучшего применения, английское командование отправило в район Ненокса — Солоозское новое, на этот раз полувоенное, судно, с большим отрядом и опять под старым трехцветным флагом.

Повторилась сказочка про белого бычка.

К этому времени (приблизительно 27 июля) охрана побережья была усилена прибывшим из Архангельска отрядом. В качестве ответственных лиц Потапов командировал с отрядом комиссара дивизии т. Посакакухина и вновь назначенного (вместо Потапова) начальника дивизии б. подполковника Мелио. В первый же день прибытия распоряжением Потапова Мелио был отозван в Архангельск и, не смотря на протест т. Посакакухина, немедленно покинул Солоозское, прихватив с собой последнего спеца в отряде, своего адъютанта¹.

Крестьянин, везший этих холуев в Архангельск, вернувшись оттуда, рассказал т. Посакакухину, что они избивали его плеткой, погоняя ехать быстрее и приговаривали: „Кончилась ваша власть, теперь нашу отдавайте“.

И для прибывшего судна, видимо, советской власти также уже не существовало: без малейших колебаний оно приступило к высадке десанта. Английские и французские команды погрузились на 6 вельботов и направились к берегу. Убийственным огнем встретили красноармейцы незваных гостей.

Видно было с берега, как быстро таяли ряды сидевших в ботах... Паника и ужас охватила оставшихся в живых: бросались в море и плыли в разные стороны, спасаясь от смерти... Только немногим удалось вернуться на судно.

После полученного урока судно быстро снялось и прошло на Мудьюг, где потребовало пропуска в Архангельск, заявив, что на борту имеются тяжело раненные.

Мудьюг ответил отказом и сделал предупреждение, что при дальнейшем следовании в направлении к Архангельску будет открыт орудийный огонь.

¹ Впоследствии на суде, устроенном белогвардейцами над т. Посакакухиным, раскрылась вся подоплека командировки Посакакухина в Солоозское. Оказалось, нач. обороны Мудьюга Осадший рапортом донес Потапову, что его сослуживец по 220-му Скопинскому полку Посакакухин является ярым большевиком и что допускать его в штаб дивизии невозможно, так как он сможет добраться до всех конспиративных дел дивизии (показания Посакакухина).

Судно повернуло обратно и подало последний сигнал: „Нарушенное право свободного плавания восстановит союзная эскадра, которая придет сюда“.

Конечно, малые ребята знают, что Белое море всегда считалось закрытым морем, всецело принадлежавшим России, и вхождение в него военных судов иностранных держав являлось по международному праву бесспорно враждебным актом. Знало это, надо полагать, и английское командование.

Но морские разбойники искали подходящего повода для оправдания своего пиратства, и они его нашли: запрещение военному судну войти в Архангельск!

Действительно, через несколько дней, т. е. 1 августа, прибывшая англо-французская эскадра без всякого предупреждения начала бомбардировку Мудьюга.

Об этом ниже будет сказано подробно, здесь же мы закончим рассказ о славном отряде красноармейцев, брошенном на произвол судьбы из-за предательства одних (Потапов и др.) и растерянности и халатности других (т. Вахрамеев), забывших в дни бегства из Архангельска о существовании отряда.

Тяжелая, незаслуженная участь выпала на долю его.

2 августа к Летнему берегу подошел неприятельский крейсер¹. Против крейсера отряд был бессилен. Из Архангельска шли уже зловещие слухи о падении советской власти. Связь прервана... Что делать?..

Ничего другого, как отступать в сторону Исакогорки. Может быть, удастся еще пробиться к своим...

2 суток занял переход к Исакогорке. Белые уже были осведомлены и подготовили встречу. Под Исакогоркой отряд был окружен и после неравного боя, в котором ранен среди прочих и т. Поскакухин, был вынужден сдаться.

Небезызвестный архангельцам адмирал Кемп в статье, напечатанной в газете „Times“ 13 декабря 1918 года, пытается оправдать оккупацию Архангельска. При этом Кемп обращается с историческими фактами настолько бесцеремонно, что его же собственный компатриот Дуглас Юнг, великобританский консул в Архангельске, одергивает за рукав завравшегося адмирала.

Кемп заявляет: „В начале июня, в связи с решением Союзного совета в Версале, союзное подкрепление высадилось в Мурманске под командованием ген. Пуля. Архангельский совет потребовал удаления всех (!) союзных, сухопутных и морских сил из России... Ход событий

¹ Вероятно, крейсер „Адмирал Опп“.

в Мурманске сделал необходимым оккупацию Архангельска (?). С этого момента Архангельск подпал под неограниченное большевистское влияние. Союзные подданные (?) в значительном количестве были заключены в тюрьму и во многих случаях приговорены к смерти (!?)... Кроме был убит организованными советскими войсками. Архангельский район находился накануне голода, и доступ к Архангельску союзным судам (?) был запрещен. Несмотря на многочисленные протесты, много сот тысяч тонн угля и военных материалов, которые находились в Архангельске, были захвачены (?) и конфискованы советским правительством и увезены внутрь России. Каждая из указанных выше причин,—развязно заканчивает адмирал,—сама по себе оправдывала необходимость военных действий. Поэтому было решено оккупировать Архангельск, который был занят неожиданной атакой 2 августа“ (взято из кн. Мих. Левинова, К истории союзной интервенции в России, Изд. „Прибой“, 1925 г.).

Здесь все спутано, переврано:

1) Архангельский совет никогда не требовал удаления всех союзных сухопутных и морских сил из России; ограничивался только высылкой пленных сербов и итальянцев (см. выше).

2) События на Мурмане ни в какой мере не могли вызывать необходимости оккупации Архангельска, в особенности если вспомнить, что мурманская интервенция, по многочисленным заверениям, преследовала исключительно борьбу с немцами.

3) Указанием на неограниченное большевистское влияние Кемп выбалтывает „дипломатическую тайну“, что основным мотивом интервенции являлась борьба с большевиками.

4) „Значительное (!) количество“ арестованных и „осужденных к смерти“ союзных подданных составляют лица, нелегально проникавшие на территорию Архангельской губ. (в том числе описанные выше шпионы). Ни один иностранный подданный, даже и шпионы, не были осуждены к смерти в период, предшествовавший интервенции.

5) Упомянутый Кроме был убит, по заявлению английского консула Д. Юнга, не до оккупации Архангельска, а более месяца спустя.

6) Только военным судам был запрещен доступ в Архангельск, но не торговым. Это подтверждается нахождением в Архангельске в то время двух иностранных пароходов с хлебными грузами. Это хорошо известно г. Кемпу, который посетил в то время на своей яхте Архангельск. Он также прекрасно знает, что, несмотря на то, что „Архангельск находился накануне голода“, пароходы

месяцами не разгружались, хотя представители иностранных правительств повсюду кричали о своей любви к русскому народу и о готовности помочь ему.

7) О захвате архангельских грузов тоже не приходится говорить, так как имелось соглашение между Советским правительством и „союзниками“ (см. выше гл. „Разгрузка порта и происки дипломатов“).

Отсюда видно, что не существовало ни одной причины, которая бы „оправдывала необходимость военных действий“.

Опасность приближается.

С каждым днем угроза интервенции становилась более реальной и близкой.

Важнейшая задача оставалась прежняя: возможно быстрее очистить Архангельск от иностранных грузов, в том числе от боевых припасов.

Обращали на себя внимание действия некоторых центральных организаций, которые шли вразрез с проводимыми мерами: так, напр., Центросоюз, Льюсентр в это время засылали в Архангельск целыми поездами экспортные товары, которые громадными штабелями выстраивались на очищенных от грузов складах.

Благодаря прекрасной работе разгрузочных органов, эвакуация приближалась к концу. Из взрывчатых веществ оставлены на складах только легко разлагающиеся вещества, крайне опасные при перевозке, и непригодные для нас снаряды. Оставлены также, как упоминалось выше, румынские грузы.

Пиротехнику Костевичу объявлена за понесенные труды благодарность и выдана от имени народного комиссара по военным делам денежная награда (см. выше).

В беседе с глазу на глаз я поставил ему ребром вопрос: в случае занятия англо-французами города сможет ли он взять на себя обязательство взорвать оставленные взрывчатые вещества и таким образом не давать неприятелю возможности использовать их против нас? Костевич объявлялся честным словом выполнить это.

Одна из задач заключалась в разгрузке Архангельска от учреждений, компетенция которых распространялась на несколько губерний и в пребывании которых в Архангельске не имелось особой надобности.

Отсюда приказ о срочной эвакуации в Вологду штаба и всех управлений Беломорского военного округа.

Соответственно с этим, произведена реорганизация упомянутого выше Военного совета, действовавшего на основании приказа от 22 июня.

Вновь образованному Совету обороны Архангельского района были подчинены все войсковые части с их штабами и управлениями в районе Мезень, Котлас, Онега и Сухона.

Вместо т. Самойло, в качестве начальника штаба округа, покидавшего Архангельск, командующим был назначен недавно командированный Всероглавштабом в качестве начальника Арх. советской дивизии Потапов ¹, б. полковник.

Председателем Совета назначен т. Вахрамеев. Членами Совета состояли тт.: Ст. Попов, председатель губисполкома, Бутенко, комиссар Архангельской дивизии, Пронский, пом. комиссара флота, П. Шилкин и др.

Вопрос о мерах предупреждения возможного выступления в городе обсуждался с группой ответственных партийцев, и были одобрены следующие меры: разделить город на участки; в каждом участке установить связь между всеми коммунистами, в течение ночного времени высылать по городу патрули и при первой опасности, по заранее установленному для каждого участка сигналу, всем коммунистам участка собираться в определенном месте.

Всем архангельским коммунистам выдать оружие.

Если принять во внимание, что в Архангельске (самом городе) в то время имелась ничтожная группа коммунистов, то, разумеется, принятые меры не могли дать конкретных результатов.

Что же касается до вооружения всего архангельского пролетариата, то такое предложение не встретило особого сочувствия, так как среди рабочих еще были сильны соглашательские иллюзии. Нашли возможным вооружить только рабочих Маймаксы ². Им было выдано приблизительно 400 винтовок.

26 июля мы выехали из Архангельска в Москву.

На одном из разъездов, недалеко от Архангельска, мы задержались, чтобы пропустить „дипломатический“ поезд, вышедший с соседней станции.

По прибытии поезда я зашел в салон, где несколько „предводителей“ миссий изволили завтракать. На столе — бутылки вина, вскрытые коробки сардин, белые галеты.

Справился об их здоровье, самочувствии, не могу ли им быть чем-нибудь полезен...

Сделали вид, что все обстоит прекрасно...

Через переводчика передали, что претензий не имеют, все у них есть, как видите (соответствующий жест в направлении стола).

¹ При самом прибытии в Архангельск был арестован, но затем, после проверки мандата, вскоре освобожден.

² Через т. Левачева, расстрелянного в 1919 г. белыми.

Пожелав им счастливого пути, откланялся ¹.

В Вологде в последний раз вспомнились почтенные послы при задержании отпечатанного ими за несколько дней до выезда воззвания к „русскому народу“ о помощи, из которого мы приведем только заключительную фразу:

„В случае, если наши правительства направят войска в Россию, то это предпринимается не с целью борьбы с русским народом, а единственно (!!) для сопротивления захвату наших общих врагов“.

И под этим, можно сказать, историческим обманом красуются следующие подписи:

Американский посол Фрэнсис. Французский посол Ж. Нуланс. Сербский посланник Спалайкович. Итальянский посланник Торетта. Поверенный в делах Японии Марумо. Великобританский уполномоченный Ф. О. Линдлей. Поверенный в делах Бразилии Г. де-Вианна-Кельч. Поверенный в делах Китая Чени-Иен-Чи.

Первый расстрел.

Иностранные консульства, находившиеся в Архангельске, подобно вологодским посольствам, стремились, не брезгая средствами, разложить неустойчивые советские элементы и привлечь их на свою сторону.

Особым мастерством в этих грязных делах отличались французский и английский консулы, бесславная известность которых еще долго будет жить в памяти архангельцев.

Здесь я хочу рассказать об одном эпизоде, рисующем этих господ, которые, путем подкупа и сладких несбыточных обещаний, посылали колеблющихся советских специалистов заведомо на такие дела, за которые даже по их „милостивым“ законам виновные караются смертью.

В 20-х числах июля для заключенного шпиона Масс-прат была доставлена в тюрьму довольно обширная переписка. При тщательном просмотре, в запечатанном куске мыла обнаружена записка приблизительно такого содержания:

¹ Двое суток архангельским товарищам пришлось вести волюнку с полами, пока они покинули Архангельск, не упустив удобного случая „обмануть“ из таможи часть ценных грузов. Выехали они на Кандалаксу.

Д. Фрэнсис в своей книге „Russia from the American Embassy“ заявляет, что „большевики... всячески старались задержать послов в качестве заложников“. Это неправда. Большевики стремились только поскорее избавиться от такого „добра“, иначе ничто не мешало бы им задержать послов и в Вологде и в Архангельске.

„Друзья! Мною приняты меры для освобождения вас из тюрьмы. Когда вы выйдете на свободу, в свою очередь, помогите и мне вырваться отсюда... Я хочу служить в английских войсках... Примите от меня скромную лепту¹, при сем прилагаемую“ и т. д. В конце записки подпись: Командир 1-го Советского полка Иванов.

Иванов был арестован и признался, что, действительно, писал записку. На вопрос, что побудило его к тому, давал странные, путанные объяснения. Одно было ясно: он действовал по наущению других.

Мне предстояло разрешить тяжелую задачу.

Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили лишь орудием в руках других. Тем не менее я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?

Вспомнил ген. Краснова, Пуришкевича и других злейших врагов пролетарской революции, отпущенных большевиками на волю.

Вспомнился мне также разговор с т. Троцким в мае 1918 года по поводу наблюдавшегося роста хищений военного имущества. Лев Давыдович тогда сказал: „Необходимо одного-другого подобного хищника поставить к стенке и расстрелять, чтобы другим неповадно было“...

И как я решительно тогда возражал, что такая мера бесполезна, да и я лично не смогу никого расстрелять.

И вот теперь я начинал убеждать, что т. Троцкий был прав, что за освобождение одного контр-революционного генерала республика заплатила тысячами лучших своих сынов, что мягкость и человеколюбие в дальнейшем могут погубить единственное в мире рабочее государство.

Принял решение.

Отдал командующему Архангельским районом Потапову приказ расстрелять за измену советской власти командира 1-го Архангельского советского полка Иванова (22/VI, 1918 г.).

Приведение приговора в исполнение было возложено Потаповым на коменданта города, т. Э. Я. Гуровича.

В этот же день доложили, что английский и французский консулы желают меня видеть по исключительно важному и неотложному делу.

В вагоне состоялось свидание.

Насколько мне помнится, помимо консулов, присутствовал упомянутый в одном из предыдущих очерков

¹ Керенка — 20 руб.

гр. де-Люберсак, который не раз заходил ко мне в Москве и запомнился по своему изысканно-„галантерейному“ обхождению. Он умел кое-как говорить по-русски, и любимой темой его разговоров служила голубиная почта (о дополняющей почту контр-разведывательной службе он скромно умалчивал), которой он заведывал в империалистическую войну на нашем западном фронте. И вот, при наступлении на Двинск этих проклятых „бошей“, он вынужден был зарезать всех несчастных невинных голубков. О, эти проклятые варвары немцы!

Его, как знакомого сомной, видимо прихватили на подмогу.

От имени своих правительств господ консулы обратились ко мне с ходатайством о помиловании Иванова.

Получив категорический отказ, продолжали настаивать.

В разговоре выяснилось, что они были в курсе мельчайших подробностей его дела.

Никакой измены, по их компетентному мнению, здесь нет. „Мы, ведь, ваши союзники. Мы работаем для общего дела. Желаем русскому народу только добра. И, право же, ничего преступного в том нет, что командир Иванов возымел желание служить в британских войсках...“.

Они держали себя скромно, можно сказать, заискивающе — ни резких слов ни угроз.

Задал им вопрос, почему их так интересует судьба какого-то Иванова, а не судьба, напр., членов исполкома и мирных граждан Кеми, которых расстреливают англичане?

Об этих расстрелах они, разумеется, ничего не слышали. Они почти убеждены, что здесь какое-нибудь недоразумение. Но если эти расстрелы, паче чаяния, имели место, они готовы заклеить позором и протестовать против акта насилия, допущенного английским командованием. Что же касается Иванова, то ходатайство их вызывается самыми возвышенными мотивами. Они просят милости.

Комедия начинала надоедать.

— Для предателей, изменников, шпионов милости нет, и Иванов будет расстрелян, — заявил я, вставая.

Они тоже встали.

— В таком случае, — сказал один из них, — просим приостановить приговор до получения ответа от вашего правительства, к которому мы обратимся.

Я отказал и в этом.

В ночь на 23 июня Иванов был расстрелян¹.

¹ В одном из №№ белогвардейской газеты, доставленной в штаб фронта из Архангельска, когда там уже хозяйничали „союзники“, процитирована заметка, озаглавленную „Жертва комиссара-зверя“, в которой сообщалось о торжественных похоронах раскопанного трупа Иванова в присутствии всего дипломатического корпуса.

Провал мобилизации.

На основании постановления Губернского съезда советов Архангельской губернии 2 июля объявлена мобилизация.

Уже по резолюциям крестьянских сходов и волостных советов, которые вскоре после того стали поступать в архангельский Губвоенкомат, можно было сделать заключение, что крестьянство в громадном большинстве своем отнеслось к мобилизации отрицательно.

Главнейшие причины провала мобилизации следующие: 1) период „передышки“ был слишком краток, и население находилось еще под впечатлениями ужасов империалистической бойни; 2) разгар полевых работ; 3) слабость коммунистической агитации; 4) объединенный контр-рев. фронт, — от монархистов до эсэров и меньшевиков включительно, — спекулировавший на малосознательности населения, на шкурничестве и трусости, призывавший не подчиняться распоряжениям соввласти и поступить в услужение к „союзникам“.

Левые эсэры, даже самые левые из левых, по отношению к мобилизации „проявили колебание“. На губернском съезде вся фракция левых эсэров, 37 делегатов, воздержалась от голосования. К сожалению, неопределенная позиция левых эсэров в равной мере срывала успех мобилизации и оказывала весьма определенную услугу врагам пролетарской власти.

После смехотворного выступления левых эсэров в Москве 6 июля позиция их должна была стать еще более неопределенной и двойственной. Наиболее революционная и сознательная часть левых эсэров на самом Всероссийском съезде советов восстала против своих вождей и после резкой критики с треском была исключена из партии с.-р. К этой группе принадлежали и два архангельца: т. Г. А. Иванов, председатель Шенкурского уисполкома, и т. П. П. Стрелков¹, председатель Архангельского уисполкома. Оба они и раньше считались „уродами в своей семье“ и не раз навлекали на себя гнев и ненависть со стороны своих же товарищей, в особенности Георгий Иванов.

Приведем несколько типичных резолюций волостей о мобилизации: в одних отразилось влияние открыто выступавших врагов, другие приняты не без участия „воздержавшихся друзей“ (л. с.).

¹ По его рассказу.

Архангельский уезд. Ширшенская волость. Постановлено¹: Так как мобилизация производится в такое время года, когда у крестьян начинается сенокос и хлебная уборка и в это время собираются молодые люди, поэтому голодная деревня, то опять же голод грозит деревне, то поэтому прежде чем итти молодым людям в Красную армию, нужно выяснить, по какой причине вызвана эта мобилизация и против кого. А пока до выяснения всего этого воздержаться (!) молодым людям итти в Красную армию².

Кудьмозерская волость. Постановление: По полученным из других волостей и в виду отказа мобилизованных итти куда бы то ни было из своих сел и требование о выдаче вооружения и снаряжения, — мы, мобилизованные Кудьмозерского об-ва никуда не пойдем из своих сел, а будем защищать интересы трудового крестьянства на местах и территорию своей волости, как окончечность военного расположения, а потому просим дать нам оружие, снаряжение, обмундирование, жалованье и продовольствие, дабы мы могли быть на страже своих интересов³. Спустя несколько дней отказались на общем собрании, что не пойдут служить советской власти⁴.

Вознесенская волость. После всестороннего обсуждения по вопросам мобилизации и призыва 5 лет — родившихся в 1893—1897 году — этот вопрос был поставлен на голосование, результаты следующие: за — 1 голос, против — 195 голосов, воздержавшихся — 9 голосов.

Лайская волость. (И) в нашей волости обучать военному искусству совершенно некого, так как все, за исключением несовершеннолетних и стариков, были приняты во время настоящей войны и большинство из них пробывшие по 2 и по 3 года на фронте, изнывая в окопах и испытывавшие всевозможные нужды, поэтому ни один в нашей волости не изъявил желания поступить добровольно в Красную армию. В заключение добавляем, что голодным и без оружия воевать плохо⁵.

Кехотская волость. Постановили: Признать настоящую мобилизацию недействительной. — В виду надвигающихся работ в деревнях и учитывая международное отношение, отклоняем такую попытку, которая должна привести наш край к окончательной гибели. — Мы говорим

¹ Подлинник сохраняется, за исключением грамматических ошибок.

² Журнал постановления № 25, июля 12, 1918 г. Ширшенского вол. сов. кр. деп.

³ Протокол граждан Кудьмоз. о-ва.

⁴ Донесение Увоенкома от 16/VII, № 301.

⁵ Протокол № 18.

всем товарищам солдатам: не поддавайтесь на такую безумную выходку тех, которые нам говорили на фронте: — мы дадим вам „мир и хлеб“, но до настоящего времени ни тот ни другой нам не дан. При данной нам передышке, от мира мы не отдохнули, и раны наши не зажили.

Не зная раньше, за что мы воевали при Николае II, то же самое не видим и в настоящее время ¹.

Посад Ненокса. От мобилизации пятилетней не отказываемся, если таковая будет удовлетворена следующим образом и на следующих условиях: 1) всех мобилизованных лиц занести в особые списки, 2) оставить их на месте, 3) выбрать представителей из их среды вместе с военным комиссаром, и со списками мобилизованных направить в г. Архангельск, где настаивать на получении для мобилизованных лиц обмундирования, снаряжения, вооружения, продовольствия и содержания, которые бы и представить в посад Неноксу, где бы можно распределить между мобилизованными солдатами, после чего взяться за несение служебных обязанностей в районе своего посада, кои будут разложены на нас губернским военным органом, с отзывом из посада находящегося в настоящее время отряда красноармейцев ².

Пинежский уезд. От мобилизации отказываются и по призыву никто не является ³.

Холмогорский уезд. Из волостей поступают: настроение не в пользу мобилизации. В городе на митинге высказались против ⁴.

Устьцыльмский уезд (Печора). Ход мобилизации: зарегистрировано около 50 чел. Отдельные волости отказываются ⁵.

Онежский уезд. Настроение призываемых, а также и масс оппозиционное в виду объявленной мобилизации; поступают заявления, против кого мобилизация, с кем воевать? Никакие убеждения не действуют. На успех мобилизации рассчитывать нельзя. Мобилизованные отказываются идти. Положение серьезное ⁶.

Губернский съезд советов, приняв постановление о мобилизации, выделил группу делегатов, которые должны были немедленно, не ожидая конца съезда, выехать на места для проведения соответствующей кампании.

¹ Протокол № 1 общего собрания солдат Кехотской волости 10/VII 1918 г.

² Постановление граждан посада Неноксы.

³ Личный доклад губвоенкому.

⁴ Телеграмма № 68.

⁵ Телеграмма № 38.

⁶ Телеграммы № 301 и 334.

Один из таких делегатов, т. Стрелков, так рассказывает о своем выступлении на общем собрании граждан Рикасовской волости Архангельского уезда.

Он старался разъяснить собравшимся необходимость мобилизации, но с самого начала настроение было приподнятое; его то и дело перебивали вопросами и замечаниями.

— Против кого воевать? Против союзников не будем воевать, так и знай,—галдели со всех сторон. — А ты нам скажи, какая гарантия, что не будем сидеть голодом?! — угрожающе подступая к нему, требовали объяснений.

Стрелков был не трусливого десятка и охотно давал объяснения.

— Какая тут может быть гарантия? — говорил он: — уродится хлеб,—вот тебе и гарантия.

Объяснения показались собранию недостаточно убедительными.

— Чего он нам тут голову морочит?!. Бей его!!

Стоявшие сзади граждане поперли к столу, за которым стоял докладчик. Особенно буянил кулак-эсэр Моисеев, тоже делегат съезда, заявивший, что он из „партии от сохи и бороны“.

Произошла общая свалка, во время которой т. Стрелкову удалось благополучно скрыться.

Принятая в ближайшие дни резолюция гласила: „После всестороннего обсуждения единогласно постановили: В виду того, что при нашем Совкредепе нет военного отдела, а также и инструкторов по формированию Красной армии, и мы не знаем, для какой цели мобилизуют нас, а также против кого желают вооружить. Если же мобилизуют против тех, кто спасает от голодной смерти, т. е. против наших союзников Англичан и Французов (даже с прописной буквы, М. К.), — итти мы не желаем ¹.

Даже в своем родном селе, Патрикеевской волости, где орудовали 2 местных кулака, оба б. прапоры, Аркадий и Павел Бурковы, постигла т. Стрелкова неудача.

Сперва приехал сюда т. Лисин, член Архангельского уисполкома, но ему не дали говорить и освистали. Тогда отправился Стрелков.

Общее собрание. Битком набитая изба. На передней скамье местный поп.

Стрелков говорил о том, что нельзя так безучастно относиться к опасности, которая угрожает стране.

Так может погибнуть революционная власть, а с ней вместе погибнут и завоеванные свободы. Он привел пример—французскую коммуну, раздавленную буржуазией только

¹ Протокол общего собрания граждан 7/VII — 1918 г.

потому, что широкие круги крестьянства не поддержали ее во-время.

После него взял слово поп.

— Против кого же воевать мы пойдем? — начал вкрадчиво. — Против союзников наших, которые всегда защищали нас против германцев, которые и сейчас спасают нас от голода и бедствий? Два парохода с белой мукой, говорят, прислали к нам в Архангельск...

— Правильно! — раздались голоса. — Муку для нас привезли, а они вон (указывая на Стрелкова) присвоили, между собой поделили.

Лицемерная речь попа обозлила Стрелкова.

— Ты, батька, не темный человек, — возмущенно сказал он, — отлично разбираешься в положении и знаешь, что мы правы, — к чему же ты подливаешь и обманываешь крестьян?.. Стыдно тебе, батька!

Но поп не унимался.

— Давно всем известно, что вы продались немцу. Теперь, по их наущению, опять войну с союзниками затеиваете... Ничего, кроме новых бедствий, не принесет она народу.

Обманом и провокацией поп пробудил в крестьянах дикие инстинкты. Кончилось бы самосудом, если бы Стрелков не вынул револьвера и не пригрозил расправиться с каждым, кто до него дотронется.

Он зашел в избу: и здесь родная мать накинулась на него и ругала его последними словами.

Плюнул и ушел в Архангельск.

Шенкурское восстание¹.

В Шенкурском уезде объявленная мобилизация была использована контр-революционерами как исключительно благоприятный повод к выступлению. Им удалось организовать и объединить не только кулацкие элементы уезда, но и часть середняцких и бедняцких слоев, в общем сочувствовавших советской власти.

В отношении последних контр-революционеры не раскрывали своих истинных реакционных вождельных и, прикидываясь поборниками советского строя, вели борьбу только против „извращения“ декретов Совнаркома местными представителями власти и местными коммунистами. В резолюциях по поводу мобилизации они ограничивались выставлением, на первый взгляд, почти безобидных пунктов (требований), но эти требования, не хуже прямого отказа, вели к срыву мобилизации.

¹ Большая часть главы записана со слов Р. А. Пластининой.

1) На какой срок нас призывают?

2) Куда и против кого нас шлют?

3) Какая цель этого? Достижима ли она вообще? Если мобилизация вызвана неизбежной потребностью защиты истинно трудящихся эксплуатируемых масс, то молодое поколение, дети этого народа, согласны идти, в случае достижимости и согласия других волостей уезда, на защиту его, но идти лишь в полной уверенности, без малейшей боязни за судьбу тех, кто у нас остается, что наши старики-родители, жены, дети будут материально немедленно обеспечены со дня призыва до возвращения на родину. Также в случае нашей смерти. Чтобы нашим семьям на местах была оказана помощь управиться со всеми предстоящими полевыми работами, чтобы, будучи призваны в армию, мы были уверены, что для нас будет в достаточном количестве хлеб, все продукты жизненной необходимости.

4) Будут ли в достаточном количестве снаряды, оружие, фураж, обмундирование и вообще все боевые припасы, чтобы мы могли, если придется, встретиться с противником не с голыми руками, не являться пушечным мясом, как мы являлись так недавно?

5) Чтобы по прибытии в Шенкурск нам были выданы, кому это не сделано, все виды денежного довольствия за старый период службы.

6) Чтобы одновременно с нами были мобилизованы те учетчики, которые в то время, как мы сидели в окопах, 4 года блаженствовали, независимо от призывного возраста народа, 5 лет.

7) Чтобы у оставшихся семейств мобилизованных не была произведена до возвращения на родину никакая реквизиция, как, напр., скота, фуража, хлеба¹.

Движение против мобилизации вылилось 21 июля, за 10 дней до падения Архангельска, в открытое возмущение против советской власти, разгром исполкома, арест членов губисполкома. Группа местных ответственных совработников вместе с членом президиума губисполкома Р. А. Пластининой (12 чел.) и небольшой шенкурский гарнизон, состоявший из 27 красноармейцев и 8 латышских стрелков, всего 47 чел., запершихся в увоенкомате (б. казарма), в течение 4 суток героически выдерживали осаду и атаки тысячной толпы восставших, предводительствуемых бывшими офицерами и „социалистами“.

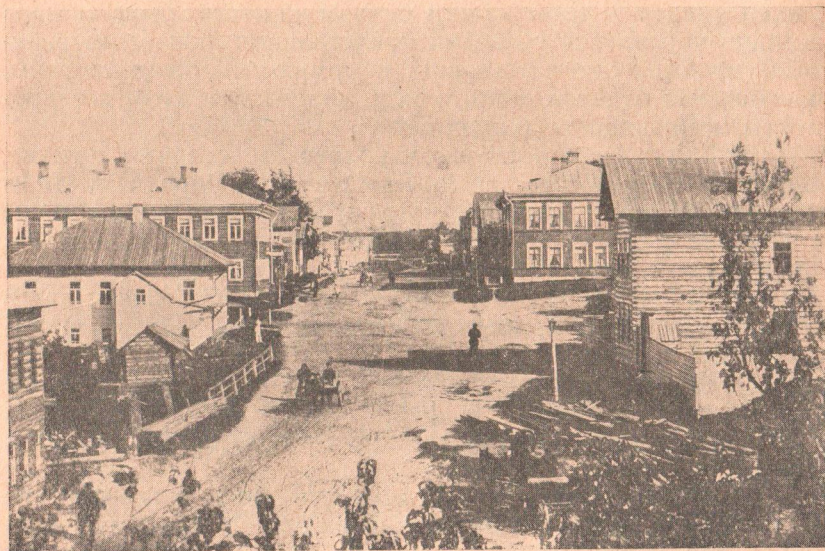
После сдачи, в которой немалую роль сыграло предательство, арестованные были заключены в тюрьму. При приближении к Шенкурску небольшого отряда т. Павлина Виноградова белогвардейская рать разбежалась.

¹ Телеграмма № 288 в Архгубвоенкомат.

При описании шенкурского восстания прежде всего следует остановиться на тех моментах, которые сделали возможным переворот в Шенкурском уезде, самом передовом и революционном из всех уездов Архангельской губернии.

Чем объяснить, что, захватив врасплох Шенкурск, белые в течение целых 10 дней безнаказанно хозяйничали в нем?

Нельзя понять шенкурских событий, если подробно не остановиться на той роли, которую сыграла в этом деле партия левых эсэров, по численности лишь не много уступавшая коммунистической партии, а в мелко буржуазных

Гор. Шенкурск. Улица 1 Мая.

слоях населения, и в частности в крестьянстве, имевшая даже преобладающее значение.

К сожалению, т. И. Боговой, выступивший в печати с талантливой брошюрой о шенкурском восстании, почти не коснулся этого вопроса; хотя именно он, возглавлявший фракцию левых с.-р. и имевший в своем распоряжении все материалы уездных и губернских съездов и протоколы фракционных заседаний, мог бы лучше всякого другого расставить все неясности.

Приходится восполнить этот пробел, используя свидетельства некоторых товарищей, участников шенкурских событий.

Выше мы указали, что губернский съезд командировал группу делегатов на места для проведения мобилизации.

В Шенкурский уезд вернулись со съезда делегаты тт. Иван и Василий Боговые. Что же сделали они во исполнение принятых губсъездом постановлений? Очень мало.

а) За период с 3 по 12 июля не были размножены и опубликованы постановление и воззвание к населению. Больше того: контр-революционные воззвания мобилизованных, расклеенные по городу, в течение нескольких дней продолжали висеть в полной неприкосновенности. Характернее всего, что эти воззвания были отпечатаны на пишущей машинке в самом уисполкоме.

б) Аппарат увоенкомата бездействовал и не был даже подготовлен к приему призываемых.

И. Б. в своей брошюре приводит выдержку из доклада губвоенкома т. Зенковича от 6/VII.

„В Шенкурском уезде дела не важны. Я это приписываю военному комиссару“.

Нас здесь не столько интересует фамилия этого комиссара, сколько принадлежность его к лево-эсэровской партии, директивы которой он проводил.

в) На состоявшемся в Шенкурске около 10/VII митинге мобилизуемых оба Боговых, имея сведения об оппозиционном настроении масс, не достаточно решительно выступали с разъяснениями. На этом митинге единогласно вынесен протест против постановления губ. съезда по мобилизации.

г) Даже после приезда из Архангельска чрезвычайных военных комиссаров Новова, Вялова и Олунина, посланных губисполкомом для проведения мобилизации, роль левых эсэров не изменилась. На уездном Съезде советов (19/VII), на котором, по словам И. Богового, большевики были представлены „очень небольшой группой¹, левые с.-р. „в вопросе о мобилизации колебались“ и, вопреки постановлению Губ. съезда советов, продолжали трубить в дудку белых. „Одни (л. с.-р.) были за мобилизацию, — пишет Иван Боговой (по голосовали ли они за нее или проповедывали „воздержание“ — этого он не указывает): — другие что-то туманно говорили о всеобщем вооружении трудящихся“, вполне определенно поддерживая выступавшего черносотенного офицера Ковицкого, говорившего о необходимости народного вооружения. В воззвании переизбранного исполкома опять говорится больше о всеобщем вооружении трудящихся, нежели о мобилизации.

Когда, в последние дни шенкурского съезда, контр-революционная роль делегатов Ракитина, Леванидова и еще одного была в полной мере установлена, коммунисты члены съезда предложили арестовать их, дабы предупредить угрозу

¹ 40 человек.

восстания. Левые эсэры провалили предложение. Как же так, депутатская неприкосновенность будет нарушена?!

Вообще насчет нарушений каких-либо свобод и чьей-либо неприкосновенности левых эсэров упрекать не приходится. Напр., допущенная на съезде свобода слова могла бы привести в восторг самого чистого демократа. Не говорим уже о речах лев. эсэра Муштаева, неизвестно по чьему избранию присутствовавшего на съезде и именовавшего себя народным комиссаром земледелия¹; его демагогия пришлась по душе особенно депутатам-кулакам: „Вот он дело говорит, недаром народный комиссар,— не чета нашим большевикам“. Больше того: Муштаев вошел в сношения с вождями правых эсэров, Я. П. Левановым и М. Ракитиным, фактическими руководителями восстания².

Но если участие в работах съезда Муштаева, лидера левых эсэров, могло быть с натяжкой оправдано, то представление председательствующим левым эсэром, Бабкиным, слова для доклада лицу, совершенно неизвестному съезду, некоему д-ру Суджану, являлось уже совершенно недопустимым.

Знал ли президиум съезда о содержании доклада? По крайней мере, для всех коммунистов и членов съезда, входивших в состав президиума, выступление Суджана явилось полной неожиданностью.

Прославляя дружбу и благие намерения „союзников“, докладчик приглашал съезд последовать примеру Мурмана и рука об руку с союзниками идти войной против немца: „Хотя тяжело находиться под иностранным игом, но положение таково“... и т. д.

Несмотря на протесты коммунистов, председатель дал возможность закончить позорную речь. „Война с Германией“ — было тогда боевым лозунгом у лево-эсэровских патриотов.

И убийство Мирбаха, и борьба партизанских эсэровских отрядов на Украине, и выступление левых эсэров в Москве в равной мере провоцировали войну с Германией и срыв Брестского мира.

Заслуживает упоминания следующий эпизод: когда в Шенкурске было получено сообщение об аресте в Москве Марии Спиридоновой, левые эсэры отправили ложную телеграмму в Москву, что обе фракции (т. е. коммунисты и л. с.-р.) Шенкурского уездного съезда единогласно (!) про-

тестуют против ареста Спиридоновой и требуют ее освобождения. Возмущенные таким приемом, коммунисты сообщили со своей стороны, что эта телеграмма лжива и что они одобряют принятые центральной властью меры против мятежников.

Что касается д-ра Суджана, то благодаря проявленной коммунистами инициативе скрыться ему не удалось. Он был арестован во время перерыва в здании, где происходил съезд¹.

Левоэсэровская дряблость передалась даже части коммунистов. Тов. Новов, чрезвычайный комиссар, в кругу товарищей признался, что он благодаря левоэсэровскому исполкому размяк и не был согласен с действительно большевистским предложением Пластининой об аресте Ракитина и др.

Эта же дряблость сказалась в тт. Новове и Олунии (л. с.-р.), когда они 21 июня, несмотря на предупреждения товарищей, направились в с. Спасское на митинг вооруженных призывников.

И дорого пришлось им заплатить за нее: они не только были арестованы и выбыли в первый же день восстания из строя, не только в течение 2 недель находились в положении осужденных на смерть, — они ко всему тому оказались вынужденными, уже находясь под арестом, написать, по настоянию белых, приказ о задержке парохода, на котором т. Пластинина возвращалась в Архангельск.

Пароход „Вельск“ был задержан в самый последний момент перед отходом, когда уже сходни были сняты... Тов. Пластинина, видя перед собой записку чрезвычайных военных комиссаров с категорическим приказом капитану задержать пароход, резонно полагала, что Новов и Олуни собираются передать с ней в Архангельск важные сообщения или отправить на пароходе главарей кулацкого движения, которых выдало само население, не устоявшее перед горячим красноречием архангельских комиссаров.

Для выяснения причины задержки т. Ревекка отправилась в „Смольный“, где застала нескольких членов уездного съезда, тт. Позднякова, Варлачева, Сысоева и Боговых. Среди них чувствовалась подавленность. На вопрос, что случилось, получила ответ: тт. Новов, Олуни и Георгий Иванов арестованы.

Пластинина возразила, что у них, видимо, неверные сведения: она только что видела собственноручную записку Новова и Олунина.

На это Боговой рассказал ей, что сегодня (21/VII) к нему обратились два лица, назвавшие себя делегатами от

¹ Муштаев состоял зам. нар. ком. зем. Московской области до апреля 1918 г., когда наркоматы Московской области были ликвидированы. — Муштаев впоследствии перешел к белым и поступил на службу в Сербское посольство. — Арестован летом 1920 г. и, по постановлению Особой комиссии ВЧК, расстрелян.

² Сообщение В. Г. Богового.

¹ Расстрелян в Вологде в августе 1918 г.

отряда мобилизованных, который расположился под Шенкурском, и потребовали разоружения шенкурских красноармейцев.

Делегаты же сообщили, что Новов и Олунин арестованы. Вели переговоры с делегатами Вас. и Иван Боговые и уговорились, что ответ будет дан сегодня, в 10 час. вечера, на Воскресенском кладбище.

Р. А. Пластинина.

Решили немедленно устроить в военном комиссариате совещание, на которое вызвать всех находящихся в городе членов исполкома и съезда.

На состоявшемся собрании присутствовали: тт. Пластинина, Варлачев, Сысоев, Кочетов, Кожевников, Гашев—все члены и сочув. РКП; И. и В. Боговые¹ Севастьянов, Жданов, Поздняков (?) левые эсэры и сочувствующие и анархист Кузнецов. Всего 12 человек. Остальные члены исполкома, воспользовавшись воскресным днем, выехали накануне в свои волости.

Единственный вопрос повестки дня—ультиматум восставших мобилизованных. Все были одного мнения: требование о разоружении должно

быть отвергнуто. Единогласно решено было принять бой. Ответ составлен и переписан красными чернилами на развернутом листе бумаги.

Для привлечения на свою сторону красноармейцев и латышей (37 чел.), помещавшихся во втором этаже военного комиссариата, командирована Пластинина. „Отряд умрет, но оружия не сдаст“—такой ответ дал отряд на ультиматум.

В. Г. Боговому и Долгобородову поручено вручить ответ „делегатам“. Военрук Богданов командирован на прямой провод информировать Архангельск и просить помощи.

¹ С конца 1918 года И. и В. Боговые состоят членами ВКП (б) и в настоящее время ведут ответственную партийную и советскую работу.

После окончания заседания все остались в комиссариате и стали готовиться к обороне. Были выставлены усиленные караулы и установлены пулеметы.

Караул у входных дверей остановил одного мобилизованного, который шел в комиссариат, уверенный, что он занят белыми. Заметив свою ошибку, задержанный побежал и не остановился на сделанное предупреждение. Он был застрелен часовым, и, чтобы не раздражать белых видом убитого, труп его внесли в здание и положили внизу в коридоре.

При наступлении сумерек расставленные в окопах дозорные заметили, что белые, рассыпавшись длинной цепью, из-за леса быстро приближаются к казарме.

Вернувшийся с телеграфа т. Богданов, которому, как единственному военспецу среди осажденных, выпала высокая честь быть фактическим руководителем обороны и который вполне эту честь заслужил, отдал приказ открыть стрельбу из пулеметов, на что последовала беспорядочная стрельба из винтовок и ружей со стороны белых.

Часть левых эсэров осталась верна себе: уже после того, как они единогласно постановили принять бой, та же беспомощность, бесхарактерность, убожество наблюдались в их действиях. Они никак не могли занять правильной позиции. Некоторые из них были против того, чтобы начинать стрельбу первыми, а в разгаре борьбы они выполняли роль дозорных у слухового окна, воздерживаясь стрелять в своих „обманутых братьев“.

Зато „братья“, находившиеся в стане белых, не занимались сентиментальной болтовней и жарили вовсю по казарме.

Одним из первых был ранен товарищ-латыш, стрелявший из пулемета в воротах казармы. Разрывная пуля разворотила все предплечье. Несмотря на жестокие страдания он оттащил пулемет от дверей.

В дальнейшем этот товарищ проявил исключительное мужество, когда загнаивавшуюся рану шпарили, за отсутствием йода, кипятком... Сделали ему предложение—отправить его в больницу. Отказался. „С вами вместе сражался, пусть среди вас, товарищи, и умру“.

Или вот другой, совсем молоденький, румяный, как яблоко, боец... Тяжело раненый лежит в простенке между двух окон... Только что пришел в сознание и вот... тихо затянул любимую революционную песню...

„Лежи спокойно, товарищ!“

Куда там! не хочет...

Он „уже здоров... соскучился по пулемету“... Также стойко переносил ранение и т. Кожевников.

А вот красноармеец Яша Попов ¹, тоже совсем молодой парнишка, а уже твердо держит винтовку в своих руках...

Белые выставили чучела на своих окопах и гогочут, что казарма, не разобравшись, тратит на них пули.

Но вот Яша, подкараулив белого, быстро высунулся из окна и на глазах у всех трахнул его наповал.

„Яшка — убийца!“ — загалдели белые.

Вообще каждый латыш и каждый красноармеец этой маленькой горсточки готовы были отдать жизнь за торжество советской власти, за диктатуру пролетариата ².

Даже анархист Кузнецов забыл в казарме свои бредни и, как истый коммунар, сражался за Советскую республику.

Самой мрачной и позорной страницей разложения левозэровской партии является поведение видного ее члена А. П. Попова.

Посланный в Шенкурск в качестве чрезвычайного комиссара Арханг. губисполкома, Попов попадает в руки белых и, под угрозой расправы, становится предателем ³.

Белые ведут его, арестованного, к шенкурской казарме, где он убеждает, умоляет осажденных сдать. Он прибегает к обману и клянется, что Архангельск не может оказать помощи и послать на выручку отряд.

Он гарантирует сдавшим жизнь и свободу. Измученные от бессонных ночей, жажды, голода и нервных переживаний, осажденные сдались. За сдачу голосовали все, кроме Пластиной. По другим сведениям и латышские стрелки не соглашались на сдачу.

Здесь же, на глазах Андрея Попова, сдавшихся арестовали и с издевательствами отправили в тюрьму. Через несколько дней белые увезли из тюрьмы т. Пластинину, чтобы покончить с ней в одной из кулацких волостей. Благодаря тому, что ей в пути удалось распропагандировать караул ⁴ белых и найти поддержку среди крестьян, она спаслась от смерти. Одновременно был увезен белыми и т. Богданов.

В дальнейшем оказалось, что А. Попов, давая клятву осажденным, что Архангельск не может оказать помощи, послал по настоянию белых телеграмму в Архангельск, что „вопрос улажен и в посылке отряда надобность миновала“.

¹ Яша Попов, родом из д. Акишихи, Афоносовской волости, убит в бою под Ямбургом в 1919 году.

² Начальником латышей был т. Бауман, красноармеец — т. Баранов.

³ Сам он объясняет предательство добрыми намерениями, желанием предотвратить „братоубийственную“ войну, спасти не столько себя, сколько товарищей, погибавших в казарме. Белые показывали ему бочки керосина, предназначавшиеся на сожжение казармы и осажденных в ней.

⁴ Один из караульных, Мих. Лопатин с 1919 года член ВКП(б).

Несмотря на провокационную телеграмму (или телеграммы) Андрея Попова Архангельский губисполком, не получая известий об ответственных товарищах, командированных в Шенкурск, направил т. Павлина Виноградова с небольшим отрядом для восстановления порядка. В экспедиции приняли участие также тт. Н. Ф. Пластинин и Черкасов.

К сожалению, дать более или менее подробное описание похода не представляется возможным за отсутствием достаточных материалов.

Остановимся здесь только на отдельных, отрывочных эпизодах, сообщенных т. Черкасовым, которые имеют значение, главным образом, для характеристики Павлина Виноградова.

„По прибытии из Архангельска в Березник, — рассказывает т. Черкасов, — мы вместе с отрядом моряков и красноармейцев ¹ сошли с пароходов вследствие мелководья в р. Ваге и пешим порядком отправились на Шенкурск. В устье Ваги нами взято оказавшееся незахваченным восставшими мобилизованными оружие и патроны. Получив лошадей, в тот же день мы направились далее... В с. Усть-Ваге нами был задержан мелкосидящий пароход, шедший из Шенкурска. На этот пароход была посажена часть моряков во главе с т. Князевым и даны соответствующие инструкции по части обстрела якобы окопавшихся в одном месте восставших.“

„Интересно отметить, что вся инструкция сводилась к тому, что, если в таком-то месте встретятся группы людей, следует произвести обстрел из 75-мм пушки, которую мы везли из г. Архангельска. Одновременно выступая с пароходом мы шли с таким расчетом, принимая во внимание изгибы реки Ваги, чтобы прийти в с. Кицу, где нам необходимо было переправиться на другой берег, почти в одно время с пароходом. Необходимо было иметь также в виду совместные с пароходом действия в пункте, где окопалось, по словам местных жителей, с тысячу восставших.“

„Подойдя к тому месту, где предполагалась засада, и не найдя ничего, Павлин решил спуститься к реке и встретить пароход, шум машин которого мы уже слышали. Оставив отряд, Павлин и несколько человек бросились вниз к реке. С парохода заметили людей, одетых в военную форму, и, приняв их за окопавшихся, открыли стрельбу из пушки и пулеметов. Павлин, взбешенный этим, бросился вперед к берегу, чтобы, как он говорил потом, выяснить это обидное недоразумение. В это время я был около Павлина.“

¹ „Насколько мне не изменяет память, отряд моряков имел во главе т. Князева, а красноармейцы — т. Падалку“ (Черкасов).

„Зная по опыту, что необходимо в таких случаях, я закричал, чтобы он не смел выбегать из-за деревьев и обязательно ложился. Быстро сообразив, в чем дело, он лег; заметив это, на пароходе открыли стрельбу из всех пулеметов, а их, кажется, было четыре или пять. Павлин, слыша, как у него над головой свистели пули, окончательно притих и лишь изредка говорил: «Ах, сволочи, как патронов-то не жалеют. Я им покажу! Ах, какой дурень Князев!»». Спустя минут пять пароход миновал берег, где мы находились, и, прекратив стрельбу, отправились к Кице.

„Когда все стихло, Павлин вскочил как ужаленный. Ну, и как он ругался!.. Разгоряченный от пережитых волнений, он обратился ко мне с просьбой достать ему напиток воды. При мне был термос, и я дал ему напиток чаю. Выпив, сказал: «А чорт вас знает, быть может, вы и правы, а я виноват: а все-таки жаль патронов. Хочешь не хочешь, а приходится верить вам, военщине», — и с этого момента Павлин, который не признавал военных авторитетов, впервые на моих глазах стал особенно относиться к вопросам чисто военного характера и считаться с высказываемыми мнениями... Раньше всегда неодобрительно отзывался об офицерах, и в его устах слово «офицер» звучало всегда «белогвардеец».

„Такие случаи (как описанный здесь, а также захват „Митрофана“ и др.) дали Павлину возможность приобрести опыт и знания, благодаря которым он сумел в дальнейшем блестяще руководить на Двине операциями против англо-французов“.

Другой эпизод, сообщенный Черкасовым, касается первого смертного приговора, вынесенного Павлином Виноградовым, и показывает, насколько трудно было даже таким убежденным революционерам, как Павлин, отрешиться от интеллигентского предрассудка по отношению к смертной казни.

Приводим рассказ с некоторыми несущественными исправлениями:

„По дороге на Кицу к нам пристал какой-то мужчина (фамилии не помню), который показался всем нам довольно подозрительным... Оказалось, всю историю с арестом Андрея Попова он великолепно знал, и по некоторым его словам было видно, что арест не обошелся без его участия.

„... Названный тип предложил нам свои услуги, говорил о своем сочувствии и даже показал билет клуба большевиков в г. Архангельске... Павлин приказал взять его под особое наблюдение ночью, чтобы не сбежал. По прибытии в Кицу Павлин приказал тт. Старостенко и Солнцева (нашим следователям) произвести подробное дознание. Помню, допрос

¹ В Кице состоялась встреча Павлина с Андреем Поповым, которого Павлин арестовал.

производился ночью; виновность и причастность его к аресту Андрея Попова были вполне установлены, и приговор представлен Павлину на утверждение. Утром, рано проснувшись и проходя по коридору, увидел высунувшуюся из двери каюты голову Павлина; подошел, спросил у него: как дела?.. Я увидел сильно истомленное лицо и под глазами большие синие круги. На мой вопрос — что с ним, — глухо ответил: «Ты думаешь легко смертные приговоры подписывать? Посмотрю, как вот ты будешь выглядеть, когда я прикажу тебе привести приговор в исполнение. Будешь расстреливать?». Получив утвердительный ответ, Павлин злобно посмотрел на меня, продолжая что-то ворчать себе под нос. Сильно пошатываясь, вошел в каюту. «На, читай!» — услышал я его голос. Зайдя в каюту, заметил, что на столе лежал большой лист бумаги, исписанный на пишущей машинке, за подписями следователей, а сверху в углу рукой Павлина наложена резолюция: «Расстрелять». Дата. Подпись. Конец подписи сделан как будто нетвердой рукой.

„Через несколько часов приговор был приведен в исполнение. Больше к вопросу о расстреле в беседах с ним мы никогда не возвращались“.

В Москве.

Члены Советской ревизии вернулись в Москву вечером 28 июля. Ожидавший нас на вокзале товарищ сообщил, что Владимир Ильич ждет меня.

Десяток минут спустя я уже находился в кабинете Ильича, где доложил об общем положении на Севере и об отдельных заслуживавших внимания моментах: об окончании эвакуации (осталось грузов всего на 2-3 поезда), о выезде послов, о захвате „Митрофана“, о неудаче мобилизации, о расстреле Иванова, о необходимости выслать войска.

Владимир Ильич был в очень хорошем настроении. Во время моего доклада Ильич то и дело вставлял лукавое словцо и подшучивал надо мной.

Но не только подшучивал. Он уже все обнял, взвесил, решил...

В его шуточках не трудно было прочитать и указание на то, что не все еще сделано, и совет, и наставление для будущего.

В кабинет вошел т. Троцкий. Он был сверх обычного сосредоточен и серьезен, и разговор сразу принял

¹ Тов. Ст. Попов полагает, что „случай с расстрелом“ имел место несколько недель спустя, на Сев. Двине, в Важском районе.

официальный характер. Задав несколько вопросов, он сказал: „Только что получено сообщение из Архангельска, что в Белом море крейсерует английская эскадра и что со дня на день нужно ожидать интервенции. Вам надлежит сегодня же выехать обратно в Архангельск“.

Я протестовал. Если опасность, действительно, так близка, то необходимо располагать немного большей военной силой, чем 33 латышских стрелка, бывших в моем распоряжении.

„Хотелось бы также отдохнуть, — добавил я, — хотя бы один-два дня“. При последних словах Владимир Ильич громко рассмеялся.

„А, передышки запросил!“ — заметил Ильич, и я видел, что он на таковую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую силу и назначить мой отъезд на ближайшие дни ¹.

При царившей в то время разрухе и черепашьем темпе работы, несмотря на многочисленных толкачей и быстроту „порядка боевого приказа“, прошло несколько дней, пока все было готово. Отряд сформировался под начальством т. Антропова; имелись два трехдюймовых орудия, пулеметы, продовольствие и проч.

31 июля под вечер двинулись в путь с товарной станции Северных жел. дор., где шла погрузка.

Ползли медленно. За сутки добрались только до Вологды.

Еще под Ярославлем получили депешу, извещавшую о занятии Онеги англо-французами.

Агитационной секцией велась усиленная работа среди матросов, составлявших отряд Антропова.

В Вологде, на совещании с ответственными работниками был разрешен ряд практических вопросов.

Был образован Совет обороны Вологодского района. Командующим этим районом был назначен т. Геккер. Военрук Беломорского округа был устранен от участия в Совете. В докладной записке от 3/VIII, направленной им управделами наркомвоен Потапову ², упоминается о вопросах, разрешенных 1 августа в Вологде.

Вот несколько выдержек из нее:

„Вчера комиссар Геккер, имевший личное свидание с наркомом Кедровым при проезде его через Вологду,

¹ Приехавшему только что из Архангельска т. Метелеву было предложено в тот же день выехать обратно, и 30—31 июля он был в Архангельске. Сбежавший из Архангельска т. Валентинов назад в Архангельск не попал и застрял в Няндоме.

² Потапов Н. М., быв. генерал, генерал-квартирмейстер гл. штаба в Петрограде в 1917 г. Еще при правительстве Керенского оказывал большевикам ценные услуги. После Октябрьской революции назначен нач. глав. штаба и управделами наркомвоен.

Военный комиссар Беломорского округа т. Геккер.

передал мне приказ Кедрова от 1/VIII, № 245, которым Сухона, Котлас, Вологда, линия железных дорог от Вологды до Буя, Грязовца, Череповца, Архангельска объявляются на осадном положении. Пассажирское движение на линии Вологда — Архангельск прекращается. Тем же приказом командующим тылом Вологодским районом назначен один из окружных комиссаров, Геккер, с непосредственным подчинением наркому Кедрову; ему предложено организовать полевой штаб; все финансово-хозяйственные функции и нештатные отпуска по обороне возложены на Совет из представителей ЦИК¹, также местных исполкомов² под председательством Геккера.

„С образованием штаба Геккера, — сообщается далее в записке, — окружной комиссариат становится излишним; он слабо ориентирован в политической обстановке, в оперативную часть не вмешивается, войсковыми частями не командует, ему остается слепое исполнение требований снабжения Совета обороны Архангельска, штаба Геккера, центральных управлений“.

В этих „деловых соображениях“ нетрудно увидеть проявление оскорбленного самолюбия военрука, отстраненного от оперативных функций, и полное непонимание серьезности положения.

Когда в Вологде уже циркулировали слухи, что союзный флот вошел в Двину и Архангельск пал, важно было иметь в тылу боевой орган, на который всецело можно было бы положиться, который был бы тесно связан с широкими массами и обладал бы полнотой власти.

Ясно, что только что эвакуированный в Вологду Беломорский округ, в котором еще жили традиции „доброго“ старого времени, не мог стать таким ударным органом.

Остается сказать несколько слов о секретариатах иностранных миссий, которые после выезда послов продолжали жить в Вологде.

Сотруднику ревизии Н. Н. Сучкову был дан приказ отправиться к секретарю американской миссии и предложить и ему самому и секретарям прочих миссий со всем штатом, в связи с начавшейся на Севере интервенцией, выехать в Москву.

Сучков уехал и долго не возвращался. Прибыв, доложил, что секретари наотрез отказались выехать в Москву. Если уже так необходимо покинуть Вологду, то они согласны переселиться или в Тотму, или в Вельск, или в Белозерск. Сучков согласился передать их желание.

¹ Член ВЦИК т. Иванов.

² Тов. Ветошкин М. К., и, если не ошибаюсь, тт. И. А. Саммер и Элиава.

По тому, как Сучков рьяно отстаивал безвредность выезда секретариатов в эти города, которые в ближайшие дни могли стать прифронтовой полосой, было видно, что Сучков вышел из рамок данного ему поручения и пошел на компромис.

Я резко оборвал дальнейший разговор и поручил другому работнику (кажется, т. Фраучи-Артузову) поехать и заявить, что предложение о выезде в другие города, кроме Москвы, безоговорочно отвергается¹.

1 августа, в 21 ч. наш поезд отправился в направлении на Архангельск.

¹ В Арх. Сов. ревизии сохранилась записка секретаря американской миссии, написанная карандашом на клочке бумаги. Часть текста подготовлена для шифровки. Записка, вероятно, была забыта в помещении миссии при отъезде из Вологды.

„... Говорят, что союзники высадились в Архангельске т.ч. Военное положение объявлено здесь сегодня; поездов нет ни в Архангельск ни обратно. Кедров требовал немедленного выезда в Москву французского секретаря, меня, также великобританского консула. Мы определенно отказались!... Не думаю, что они осмелятся выжить нас отсюда. Ар...“ (окончание подписи неразборчиво).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИНТЕРВЕНЦИЯ.

(Август 1918 г.).

Решающие дни.

(2—4 августа 1918 г.).

В ночь на 2 августа поступила следующая телеграмма из Архангельска:

„Вне всякой очереди. ВЖГ¹ доставить на поезд № 1000 комиссару Кедрову, о доставлении уведомить. Ж.-д. ст. Вологда направляет по пути поезда с совнаркомом (?) Кедровым отправившегося из Вологды 21 час. Следуйте с отрядом Архангельск вокзал. Мудьюг пал наши батареи расстреляны крейсерами точка имею распоряжении 800 штыков с которыми буду держаться до последнего у вокзала за Двиной точка Англичане имеют в своем распоряжении два броненосца запятая три крейсера запятая броненосцы² и много гидроаэропланов и десант который занял Мудьюг точка Напора на самый город пока нет немедленно спокойствие запятая дельта Двины еще не занята запятая русло дельты и фарватер затоплен Святогором пароходом Уссури и Микулой точка Онега занята 300 англичанами запятая перемен нет наши отошли Чекуево³ точка на поддержку Онеги пошлите⁴ железный отряд при пулеметах и двух орудиях запятая который свернет от Обозерской по шоссе на Филипповскую точка Вологда дала 400 при двух орудиях которые также направляются до соприкосновения с противником направлении Онеге точка Москва Петроград извещены поддержку высылают.

Вахрамеев
Потапов“

¹ Ст. Вожега, приблиз. 120 верст от Вологды.

² Миноносцы.

³ С. Чекуево находится на полдороге от Онеги до Обозерской.

⁴ Следует читать: послали.

Телеграмма подана в Архангельске 1 августа в 22 часа 25 мин.¹

Мною было тотчас же сделано распоряжение ускорить продвижение нашего поезда; Вахрамееву и Потапову была отправлена телеграмма защищать Архангельск до последней возможности и не отступать впредь до нашего прибытия, которое, как я рассчитывал, могло произойти через 15 часов.

Утром 2 августа все работники Ревизии были ознакомлены с положением, намечались всевозможные планы борьбы. Должен сказать, что в среде Ревизии не чувствовалось ни малейшей растерянности, и все были настроены воинственно и оптимистически.

День 2 августа принес нам много тяжелых переживаний.

На каждой станции мы старались снестись с Архангельск-пристанью, где находились силы (800 штыков), и поддерживать с ними контакт. Отношение со стороны железнодорожного персонала и рабочих к Советской власти, и в частности к нам, на промежуточных станциях было, в общем, благожелательно. Случаев саботажа, в смысле задержки в пути, умышленного вызывания горения осей, здесь не наблюдалось. Телеграфная служба также работала исправно.

Почти на каждой станции мы имели сведения, что положение остается без перемен.

Но вот, не доезжая до Обозерской двух-трех станций, в разговоре с губвоенкомом т. Зенковичем по прямому проводу стали проявляться тревожные симптомы. Под влиянием разных провокационных слухов и алкогольного дурмана все более настойчивым и общим становилось требование отправки главных сил в Вологду. Указывалось, что англо-французы, захватив Онегу и развивая наступление, уже подходят к Обозерской, и если упустить момент, то путь к отступлению будет отрезан.

Главные силы уже перебрались со ст. Архангельск-пристань на ст. Исакогорка (приблизительно на 10 верст),

Сохранился подлинный текст сообщения Зенковича со ст. Исакогорка, записанный 2 августа, в 18 ч. 30 минут, который дословно приводится:

„Я — Зенкович, передайте Кедрову, что латышскими стрелками отправлены два поезда самовольно — без жезлов и без машинистов — один ушел в 5 часов 20 минут, другой в 5 час. 45 мин.², второй с подталкивающим паровозом, возможно столкновение поездов и крушение. Причина —

¹ Оригинал записки по прямому проводу, подписанной Потаповым и комиссаром Бутенко, был доставлен нам значительно позже. Адресована записка в Москву Высший военный совет и в Петроград Троцкому, Позери, Гиттису, Богатину. Здесь приводятся более подробные данные. (См. прил. № 8).

² Пополудни.

какое-то недоверие к Вахрамееву и всем военным комиссарам, даже Кедрову. Заметно разложение и паника. Я старался доказать безрассудность трусливого бегства, я уговаривал их обождать до приезда Кедрова, и когда я ушел в телеграф, поезда были самовольно отправлены. Вахрамеев и Зенкович¹, видимо, увезены с поездом. Зенкович².

Сохранилась еще вторая записка т. Зенковича без указания времени, поданная им незадолго до вышеприведенной, или вслед за ней. Текст приведен в примечании².

В Обозерской мы застали полную беспечность. Прибывшая накануне воинская часть расположилась биваком в Обозерской и успокоилась. Она не только не выступила в направлении на Чекуево на помощь ничтожному отряду, отступавшему из Онеги, но даже не послала разведчиков. Где находится неприятель, — она не знает; может быть, в нескольких верстах от Обозерской.

Подобная преступная халатность, благодаря которой не только мог быть уничтожен весь отряд, но могли быть отрезаны пути отступления из Архангельска, объяснялась тем, что отряд не был снабжен в достаточном количестве хлебом и сухарями и вторые сутки ожидал выпечки хлеба.

Несмотря на то, что на совещании с работниками Ревизии отдельные товарищи указывали на бесполезность и ненужный риск дальнейшего движения, было решено наступать и приложить все силы к освобождению Архангельска.

Из имевшихся в нашем распоряжении запасов была выделена часть продуктов и высланы разведчики. Несколько товарищей оставлены на Обозерской. Помню, что т. Ахов, член агитационной секции, партиз, был назначен военным комендантом ст. Обозерской, т. Греховодов, из артиллерийской секции, б. артиллерийский офицер, беспартийный, но вполне преданный советской власти³, оставлен в качестве начальника артиллерийской части, в которой таковой отсутствовал.

¹ Опечатка; имеется в виду, вероятно, т. Ст. Попов.

² „Я, Зенкович, у аппарата; поезда ушли полчаса тому назад, когда я пробовал связаться в телеграфном отделении, но до моего ухода на телеграф я слышал, что латыши собираются отправить поезд без ведома Вахрамеева, я старался уговорить их, и некоторые соглашались обождать здесь до вашего приезда, но другие настаивали отправить, говоря, что кругом шпионы, и мы никому теперь не верим, даже Вахрамееву и Кедрову, когда я сослался на наш разговор, что Кедров придет через 5 часов. В Архангельске остались Потапов и части войск, формируемых им, а вот о задержании поездов дайте телеграмму по станциям ж. д. Он (?) вместе с Вахрамеевым и мною с утра были здесь в телеграфе, но... (слово неразборчиво) утомившись, видимо, уснули в поезде, а тем временем поезд отправились. Я так полагаю, но уверенно не могу сказать. Я перед отходом поездов их искал, но не нашел.

³ Впоследствии павший славной смертью в одном из боев на южном фронте.

На телеграфе был установлен надежный контроль. Несколько захваченных телеграмм указывали, что белогвардейцы пользуются условным языком.

Вот содержание одной из таких телеграмм:

„Архангельск из Обозерской. Подана 1 августа в 8 час. 45 мин. Кому: Лесорубу Архангельск. Рыбачьи лодки разбиваются в Онеге бурей Анциферов“.

С Обозерской управделами Ревизии т. Эйдук отправил распоряжение „на ст. Тундра начальнику станции и начальнику 2 эшелонов с латышскими стрелками со ст. Исакогорки.

„Приказываю этим двум эшелонам не двигаться дальше и ожидать приезда поезда народного комиссара точка Эшелоны поставить на запасный путь и подготовить все, чтобы они могли двинуться за нашим поездом“.

Бегство эшелонов из Исакогорки уже давало результаты. Из случайных разговоров, которые вели между собой по линии телеграфисты, стало известно, что почти тотчас за самовольным отправлением поездов белогвардейцы заняли Исакогорку. Ушедший от прямого провода т. Зенкович был зверски убит, и белые гады глумились над трупом первой жертвы, попавшей в их подлые лапы¹.

Оставление ст. Тундры бежавшими воинскими частями могло бы иметь роковые последствия, так как царившие среди них паника и растерянность могли передаться и на те части, которые имелись у нас в поезде и надежность которых не была еще проверена (кроме латышского отряда в 33 чел.).

Поэтому получение на следующей остановке (вероятно, на ст. Холмогорской) телеграммы от Вахрамеева явилось первым благоприятным моментом истекавших суток.

Телеграмма гласила:

„Поезд наркома Кедрова. Получил вашу телеграмму, отдал приказание поезд задержать, нахожусь на ст. Тундре². Команды требуют отправления дальше, прилагаю все силы к выполнению приказа. Вахрамеев“.

Близко к полуночи прибыли наконец на ст. Тундра. Ко мне в вагон вошли несколько архангельцев. Чувствовали себя совершенно подавленными событиями, которые они не в силах были предотвратить.

¹ Один из убийц, у которого оказался револьвер Зенковича и который хвастался при господстве белых своим „подвигом“, расстрелян в июле 1920 года особой комиссией ВЧК. — В 1926 году арестован б. офицер Кононалов, который сознался, что принимал участие в убийстве т. Зенковича („Правда“, 10/VI 1925 г.). Расстрелян по приговору Арханг. губ. суда.

² Ст. Тундра находится в 41 версте от Архангельска.

Встретил их далеко не любезно, в особенности Вахрамеева, которого считал за человека военного¹, председателя Совета обороны, б. члена коллегии Наркоммора.

Как бы то ни было, наше решение двигаться на Архангельск было встречено ими с полным удовлетворением. Этот шаг давал им возможность сгладить тяжелое впечатление, созданное в связи с бегством эшелонов из Архангельска.

Интересно отметить, что и „разложившиеся“ эшелоны при нашем прибытии сразу опомнились и притихли. Работники Ревизии, обходившие вагоны, встретили отказ подчиниться и призыв бежать от той „ловушки, которую им готовят“ только со стороны двух пьяных латышей.

Оба латыша были выведены из вагона и тут же на месте расстреляны.

Все поезда уплотнены и сведены в один.

Медленно двинулся сборный поезд в направлении к занятому белыми городу. К 2 часам утра надеялись достигнуть конечного пункта пути — ст. Архангельск-пристань. Оставалось всего 40 верст.

2 августа, информируясь с каждой станции о положении в Архангельске, мы передавали полученные сведения по прямому проводу в Москву т. Ленину и т. Троцкому.

На одной из станций Владимир Ильич, через Бонч-Бруевича, запрашивал о перевороте в Архангельске и давал совет. К сожалению, ни места принятия записки ни даты не указано.

„Я, Поздеев², по поручению Невского³. Я ваши сведения передал Бонч-Бруевичу⁴. Последний просил меня выяснить у товарища Кедрова, закрыто ли устье Двины, не является ли необходимым произвести заграждение последнего где-нибудь далее, выполнено ли задание взорвать два ледокола устье Двины при отступлении. Возможно ли наступление по Двине, а также не знаете выведены ли пароходы Северной (Двины) и вообще осветите положение настоящих минут“.

У нас не было данных в то время, чтобы осветить затронутые в телегр. записке вопросы: сообщили, что поезд Ревизии продолжает путь далее, поставив себе задачу, прежде всего, приостановить паническое бегство, также сделать попытку вернуть Архангельск.

С вечера 2 августа связь с Москвой была прервана до 4 августа.

¹ В действительности он был морским инженер-механиком.

² Чрезвычайный уполномоченный НКПС.

³ В. И. Невский — наркомпут.

⁴ В. Д. Бонч-Бруевич — упр. делами Совнаркома.

В течение ночи и следующего дня т. Ленин неоднократно вызывал вологодских товарищей (тт. Ветошкина и Элиаву) на провод и запрашивал о положении и о местонахождении поезда Ревизии.

Вологжане, не имея связи с Архангельском, не могли сообщить ничего определенного. Складывалось убеждение, что поезд захвачен белыми. Не удовлетворившись уверениями вологжан о спокойствии в Вологде и предвидя возможность переворота, Владимир Ильич в тот же день ко-

Хлеб-соль союзникам при вступлении их в Архангельск.

мандирует туда (т. е. в Вологду) одетого по-европейски молодого человека в бархатном костюме и лично его инструктирует.

Его я встретил неделю спустя; для советской Вологды он являлся чучелом, привлекавшим к себе общее внимание.

Пересевшие в вагон архангельцы рассказывали о событиях последних дней и о своих переживаниях.

Многое в их рассказах оставалось неясным и непонятным.

Что же произошло в Архангельске?

Взятие Мудьюга, якобы, досталось англо-французам не задаром. Одно боевое судно было выведено нашим огнем из строя, другое выбросилось на берег. Зная расположение батарей, трудно было этому поверить.

Затопленные в устье Двины суда надолго преградили вход неприятельским крейсерам в Архангельск. Высаженный десант еще не достиг Архангельска. По крайней мере днем (2 августа) ни одного иностранного солдата в Архангельске не было видно.

Появление над городом неприятельских гидропланов, разбрасывавших воззвания к населению, вызвало панику в советских кругах. Крепкое ядро, вокруг которого могли сплотиться сторонники советской власти, отсутствовало. Не было руководства, не было единой, ясной цели. Все начали действовать вразброд¹.

Большинство думало только, как бы поскорее эвакуировать из Архангельска ценное имущество и, в качестве хранителей его, эвакуироваться самим. Из ценного имущества вывезли муку, яйца, несколько миллионов дензнаков, часть военного снаряжения, а артиллерия, в том числе полевая, осталась в городе...

Для некоторых спасение ценностей служило только предлогом для спасения собственной шкуры. Как в дальнейшем оказалось, часть ответственных работников наравне со своими драгоценными супругами и детьми эвакуировали и ценные тюфяки, портьеры, ковры и другие принадлежности буржуйских квартир. Жена одного ответственного работника пригнала к пристани двух своих коров, настаивая погрузить ее и их на пароход².

При появлении гидропланов большинство красноармейцев 2-го Советского полка, только еще формируемого, и часть красноармейцев 1-го полка оставили казармы и разбежались по деревням.

2 августа, по приказу Потапова, главные силы были переведены на левый берег Двины.

Потапов намеревался переправиться со штабом к рассвету, но до момента отправки поездов не явился. Что приключилось с ним, — достоверно сказать нельзя. Шли разговоры о том, что Потапов, приехав в штаб, напоследки

¹ Некоторые архангелы в своих воспоминаниях указывают, что приказ об эвакуации губисполкома был дан Потаповым. Насколько удалось выяснить, такого приказа не было. Во всяком случае, дело от этого не изменится.

² Разумеется, были и такие ответработники, которые выполнили до конца свой долг перед советской властью, напр., товарищ председателя Архангельского горисполкома Гуляев. В письме члена Пермского горисполкома, рабочего Н. Петрова, адресованном мне в Вологду в 1918 г., указывается, что т. Гуляев „при эвакуации из города, усадив свою жену, Лидию Ефимовну, на пароход, сам пошел в город, уже находившийся во власти белогвардейцев, для уничтожения документов в военном комиссариате и не вернулся на пароход; по слухам от некоторых матросов, он успел уничтожить все документы как в военном комиссариате, так и в революционном трибунале, но сам пропал бесследно“.

Как теперь известно, т. Гуляев погиб в тюрьме от сыпного тифа.

устроил с несколькими оставшимися в городе сослуживцами прощальную пирушку, во время которой все изрядно напились. Безвластие в городе уже сказывалось. По слухам, с винного склада выкатывались бочки со спиртом, тут же на улице разбивались и распивались.

Суматохой якобы воспользовался командир ингушского отряда Берс и без всякого сопротивления арестовал Потапова и его штаб, находившихся в состоянии полного опьянения.

Высказывалось предположение, что мотивом к аресту Потапова послужило намерение Берса до прихода „союзников“ присвоить и скрыть денежные средства, отпущенные Совету обороны и хранившееся у Потапова. Едва ли это было главным мотивом. Несомненно, что белогвардеец и аферист Берс с самого своего появления в Архангельске состоял на содержании у консулов и действовал по их указке. Относительно Потапова еще имелись некоторые сомнения.

Таковы были первые сведения.

Итак, в Архангельске в настоящее время идет пьянство... Никто, разумеется, не помышляет, что пьяное торжество может быть чем-нибудь нарушено.

Каково же будет удивление, когда через 2-3 часа начнется бомбардировка Архангельска из орудий, идущих в хвосте поезда? Архангельск только малодушно оставлен и может быть снова занят.

Так рисовались нам ближайшие события...

Резкий толчок, вызванный внезапной остановкой поезда, положил конец нашим мечтам.

Остановка среди мрака в архангельской тундре.

Что случилось? Повыскакивали из вагонов латыши, держа винтовки наизготовку... Где неприятель?

Но никого не видно, все тихо... Только у паровоза копошатся люди...

Разобраны рельсы... В нескольких шагах от поезда, у деревянного моста, зарылись глубоко в землю два сцепленных друг с другом паровозов. Один из них еще горячий.

Предательская рука направила паровозы, чтобы преградить дальнейший путь к Архангельску. Нет ни лопат, никаких инструментов в поезде для удаления с пути паровозов и исправления железнодорожного полотна.

Рассыпавшимися по лесу латышскими стрелками вблизи от полотна в кустах задержан и виновник гнусного преступления — инженер, начальник участка.

После бесплодных разговоров, как устранить ставшее поперек пути препятствие, пришлось в дальнейшем отказаться от услуг артиллерии и ограничиться одними пулеметами.

Наскоро сформировался ударный отряд из имевшихся в поезде сил, исключая архангельские части. Начальником был назначен т. Эйдук, помощником его — тов. Крутов. Санитарная часть возложена на тов. Бык. Добровольцами-рядовыми красноармейцами пошло большинство работников Ревизии и т. Ст. Попов.

Я остался в поезде с несколькими сотрудниками секретариата, также со всеми военными и прочими специалистами, знания которых едва лигодились бы в таком случайно сколоченном партизанском отряде. Кроме того, в поезде оставались части, на которые нельзя было положиться.

В 3-4 часа утра отряд выступил в поход, неся на руках тяжелые „максимы“¹.

Отряд имел задание: выбить белогвардейцев с Исакогорки, отстоявшей от места стоянки в 5-6 верстах; занять, если представится возможным, Бакарицу и Архангельск-пристань и закрепиться по левому берегу Двины. В таком случае имела бы возможность не только препятствовать наступлению англо-французов, но и угнать в тыл весь подвижной железнодорожный состав, эвакуировать ж.-д. персонал и ценное имущество. К слову сказать, последние остатки от былых богатств Архангельского порта были погружены в 25-30 вагонах на Бакарице и ожидали отправления.

Наступили мучительные часы ожидания и неизвестности. Ставилась на кон последняя карта. Сверлила мысль, не поступил ли я опрометчиво, отдав приказ во что бы то ни стало идти в Архангельск, не учтя последствий неудачи при наличии панических настроений.

Около полудня мой курьер передал записку, написанную на телеграфном бланке... Кто доставил ее в наш поезд, — так и не удалось выяснить. Содержание этой провокационной депеши указывало, что автор ее был великолепно осведомлен о составе Ревизии и, отправляя записку, рассчитывал на потрясающий эффект.

Вот содержание этого странного документа, касавшегося двух ответственных сотрудников Ревизии: Крутова, ушедшего ночью с отрядом, и Сидорова, остававшегося в поезде. Время не указано.

„Из Исакогорки. Телефограмма от Крутова Сидорову. Я нахожусь у англичан, которые захватили ст. Исакогорку. Они высадили большой десант, и я был заставлен сдаться. Они обращаются со мной хорошо и позволили мне дать вам этот ответ. Советую сдаться без сопротивления, всем сдаться, так как они — враги немцев“.

¹ Точных данных о численности отряда не имеется. Во всяком случае было не более 200 шт.

Бланк Северных жел. дор. обличал автора телефонограммы: наверное, телеграфист, один из шайки антантовских лакеев, к которым принадлежал и расстрелянный инженер.

Отсутствие каких-либо донесений из отряда и получение телефонограммы заставляли предполагать неудачу. Если в течение дня не выяснится положение, решил вернуться на ст. Тундра.

Наконец, под вечер отряд вернулся. Бессонные ночи, проведенные в непрерывном нервном напряжении, голод, физическое утомление и пережитые впечатления от первого неравного боя надорвали силы участников его.

Надо иметь в виду, что многие из них никогда не служили в строю и впервые получили боевое крещение.

Потому немудрено, что отдельные товарищи проявляли даже симптомы помешательства и начинали галлюцинировать.

При таких обстоятельствах я старался устранить в самом начале все недоразумения, которые могли бы повести к серьезным столкновениям в нашей спаянной товариществе и дисциплиной среде. О полученной телефонограмме тоже умолчал, так как Крутов вернулся с отрядом.

Донесения начальника отряда и других участников похода сводились к следующему:

С рассветом отряд вступил в Исакогорку, занял станцию, телеграф, радио. При появлении красных железнодорожные служащие разбежались. На местах остались только женщины-телеграфистки. Не встретив сопротивления, отряд двинулся дальше, причем на территории Бакарицы, еще несколько месяцев назад заваленной товарами, а теперь представляющей открытое, почти свободное от грузов пространство, был встречен целой эскадрилей гидропланов, открывших огонь из пулеметов. Наши отвечали беспорядочной стрельбой. К слову сказать, даже бронебойных патронов у нас не имелось.

После часового обстрела часть отряда вернулась на Исакогорку. Но здесь отрядники натолкнулись на такой сюрприз, который, после телеграммы Потапова и Вахрамеева о затоплении фарватера Двины, меньше всего приходилось ожидать. Очищение фарватера от затопленных и взорванных судов требовало, на худой конец, 2-3 недель, а тут, в первый же день занятия Архангельска, оказался крейсер „Атентив“, который, подойдя почти вплотную к левому берегу Двины, начал обстрел бомбами жел.-дор. полотна и станционных сооружений.

Один снаряд взорвался в самом станционном здании, где находилось несколько наших красноармейцев. Последние в ужасе выбежали из здания и, пробегаая через телеграф, были поражены хладнокровием работавшей на аппарате телеграфистки, которая громким смехом ответила на взорвавшийся снаряд.

Несмотря на ураганный огонь противника, потери были ничтожны. Несколько раненых, из них только один тяжело.

Отступая, наши приходили в бешенство, что за неимением подрывных средств, даже саперного инструмента, были вынуждены оставлять невредимыми ж.-д. сооружения, радиостанцию и пр.

Гидропланы преследовали отступавших почти до самого поезда, сбрасывая бомбы. Одна из бомб взорвалась в нескольких шагах от оврага, где скучился весь отряд.

По рассказам одних участников, отступление было вполне организованным, другим представлялось оно беспорядочным. Как бы то ни было, поход этот имел для нас громадное значение и дал неоценимые сведения о противнике.

Во время доклада начсанчасти т. Бык чуть было не разгорелся крупный инцидент. Тов. Эйдук, вмешавшись в разговор, стал обвинять т. Быка в том, что он во время боя подавал какие-то странные сигналы. Такое обвинение было, конечно, совершенно вздорным, и т. Бык самым добродушным образом реагировал на это.

Эйдук все более приходил в ярость: „Я заявляю, — размахивая своей левой рукой, угрожающе шипел он: — что если вы еще раз позволите себе делать подобные знаки, я разделаюсь с вами тут же на месте“.

Тов. Бык вместо ответа нагнулся ко мне и шепнул: „Взгляните на его глаза“. Я и без его указания видел глаза Эйдука — глаза больного, галлюцинирующего человека.

После заслушанных кратких докладов становилось ясным, что в виду малочисленности наших боевых сил необходимо сосредоточить их в одном пункте, избрать оборонительные позиции и установить связь с другими боевыми участками.

Таким естественным опорным, оборонительным пунктом являлась ст. Обозерская¹, конечный пункт тракта из Онеги и лесной тропы, ведущей из населенного района С. Двины (села Емецкое, Сийское и Селецкое). Вот почему был отдан приказ отступить именно до этой станции, сыгравшей в дальнейших событиях важную роль.

На станции Тундра была сожжена водокачка. Был ли сожжен пороховой склад, находившийся в полуверсте от станции, — не помню.

На станции Холмогорской выделили значительный отряд, которому было приказано идти в направлении ст. Исакогорка и, в случае встречи с неприятелем, задерживать продвижение его вперед. В случае отступления отряд должен был уничтожать семафоры, стрелки, мосты. Отряду была предоставлена теплушка и паровоз.

¹ 122 версты от Архангельска.

Здесь кстати упомянуть, что, выехав 4 августа поездом, отряд благополучно достиг ст. Тундра. Силы противника, состоявшие преимущественно из французских и английских частей, появились лишь 5 августа. После первой же стычки отряд поспешно погрузился в теплушки и без остановок докатил до самой Обозерской.

Случай этот послужил поводом раз и навсегда прекратить ведение военных действий „поездным порядком“. Отряд возвратился поездом на ст. Холмогорскую с распоряжением весь подвижной состав доставить обратно в Обозерскую.

3 августа, когда мы находились под Исакогоркой, была произведена реорганизация Советской ревизии во Фронтное управление, которое приняло на себя временно и руководство боевыми действиями и снабжение воинских частей. Соответствующие приказы отсутствуют, имеется только ссылка — в докладе т. Сидорова — на приказ № 256 от 3/VIII, отданный на ст. Исакогорка, о формировании артиллерийского снабжения Архангельского района из артиллерийской секции Советской ревизии.

Бои на Онежском направлении.

Решение отступить до ст. Обозерской пришлось как нельзя более кстати. Если со стороны Архангельска нам не угрожала непосредственная опасность, то за наши фланги мы не могли быть спокойны. Особенно угрожающим представлялось Онежское направление.

Силы, действовавшие там, состояли из молодых, мало обученных красноармейцев, в бою оказывались неустойчивыми и при малейшей неудаче малодушно давали тягу до конечного пункта, Обозерской.

Перед кем они бежали?

Десант, занявший Онегу и теперь усиленный онежскими белогвардейцами, победоносно развивал наступление, представлял из себя в полном смысле сброд: по описанию разведчиков, здесь были и кепки, и каски, и шлемы, и панамы. Все, что хотите. И двигались они без строя и порядка.

Но одно громадное преимущество перед нами имелось у этого „семицветного“ полка: почти все белые были вооружены ручными пулеметами. Достаточно 2-3 белым зайти в тыл нашего отряда и, взобравшись на дерево, открыть стрельбу, как среди красноармейцев, воображавших, что они окружены, возникала паника.

Так, например, 15 августа весь отряд, не выдержав боя под с. Чекуевым (оно же Чекуевское), примчался на Обозерскую (и это уже во второй раз). У страха глаза велики.

Рассказывали, что неприятель их чуть ли не по пятам преследует и вот-вот появится здесь.

Пришлось отступавших и весь незначительный резерв немедленно бросить в этом направлении и временно отказаться даже от охраны самой Обозерской. Важно было спасти артиллерию, которая осталась после бегства отряда без прикрытия на опушке леса, в десяти верстах от Обозерской.

Что же оказалось? Высланная разведка проскакала до Чекуева (свыше 50 верст) и нигде даже духом неприятельским не пахло — тишь да гладь.

Белые на позициях в американской форме.

В Чекуеве узнали, что накануне в селе состоялись торжественные похороны убитых в бою белогвардейцев („8 гробов“). Оказалось также, что „семицветный полк“ так был напуган нашими молодыми войсками, что после похорон бежал к Онеге, уродуя взрывом заложенных на тракте фугасов путь отступления.

Эти сведения сослужили большую пользу в деле поднятия боевого настроения и твердости в наших недостаточных стойких молодых частях.

Здесь будет уместно остановиться на эпизоде занятия Онеги „союзниками“.

Вот как описывал военный комиссар г. Онеги Александров захват Онеги, при опросе его 5 августа.

„Последнее время Онега была переполнена чехо-словаками, которые пробирались на Сороку, также на Кемь и, безусловно, точно информировали иностранцев о нашем положении, о нашем бессилии.

„Сегодня утром (т. е. 31 июля), в 6 часов, заметив прибывающий пароход «Михаил-Архангел Соловецкий», я экстренно вызвал из батальона красноармейцев, которых несло налицо всего 13 человек. Остальные 180 человек несли караул и посты в городе. 40 человек было командировано с арестованными чехо-словаками в Архангельск. Красноармейцы заняли пристань, расположились на палубе. На подходящем пароходе с пристани никого не было видно. Ко мне подошел один красноармеец и говорит, что за дверью верхней палубы он заметил английского солдата с винтовкой. Только он сказал это, как с «Архангела» раздался залп. Я видел с крыльца комиссариата, как несколько наших упало, а остальные бросились бежать. Началась беспорядочная стрельба. Пули попадали в здание комиссариата; оставаться дольше было опасно, и я решил скрыться.

„Когда я пробегал по Петроградскому проспекту, в меня стреляли из окон. Я направился вверх по Онеге, чтобы скорее достичь Подпорожья, куда мною был послан отряд для задержания ходивших по лесу белогвардейцев.

„Когда я достиг окраины города, затрещали пулеметы; чьи — не знаю. Прибежавший Петр Попов, член Совдепа, заявил, что это стреляют англичане. Мы вместе направились в Подпорожье, где встретили свой отряд (15 человек).

„Отряд остался в Подпорожье нести разведывательскую службу.

„Александров. Опрашивал М. Кедров“.

Разведка на Двине.

Что делается на нашем правом фланге — Северо-двинском — было неизвестно.

По непроверенным сведениям, флотилия белых дошла до устья р. Ваги. Готовился ли отпор с нашей стороны, тоже неизвестно.

Одно мы знали: в Шенкурском районе находится т. П. Виноградов, посланный туда с отрядом для подавления кулацкого восстания. Человек необычайной энергии и предприимчивости, недюжинных способностей, стальной воли. На него мы делали ставку.

Чтобы обезопасить себя с правого фланга и установить связь с советскими силами, которые должны были иметься где-нибудь в районе р. Ваги, был сформирован (5 августа) разведывательный отряд из добровольцев, приблизительно

в 30-40 человек, во главе с т. Ст. Поповым, первым вызвавшимся идти в разведку. Маршрут: лесной тропой до Селецкого; если удастся проникнуть в Емецкое и Сийское, где имелись знакомые надежные лица; выяснить силы противника, настроение населения и пр., а затем пробраться на советскую сторону и установить связь между разъединенными частями фронта.

На ближайшее время первая, самая малая задача по обороне, была более или менее выполнена: непосредственная опасность ни с фронта ни с флангов пока не угрожала.

Предстояла во много раз более трудная задача, от своевременного выполнения которой зависел успех всей кампании, — задача организации снабжения наших боевых сил.

Приказ Троцкого.

В ночь на 5 августа на ст. Обозерской получен известный приказ т. Троцкого¹, отправленный по телеграфу из Довмина² 4.VIII в 19 часов.

„Вологда и вслед Наркомвоен Кедрову, копия Казань Реввоенсовет копия Вологда Губвоенком.

„Приказ.

„Обстоятельства, при которых был временно очищен Архангельск, свидетельствуют о том, что отдельные представители местной советской власти далеко не все обнаруживают те черты, которые обязательны для каждого революционера, занимающего ответственный пост: выдержку, энергию и мужество. Снова подтверждается, что находятся советские представители, которые при первом проблеске опасности торопятся унести ноги, считая, что спасение собственного существования есть самая важная задача. Такого рода субъекты не имеют ничего общего с революцией. Это не борцы, не коммунисты, а жалкие советские карьеристы, которые временно прилипли к великому делу. Всякий представитель советской власти, который покидает свой пост в минуту военной опасности, не сделав ничего, что можно для защиты каждой пяди советской территории, есть предатель. Предательство в военное время карается смертью. Предписываю вам немедленно задержать, подвергнуть аресту всех тех советских работников г. Архангельска, которые, по имеющимся у вас строго проверенным данным, должны рассматриваться как дезертиры, для предания их суду Верховного революционного трибунала. 3/8 № 971/1709.

Наркомвоен ТРОЦКИЙ“.

¹ Приводится дословный текст сохранившейся телеграммы.

² Дом военного министерства в Петрограде.

Для объявления этого приказа, оказавшегося не по вкусу многим эвакуировавшимся из Архангельска комиссарам, Л. Д. Троцкий имел более чем достаточные основания.

Приказ сыграл огромную роль не только тем, что клеймил поспешное оставление Архангельска, но и тем, что угрозой сурового наказания заставил малодушных своевременно опомниться и пойти сражаться на фронт.

Правда, в местах получения приказа стали огульно распространять его на всех членов Архангельского губисполкома, но приказ в данном случае ни при чем.

Само собой разумеется, что приказ ни в коей мере не относился к тем членам губисполкома и другим архангельским советским работникам, которые до последней минуты продолжали борьбу против белогвардейцев. Такие лица, как тт. Павлин Виноградов, Георгий Иванов, Ревекка Пластилина со всей группой осажденных белогвардейцами в шенкурских казармах, были вне подозрения и упрёка. Да и многие другие¹.

Снабжение прежде всего.

Важнейшая задача, предстоявшая нам, заключалась в правильном снабжении армии боевыми припасами, продовольствием, обмундированием; в предупреждении при существовавших неблагоприятных условиях эпидемий и заболеваний; в устройстве сносных жилищ; в поддержке боевого духа и веры в правоту нашего дела и в конечную победу соввласти.

Проведение в жизнь перечисленных задач требовало дальнейшей реорганизации аппарата Советской ревизии, начатой еще 3 августа под Исакогоркой и дальнейшего дробиения ее сил.

Командиром Архангельского района, со штабом в Обозерской (затем в Плесецкой), был назначен завед. следственной секцией т. Ленговский, начальником его штаба — Проценко,

¹ Товарищу Метелеву (см. сборн. 3 Арх. отд. Испарта, стр. 80 — 82) не нравится приказ Троцкого, который, по его предположению, явился следствием недостаточно объективной информации. Подтверждение правильности своего мнения он видит в том, что никаких арестов не было произведено.

Какая давалась информация, см. приведенные выше телеграммы Зенковича, Вахрамеева, Потапова и Бутенко. Что же касается арестов, то в таких не было нужды, так как громадное большинство членов губисполкома вернулось на передовые позиции и сражалось там (в том числе и член Архангельского исполкома Андр. Попов).

К сожалению, нельзя того же сказать о делегации из 3 (!) ответственных работников (в том числе и Метелева), выехавших для доклада в Вологду. Никаких следов об их докладе и информации о положении дел на С. Двине в архиве не сохранилось. И немудрено, так как ни в организации первых отрядов и ни в каких боях „делегация“ эта участия не принимала.

начсанчасти района т. Бык, начальником интендантского снабжения т. Калашников, артиллерийского — т. Сидоров, начальником ближайшего тыла — район Плесецкой—Няндомы — т. Крутов, начальником его штаба — Сучков.

Что сделано в течение 2-3 суток пребывания на ст. Обозерской, — можно судить по некоторым сохранившимся в архиве Ревизии докладам и приказам.

Вопрос с продовольствием обстоял весьма остро. „На всей жел.-дорожной линии Вологда — Обозерская, за исключением вагона масла, 2 вагонов соли и 2 вагонов сельдей, ничего не оказалось“¹. Хлебных запасов оставалось в общем не более чем на 2-3 дня. По поводу затребованных из Вологды 10 тыс. банок консервов возникла бюрократическая переписка. С одной стороны, т. Геккер просил разрешения взять на довольствие войск сто тысяч банок консервов, с другой — от губвоенкома Медведева ноступила незадолго перед тем следующая телеграмма:

„Главкомандующему Кедрову. Ст. Обозерская. Из Вологды, принята 3 августа. Ваше приказание о посылке 10 000 консервов полностью не может (быть) исполнено, ибо консервов такового количества нет, имеется некоторое количество так называемых обезьянных консервов (в)распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии. Эти консервы были (в)распоряжении того француза, который вам докладывал. Прошу вашего распоряжения посылке этих консервов. № 509. Воен. ком. губ. Медведев“.

Как оказалось впоследствии, задержка в высылке консервов объяснялась тем, что на вологодском жел.-дор. продпункте, где орудовали эсэры, запасы консервов в 120 тысяч банок были сокрыты от учета и, видимо, предназначались не для советских потребностей. Даже после обнаружения запасов администрация продпункта стремилась затормозить выдачу их, требуя на отпуск разрешения единственно полномочного лица — т. Ленина.

Разумеется, утруждать Владимира Ильича подобными делами не приходилось: консервы были взяты и переданы для нужд фронта.

За отсутствием необходимых продуктов для довольствия войск, жел.-дор. служащих и окрестных жителей пришлось прибегать к реквизиции, которая противодействия в населении не встречала.

Был организован подвижной продовольственный магазин, в Шалакуше пущена мельница для помола зерна (реквизированного овса и пшеницы). Организовано также хлебопечение в 3 хлебопекарнях, причем хлеб выпекался из 60% пшеницы и 40% овса.

¹ Доклад Калашникова от 7 августа.

С боевым снабжением дело обстояло не лучше. „При всей готовности отдельных складов Сухоны и Котласа помочь быстрой доставке боевого снаряжения, доставляемого ими снаряжения было не вполне достаточно... Между прочим, своевременно был использован военный груз, адресованный для каргопольского военного комиссариата: 600 винтовок и 50 тыс. патронов... Центр долго не давал ничего...“¹, да и в дальнейшем выполнял наряды небрежно. Помню, был такой случай, что прибывшие на фронт орудия и снаряды оказались разных калибров. Выше мы видели, насколько велика была нужда в подрывных средствах и подрывниках. Соответствующие запросы в центр оказались безрезультатными, надо было выкручиваться из положения „домашними средствами“.

Как раз 5 августа было получено с Архангельского направления донесение, что отряд, действовавший у Холмогорской, под натиском превосходных сил противника отступил и занял позиции по р. Ваймуге, в 10 верстах от Обозерской. Идет перестрелка.

Необходимо было во что бы то ни стало разрушить мост. На наше счастье мост был деревянный.

Секретарь ревизии т. Фраучи (Артузов), инженер по образованию, добровольно принял на себя функции подрывника. С несколькими латышскими стрелками из команды, глухой ночью, на платформе, толкаемой паровозом, подъехал к мосту и, вылив на мост несколько бидонов керосина, поджиг мостом противника поджег мост. Удалился лишь после того, как обуглившийся мост рухнул в реку.

Немалую работу провела также санитарная часть района, возглавлявшаяся т. Бык.

Из приказов от 6 и 7 августа видно, что немедленно с открытием фронта был организован эвакуационный пункт (ст. Плесецкая), приемно-перевязочный пункт (ст. Обозерская). По станциям были открыты бани; пропускная способность их была настолько мала, что приходилось устанавливать особую очередь пользования для сотрудников Ревизии и штаба командрайона. Немедленно были приняты меры против распространения эпидемических заболеваний, в частности холеры, единичные подозрительные случаи которой уже имели место в районе военных действий.

Пришлось обращать внимание даже на такие мелочи, как стирка белья; характерен пункт второй объявления, подписанного „доктором Бык“: „Желающие сдают белье с собственными отметками на нем уполномоченной артилепрачек Анне Кочен, которая ежедневно будет являться в штаб“.

¹ „Краткие сведения по делу снабжения“ С. Сидорова от 12/IX.

Что касается до военно-санитарного имущества, то оно имелось у нас в громадном количестве, вполне достаточном для всех фронтов. Сохранилась телеграмма Л. Д. Троцкого по этому вопросу:

„Нарком Кедрову Обозерская, исправление последует. На территории Беломорского округа разбросано в большом количестве санитарное имущество, имевшееся на учете различных организаций, как-то: Чкорапа, Губсовнархоза, Медсанотдела, Губисполкома. По резолюции вашей Беломорскому санокру предоставляется одна двадцатая часть всего имущества. В виду больших заданий по формированию прошу о передаче всего имущества организациями, взявшими таковое на учет, военносанитарному ведомству. 8 августа 1918 г. № 2190/0 1200 Наркомвоен Л. Троцкий“¹.

Воззвания белоэсэров и англичан.

Наряду с организацией снабжения имелись и другие неотложные задачи: в первую очередь — установить теснейший контакт с окружающим нас населением...

Тем временем белые делали свое кайново дело. Одной из первых их мер было широкое оповещение о падении советской власти в Архангельске.

Приводим копию первого приказа, попавшего и в наш штаб.

„Емецкое, Сийское, Холмогорское, Семеновское, по всем пристаням из Архангельска.

„Большевистская власть в Архангельске перешла в руки Верховного управления Северной области, составленного из представителей земств, городов, членов Учредительного собрания Северной области.

„От имени новой власти приказываю немедленно принять все меры к задержанию всех пароходов и грузов, эвакуированных большевиками из Архангельска по рекам. Все задержанные грузы впредь до особого приказа собирать в одно место и держать при них надежную охрану; о результатах немедленно сообщать по телеграфу. Расхищение народного достояния будет преследоваться самыми суровыми мерами. Командующий вооруженными силами Верховного управления Северной области капитан 2-го ранга Чаплин. Временно управляющий военным отделом Верховного управления Сергей Маслов. С подлинным верно. Волкомиссар В. Русинов“.

¹ Насколько много было санимущества, можно судить по тому что несколько месяцев спустя одним Северным фронтовым управлением (Ярославль) было развернуто до 100 тыс лаз. коек; количество вполне достаточное для обслуживания 4-миллионной армии.

Особенно интересны первые воззвания „благотетелей“ русского народа, которые не скупилась на прекрасные слова и щедрые обещания.

Напр., сохранившееся у нас „Обращение британского правительства к русскому народу“ не потеряло красоты и значения до настоящего времени и показывает, какую ничтожную цену имеют обещания британского правительства.

Предоставим слово самому документу.

„Ваши союзники не забыли вас. Они помнят все ваши заслуги, которые оказали им ваши геройские армии в первые годы войны. Мы пришли к вам на помощь как друзья, помочь вам спастись от развала и разрушения в руках Германии, которая старается поработить вас, использовать громадные богатства вашей страны для своей пользы.

„Мы торжественно заявляем вам, что наши войска вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну пядь русской земли, а для того, чтобы помочь вам в ваших усилиях противодействовать Германии. Мы оплакиваем гражданскую войну, которая разделяет вас, и внутренние несогласия, которые облегчают проведение германских завоевательских планов, но мы не имеем намерения навязать вам какое-либо политическое устройство.

„Судьбы России в руках русского народа, и только он определит свою форму правления и найдет решение социальных проблем русского государства. Ваши настоящие интересы, как независимой нации, есть поддержание свобод, которые вы завоевали революцией, которым угрожает железная рука Германии, затягивающей петлю вокруг знамени свободы и независимости.

„Мы все еще ваши союзники, и мы встали рядом с вами на защиту этих великих задач, без которых не может быть окончательного мира и настоящей свободы всех народов.

„Русские люди! Мы хотим не только прекратить вступление немцев на русскую землю, но и принести экономическую помощь вашей разоренной и страдающей стране. Мы послали уже припасы в Россию, еще большие количества идут вслед. Наше желание — помочь развитию промышленности и естественных богатств вашей страны, а не эксплуатировать их в нашу пользу. Мы хотим восстановить обмен товаров, поднять земледелие и содействовать вам занять достойное вас место среди свободных народов мира.

„Русские люди, присоединяйтесь к нам для защиты ваших свобод, ибо единственное наше желание — видеть Россию сильной и свободной и охранить труд русского народа, направленный на создание своего будущего, сообразно свободно выраженному желанию всего народа“¹.

¹ Напечатано в г. Архангельске в тип. тов. печат., пер. и изд. дела. См. также Мурманское воззвание, прил. № 9.

В ближайшем тылу.

Посланный 4 августа в качестве начальника (командующего) тыловой обороной района от ст. Плесецкой до ст. Няндомы, т. Крутов, получил задание установить контакт с населением и изучить совершенно незнакомую нам местность, где, помимо больших дорог и рек, нанесенных на военные карты, имелось множество речек и лесных тропинок, дававших противнику возможность, пользуясь услугами кулацких элементов, зайти к нам в глубокий тыл.

Во исполнение задания со станции Плесецкой была установлена телеграфная связь с селениями, лежащими на запад от железной дороги, с Архангельским погостом, Коневым, Федовским, откуда были вызваны председатели совдепов на совещание.

Дальше приводим подробные выдержки из сохранившегося доклада об этом совещании с несущественными редакционными исправлениями.

„При первом же разговоре с ними (т. е. председателями совдепов) выяснилось, что совдепы эти не только не принимали никаких мер к встрече надвигающегося противника и предупреждению белогвардейского восстания, но даже не подозревали о взятии англо-французами Архангельска и Онеги, так как никто их о том не информировал. Было дано указание всем совдепам немедленно приступить к организации отрядов против англо-французов и белогвардейцев, препятствуя их продвижению на лодках по Онеге, по тракту, по дорогам и тропинкам, а также организовать свою местную разведку, сообщая в штаб о всяком появлении неприятельских сил. Все указанное начальник штаба¹ просил передать всем соседним совдепам, прося их, в свою очередь, передавать далее.

„В то же время разъезды, посланные командующим по правую и левую сторону железной дороги, по путям, наиболее угрожаемым противником, получили задание информировать местное население и вызывать в штаб на ст. Плесецкую представителей местных совдепов.

„Ясная для всех острота момента, сознательность местного пролетариата (?) и энергичный толчок, данный штабом, сделали то, что менее чем через сутки, с мест уже стали поступать донесения об организации местными совдепами отрядов, дозоров и караулов.

„К утру 7-го выяснилось, что Каргопольский исполком выслал разведку на границу Онежского уезда по течению р. Онеги и по тракту до деревень Янкина и Оксова,

¹ Начальник штаба тыл. обороны Н. Сучков.

оповестив все местные и окружные совдепы о необходимости принять меры к организации отрядов. Оружия было затребовано на 1000 человек.

„Богдановский совдеп устроил общее собрание граждан волости, на котором присутствовало более 500 человек; собрание постановило организовать в волости добровольческий партизанский отряд, вступив в тесную связь с Плесецкой, Наволоцкой и Боярской волостями, реквизировать временно у граждан волости велосипеды для организации разъездов и установить во всех селениях строгие вооруженные дозоры. Эти волости потребовали 250 винтовок, 20 револьверов и 2 пулемета, имея у себя фронтовиков-пулеметчиков.

„Новокрасновская волость на общем собрании постановила — укрывать при появлении противника хлебные запасы; доносить о всяком появлении противника, для чего, в виду отсутствия телеграфа и телефона, иметь при исполкоме ординарца, послать другого ординарца для связи в исполком Богдановской волости, сформировать в каждой деревне патрули; оружия потребовать 75 винтовок.

„Боярский совдеп установил по всем селениям караулы, выслал разведку на границу Архангельской губернии, установил тесную связь с Наволоцкой и Богдановской волостями и командировал нарочного в Пудож для получения от уездного совдепа руководящих указаний.

„Даниловский и Наволоцкий волостные совдепы прислали своих представителей в Плесецкую и приступили к выяснению наличного количества винтовок в волостях.

„Савинский совдеп образовал партизанский отряд в 26 человек и выставил дозоры на реках Емце и Онеге.

„Совдеп Петровской волости предпринял разведку в сторону Авдинской и Селецкого.

„Совдеп Церковнической волости выставил цепь дозоров от всех деревень по направлению к Шенкурску. Имелось также донесение из Церковнической волости, что в Селецкой волости, обсудив положение, выслали велосипедную разведку в сторону Сийска, причем противник не был обнаружен“.

Из доклада можно видеть, что отношение крестьянских масс к советской власти здесь резко отличалось от того индифферентного, а порой и враждебного, отношения, какое еще так недавно, в связи с объявленной мобилизацией, существовало в уездах Архангельской губернии.

Послужила ли переломным моментом в настроении населения происшедшая интервенция или крестьянство этого глухого района (Каргопольский и Пудожский уезды, отдаленные волости Онежского и др.), с преобладанием

маломощных хозяйств, всегда поддерживали пролетарскую власть, — трудно сказать.

Во всяком случае, описанные явления свидетельствовали о революционном пробуждении крестьянства, и его следовало поддержать.

По мере сил такая поддержка и оказывалась. Только в деле снабжения оружием проявили сугубую осторожность. Несмотря на массовые требования, никаких винтовок по деревням не раздавалось.

Сформированные в волостях партизанские отряды получали вооружение лишь при условии, что они поступали на учет и в распоряжение штаба.

В целях наиболее широкого оповещения населения об архангельском перевороте и о гнусных планах „союзников“, 6/VIII выпущено обращение к населению Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний с призывом помогать борьбе против иноземных насильников.

„Настал решительный час, — говорится в воззвании. — С оружием в руках идите в наши ряды, образуйте партизанские дружины, связывайтесь между собой и с Красной армией.

„Ловите и уничтожайте шпионов.

„Преграждайте всякими способами путь врагу...

„Пусть пожаром будет объято все то, к чему он будет ротягивать руки.

„Пусть тысячи глаз следят за каждым его движением.

„Пусть на каждом шагу ждет его засада и смерть.

„Пусть все мужчины и женщины превратятся в беспощадных мстителей, истребляющих огнем и мечом своих угнетателей.

„Беспощадная смерть им!“¹.

Гидропланы над Обозерской.

Их было два... Они летели над лесом, быстро приближаясь к нам... Сколько смутения и ужаса принесли они при первом появлении в Архангельске.

Все оставляли вагоны и рассыпались по железнодорожным путям и широкой просеке с длинными рядами сложенных по ней дров.

Группа пулеметчиков, взобравшись на одну из поленниц, приспособляла пулемет для использования в качестве зенитного орудия.

¹ См. приложение № 10.

Я стоял за поленницей рядом со специалистом военной секции б. генер. Майделем¹, когда гидропланы, сильно снизившись, начали обстрел станции. Слышно было, как пули вокруг нас, ударяясь в поленья, издавали странный шипящий звук.

„Разрывными пулями стреляют, — оттого и такое шипение“, — пояснил мой сосед.

В ответ с разных сторон раздалась беспорядочная стрельба красноармейцев.

„Без толку стреляют, — заметил Майдель, — только понапрасну изводят патроны“.

Грешным делом, и я из своего маузера собирался подбить аэроплан.

Но вот в тот момент, как один из аппаратов находился в наиболее близком и удобном для обстрела положении, затекал наш пулемет.

Сразу настроение поднялось, — как-никак даем отпор.

Резко запечатлелся в памяти один момент: гидроплан, пролетая под пулеметным огнем, внезапно застыл, остановился, один миг, и он, круто завернув, полетел обратно, резко снижаясь в лесу, за линией фронта... Видимо, удачны были попадания товарищей пулеметчиков.

Другой гидроплан полетел, держа курс вдоль железнодорожного пути.

В вагоне курьер т. Саваляйнен тщательно подсчитывал дырки, проделанные неприятельским пулеметом.

На следующий день, перед самым отъездом на Плесецкую, нам сделали визит другие гидропланы — бомбовозы, которые попытались взорвать небольшой железнодорожный мост, находившийся в нашем тылу, вблизи Обозерской.

Места взрыва сброшенных с аппаратов бомб находились в таком почтенном расстоянии от моста, что наглядно представилась исключительная трудность подобной ватей.

От налетов гидропланов потерь убитыми и ранеными у нас не было... Оказался только один пропавший без вести. То был помощник секретаря Ревизии Адик².

Он постыдно сбежал, послав с дороги слезное письмо, что шел на гражданскую службу, а попал на военную.

Об этой, с позволения сказать, пропаже была сделана соответствующая публикация.

¹ Вскоре после образования самостоятельной Эстонской республики Майдель возбудил ходатайство о разрешении ему, как эстонцу, выехать на родину, что и было ему разрешено.

² Другой дезертир, еще ранее скрывшийся со ст. Обозерской, был б. комиссар Архангельской дивизии и член Совета обороны Архангельского района — Бутенко.

Еще о падении Архангельска и о роли военспецов.

5 или 6 августа доплелся до Обозерской после долгих странствований по глухой тундре, оборванный и весь израненный, товарищ Матвеев, комиссар при начальнике морских сил, б. адм. Викорсте.

По его словам, на него была возложена задача взорвать затопленные в фарватере устья Двины суда. Необходимый для взрыва пироксилин и запалы он получил от главного инспектора по взрывчатым веществам Костевича, причем запалы были заведомо негодные. Несколько раз он с опасностью для жизни пробовал произвести подрыв, но безуспешно.

На обратном пути катер, на котором он ехал, был обстрелян у Судоремонтного завода.

Он бросился в воду и около суток просидел по горло в воде в близлежащих камышах.

Затопление судов было произведено путем открытия кингстонов. Одно затопление без последующего подрыва никакого значения не имеет, так как стоит после того при помощи водолазов закрыть кингстоны и выкачать воду, чтобы судно, как пробка, поднялось на поверхность.

Матвеев убежден, что Костевич — предатель, и благодаря его предательству несколько товарищей, вместе с ним выполнившие задание, заплатились жизнью.

Что большинство морских специалистов во главе с Викорстом предавало советскую власть, — этого можно было ожидать и раньше. То была шантрапа, кичившаяся принадлежностью к высшей аристократии и грезившая царем. Но Костевич — специалист-труженик, который в течение нескольких месяцев работал не покладая рук, который блестяще выполнил задачу эвакуации огнеприпасов, послуживших фондом для ведения всей дальнейшей гражданской войны, которого правительство трудящихся ценило, выделяло, награждало... Мог ли он совершить предательство? Этому не хотелось верить...

Но... В дополнение к рассказу т. Матвеева, в одной из первых белогвардейских газет, попавших к нам, было помещено на видном месте объявление Костевича: вместо того, чтобы взорвать оставшиеся склады со взрывчатыми веществами, он предлагает населению Архангельска оставаться совершенно спокойными, так как им, капитаном Костевичем, приняты вполне достаточные меры к предупреждению взрывов¹.

¹ Тов. Стрелков сообщил, что Костевич в последние недели до занятия Архангельска допустил к охране складов б. офицеров, что являлось прямым нарушением приказа Сов. ревизии.

В награду за свое предательство Костевич получил заграничную командировку, о чем говорится в одном из белогвардейских приказов.

Роль другого видного военспеца, командующего обороной Потапова, оставалась до последнего времени далеко не выясненной. Уже после освобождения Архангельска находилось не мало лиц, которые старались реабилитировать Потапова и представить его невинной жертвой случайного стечения обстоятельств. Так, начальник штаба обороны гр. Конюх уверял, что Потапов до конца остался верен советской власти, что при белых он был арестован и долгие месяцы томился в тюрьме, затем был сослан в один из глухих уездов губернии, где погиб от сыпного тифа. Но никто не видел Потапова в тюрьме, не находилось также свидетелей его ссылки и смерти. Напротив того, на военном суде, устроенном белыми в 1919 году над т. Поскакухиным, последний видел Потапова, выступавшего свидетелем в изящном английском одеянии с полковничьими погонами на плечах.

Не следует ли после того отнести и сообщение о „ссылке и смерти“ к области фантазии.

Другой сотрудник Потапова по Финляндии, Ленинграду и Архангельску, Осадший, которого ни в коем случае нельзя упрекнуть в желании скомпрометировать Потапова своим рассказом, рассеивает последние сомнения о роли и личности своего бывшего начальника.

Но и помимо того рассказ заслуживает внимания, так как значительно дополняет приведенные выше официальные донесения о разгроме Мудьюга и о последующих событиях.

Тов. Осадший, состоявший в то время начальником обороны Мудьюга, так описывает занятие острова англо-французами:

„1 августа, рано утром, меня разбудили и доложили, что к Мудьюгу подходит эскадра...“

„Жил я в одной из казарм в центральной части острова.“

„Выйдя, я заметил крейсер — то был или «Кокрэн» или «Аттентив», — а за ним приблизительно в 2 милях гидропланную матку. Крейсер подошел довольно близко к берегу и на «языке флагов» предложил нам, бунтовщикам, сложить оружие и сдаться, — в таком случае мы сможем рассчитывать на милость.“

„Ответ наш был краток. Послали его к чортовой матери.“

„Тогда крейсер начал отходить, взяв курс на север, и дал первый орудийный выстрел...“

„Одновременно с матки поднялся гидроплан и сбросил над батареей пачку прокламаций, подписанных генералом Пулем, и в придачу несколько бомб.“

„Наши батареи, под командой военмора т. Попова и т. Петренко¹, начали обстрел из всех 8 орудий, но, по мере того, как крейсер удалялся к северу, 6 орудий из 8 становились непригодными, так как приходились в затылок друг к другу.

„Одна из шрапнелей, взорвавшаяся у самой батареи, убила и ранила несколько человек.

„От гидропланной бомбы загорелся пороховой погреб.

„В это время я заметил, что многочисленные катера с десантом были спущены с крейсера и направились к северной оконечности острова.

„Дальнейшая оборона была беспцельна. Часть войсковых частей² и трудовая артель, занятая на оборонительных работах и состоявшая из мобилизованных буржуев³, отступили вглубь острова, на восток и, перейдя вброд залив, вышли на материк.

„Осадший с оставшимися силами, — после того как с орудий были сняты замки и брошены тут же в воду, — перешел ко второй пристани, на южную оконечность острова, где начинались минные поля.

„Пароход «Обь», — рассказывает далее Осадший, — на наших глазах поспешно уходил в направлении Архангельска.

„Метеорологическая станция запросила нас, приступить ли ей к эвакуации. Я отдал ей приказ — остаться на месте, так как она имеет научное значение, а эвакуация связана с разрушением ценных приборов.

„Что касается минных заграждений, то они еще не были окончательно готовы, да и вообще могли действовать только под прикрытием батарей.

„На наше счастье, к нам подошел какой-то буксир (названия не помню), на который мы и погрузились.

„Путешествие наше к Архангельску оказалось неприятным. Неприятельский гидроплан пустился преследовать нас...

„Описав широкий круг, он, заметно снижаясь, шел нам навстречу и поровнявшись сбросил первую бомбу, взорвавшуюся перед самым носом судна...

„Лавируя по извилистому фарватеру Двины, мы заметили, что гидроплан снова идет на нас. Сблизившись с ним, мы круто изменили курс, избежав этим катастрофы...

¹ 190-пудовая батарея стройки 1877 г. и 6-дюймовая батарея, под командой военмора т. Петренко. Батарея № 3 из двух пушек Канэ еще не была установлена на лафеты.

² Всего имелось на острове две роты — 80 чел. (Осадший).

³ Первоначально была отправлена для работ партия маймаксанских рабочих, которая, однако, скоро была снята из-за убийственных условий жизни на острове. Особенно невыносимы были тучи комаров и мошкар.

„Четыре раза повторялся описанный маневр. Трудно сказать, чем кончилось бы преследование гидроплана, если бы шедшие к нам навстречу «Микула» и «Святогор» не отогнали несколькими шрапнелями воздушного пирата.

„Мы сошлись с ледоколами в тот самый момент, когда на одном из них произошел несчастный случай¹.

„Узнав, что они приготовились уже к затоплению, я был крайне удивлен и запросил, почему они избрали такое широкое место и находятся, повидимому, вне фарватера.

„Получен ответ: в точности исполняется приказ командующего.

„На Экономии, где мы были около 2 часов дня, я задержался... Здесь царило необычное оживление... Шел митинг рабочих... Большинство заявляло, что остается на месте и никуда эвакуироваться не собирается...

„Склады с оставшимися невывезенными взрывеществами в новой Экономии, обычно сугубо охраняемые, были брошены на произвол судьбы.

„Здесь подошел ко мне пиротехник Костевич и убеждал не взрывать складов, так как взрыв их грозил ужасными последствиями для окружающего рабочего населения.

„По его подсчету, количество взрывеществ и снарядов (румынских), в переводе на черный порох, равнялось приблизительно 500 тыс. пудов.

„Несмотря на то, что я имел приказ Потапова взорвать склады, я не считал возможным его выполнить. Ограничился только тем, что в моем присутствии были сняты с 8-дюймовых тяжелых орудий замки, которые затем были выброшены в Двину.

„В 9 часов вечера я прибыл в Архангельск. В штабе обороны сделал Потапову подробный доклад, причем указал, что если он настаивает на уничтожении складов, то и сейчас не поздно это сделать. Но Потапов не настаивал.

„В дальнейшем разговоре Потапов сообщил, что намерен перебросить главные силы на левый берег. Арьергардом, прикрывающим отступление, будет являться отряд Берса².

„При мне прошел в соседнюю комнату представительный мужчина под конвоем ингушей.

„ — «Это — бельгийский консул», — заметил Берс, обращаясь к Потапову. — «Теперь все консулы уже арестованы и находятся здесь под стражей».

„Потапов приказал мне ехать на Архангельск-пристань, разрешив взять с собой жену, и сказал, что и он будет там

¹ Нечаянный выстрел из бокового орудия, которым было убито и контужено 8 человек.

² На более надежную часть возложить это ответственное задание Потапов, видимо, не хотел.

к 3-4 часам утра. Для переезда мне предоставили даже штабной автомобиль.

„На Архангельск-пристань я услышал от кого-то, что после моего отъезда Потапов пошел, по приглашению Берса, к нему на ужин.

„Я устроился на ночлег на каком-то пароходе, с которого шла выгрузка муки.

„Проснувшись на рассвете и узнав от сослуживцев, что Потапов не приезжал, я, по просьбе их, снова переправился в город. Со стороны управления Целедфлота раздавались одиночные выстрелы. У штаба обороны ингуш, несший караул, не пустил меня в помещение. В ближайшем к штабу переулке увидел Берса. Спросил его, где находится Потапов. Берс нагло ответил, что Потапова больше уже нет, он арестован, Советская власть низложена и образовано новое правительство в составе консулов. Сзади Берса я заметил Мелио (нач. штаба арх. дивизии).

„Видя, что у меня в руке незакуренная папироса, Берс вынул спички и любезно дал мне огня. Так же любезно объявил меня арестованным. Помню, прискакавший конный ординарец, рапортуя Берсу, именовал его «господин полковник». Я не принял всерьез слов Берса и потому заметил, что пусть будет так, но я отчаянно голоден и просил дать возможность перекусить в ближайшей чайной. Мелио, который оказался тоже арестованным, поддержал мою просьбу.

„Берс не заставил себя долго просить.

„— «Можете идти хоть на все четыре стороны». — И мы помчались.

„На вопрос Мелио, что я намерен делать, я ответил, что попытаюсь перебраться на левый берег. С своей стороны Мелио не выразил ни малейшего желания покидать Архангельск.

„Забегал в Троицкие номера, предупредил командира автороты (фамилию его я забыл) и предложил ему поехать вместе, но тот отказался, так как у него в Архангельске собственный автомобиль, бросать который он не намерен.

„Переезжал я на пароходе «Яков», на котором встретил начальника авточасти Можая с женой.

Таков рассказ Осадшего.

Прибывшие на Архангельск-пристань Осадший и Можая были арестованы.

На допросе, в вагоне Вахрамеева, в присутствии нескольких латышей, Осадший передал, что в Архангельске перелом и что Потапов арестован Берсом; при этом он высказал удивление, почему к поездам не поданы паровозы; во всяком случае надлежит эвакуироваться (!) скорее, иначе легко попасть впросак.

Сообщение „последних новостей“ Осадшим, несомненно, дало толчок к возникновению в рядах войск панических настроений.

Весть о падении соввласти в городе, о новом правительстве и измене военспецов передавалась из уст в уста...

Правда, Осадший представлял дело так, что Потапов явился жертвой своего „доверия“ к Берсу, но карты были уже раскрыты.

По сию сторону барикады находились брошенные без руководства „800 штыков“¹, по другую сторону — военспецы, с Потаповым и Викорстом во главе.

Когда вскоре после того появился гидроплан и начал обстрел Архангельска-пристань, в эшелонах царило уже полное замешательство.

Несколько товарищей, тщетно пытавшихся найти какие-нибудь пловучие средства, чтобы переехать в город и проверить сведения Осадшего, не могли найти ни катера ни лодки.

Шныряя по берегу, заметили, что поезд двинулся. Бросились вдогонку и на ходу вскочили в вагон.

Только в Исакогорке удалось задержать поезд. Паровозы были отцеплены и ушли в депо.

В целях прекращения продолжавшейся бузы среди латышей, не веривших в прибытие через несколько часов поезда Кедрова, Ст. Попову удалось связаться с поездом Ревизии. Вызвав управделами Эйдука, он попросил его для вящей убедительности дать на латышском языке телефонограмму о скором приезде и приказ держаться в Исакогорке. После соответствующей телефонограммы страхи на некоторое время рассеялись.

Тов. Попов, уверенный в том, что для новой панической вспышки нет больше оснований и что даже в случае появления таковой, за неимением паровозов невозможно будет отправить поезда, ушел в вагон и, обессиленный бессонными ночами, уснул.

Проснулся на какой-то станции². Сколько времени спал, — определить не мог.

За это время, как известно, оба эшелона, раздобыв паровозы, самовольно отправили поезда без машинистов и жезлов.

В целях установления истинной роли военных спецов — руководителей обороны Архангельска, нелишне еще раз подчеркнуть наиболее характерные моменты их работы:

1) Батареи Мудьюга оказались бутофорскими и первыми орудийными выстрелами были уничтожены.

¹ Их было не более 250-300 шт. (по сведениям Ст. Попова).

² Ст. Тундра.

2) В еще большей мере бутафорскими оказались минные заграждения при входе в устье Двины.

3) Вооруженные артиллерией ледоколы „Микула“ и „Святогор“ — единственные суда, которые могли оказать противнику некоторое сопротивление, — затоплены, между тем как для этой цели имелись другие суда, в том числе английский пароход Эгба.

4) Затопление произведено неудачно, в неподходящем месте, вне фарватера.

5) Отпущенный для взрыва судов подрывной материал оказался негодным, и взрыва не получилось.

6) Склады огнеприпасов на Экономии уничтожены не были.

7) Главные боевые военные силы были брошены на левый берег без руководителей.

8) Штаб командующего обороной выдвинут впереди боевой линии.

9) В качестве арьергарда назначен заведомо ненадежный отряд Берса.

10) Фонд обороны (несколько миллионов рублей) оставлен в Архангельске.

11) Тральщики, посланные 1 августа в мелководные заливы, официально для отражения высадки десанта, как выяснилось впоследствии (сообщение т. Поскакухина) получили секретное задание содействовать вхождению неприятельских судов в Двину.

Все перечисленные обстоятельства ни в коем случае не могут быть объяснены неопытностью или глупостью военспецов; они свидетельствуют о несомненной измене лиц, на которых была возложена техническая сторона обороны.

Несомненно, вся омерзительно-гнусная история сдачи англо-французам Архангельска была разыграна по заранее разработанной программе.

Арест Потаповым консулов, если он и имел место, произошел по взаимному соглашению арестующего с арестуемыми.

Арест Потапова Берсом после того, что изложено выше, равно носил водевильный характер.

Можно с уверенностью сказать, что высшее командование находилось на службе у иностранных консульств и в точности выполняло данные ему директивы:

1) ускорить англо-французам вступление в Архангельск (минные заграждения, затопление судов, тральщики);

2) сдать город англо-французам с наименьшими жертвами; отсюда: разрешение всем судам беспрепятственно покинуть Архангельск, переброска войск через Двину и т. п.;

3) воздержаться от тех мер, которые могли бы восстановить население против интервентов: расстрелы, взрывы складов, погромы и пр.

В заключение необходимо упомянуть, что, несмотря на все „ценные“ услуги, оказанные интервентам, командующие Викорст, Потапов и прочая предательская компания остались за бортом, в роли почетных чистильщиков сапог господ английских офицеров¹.

2 августа фактическая власть в Архангельске перешла к англичанам.

Для Европы и Америки была заказана специальная вывеска: „Верховное управление Северной области“, благо нашлись дурачки, которые всерьез приняли английскую кукольную комедию.

На самую ответственную должность — командующего вооруженными силами — был назначен русский „англичанин“ мистер Томсон-Чаплин. Д. Фрэнсис, б. американский посол, написавший книжку о России², указывает, что Чаплин состоял в штабе ген. Пуля.

Для характеристики „революционной“ деятельности „верховного правительства“ перечислим несколько приказов из первого, медового, месяца его существования:

О введении в действие царского свода законов (устава о наказаниях, уст. уг. судопр. и пр.) (18 сентября 1918 г.).

Введение особых военных судов и смертной казни (30 августа 1918).

О возвращении прежним владельцам судов и прочего имущества, национализированного на основании декрета от 28 января 1918 г. (2 сентября).

Объявление официальным флагом Северной области для военных судов — андреевского, для торговых судов — трехцветного национального флага (14 августа 1918 г.).

Отмена всех изданных советской властью декретов, касающихся различных видов социального страхования рабочих (прик. № 72 от 13 сентября 1918 г.).

„Рабочий контроль, дезорганизовавший русскую промышленность и принеший неисчислимы бедствия рабочему классу, отменяется немедленно“ (13 августа 1918 г.). „Свобода“ совести, слова, печати, собраний и союзов восстанавливаются (8 августа). О полном восстановлении „свобод“ свидетельствуют могилы Мудьюги, Иоканги³, Мхов⁴.

Несмотря на свою плодотворную деятельность... для английского командования, последнее без всякого труда

¹ Дополнит. сведения о Потапове см. в приложении 11.

² David K. Francis, Russia from the American Embassy, New-York, 1922 (Цитир. по „Летописи революции“, кн. I, 1923 г.).

³ Каторжная тюрьма, устроенная интервентами на побережье Ледовитого океана, за полярным кругом.

⁴ Мхи — пригородная местность в Архангельске, где производились боями расстрелы.

когда ему это потребовалось, сняло революционную вывеску и отправило „восстановителей свобод“ на Соловецкий остров.

Вот в каких выражениях сэр Фрэнсис в своей книге излагает историю свержения Северного правительства кучкой бывших русских офицеров во главе с Чаплиным:

„Утром 5 сентября я встретил только что прибывшие 3 батальона американских солдат... Я только что кончил смотреть, когда ген. Пуль, вместе со мной принимавший рапорт, повернулся ко мне и сказал: «Здесь в эту ночь произошла революция». Я воскликнул: «Что за чорт, кто ее совершил?». Он ответил: «Чаплин».

Фрэнсис уговорил Пуля отправиться вместе с ним к Чаплину. Последний поднялся с места и воскликнул: „Я выгнал отсюда большевиков, я посадил это правительство. Министры мешали ген. Пулю и стесняли полковника Донопа (франц. маршала). Я не вижу вообще тут надобности в правительстве“.

На Плесецкой.

С организацией штаба и снабжения Архангельского района, нахождение всего аппарата Ревизии на ст. Обозерской стало излишним.

Было решено штаб тыла передвинуть в Няндому, а самим выехать на Плесецкую.

6 августа, вечером, выбыли в указанном направлении. За Обозерскую беспокоиться не приходилось. Опять летали гидропланы, один даже направился вслед нашему поезду. Но исключительного внимания к себе воздушный враг уже не вызывал.

В нашем вагоне, в тесном кругу товарищей, шло чтение белых газет, только-что доставленных разведкой из Архангельска.

Некоторые прочитанные „новости“ до сих пор сидят в моей памяти.

Образование правительства во главе с „революционером“ Чайковским... На министерские кресла соглашательской публики нехватало...

Восстановление демократической городской думы, Согора, Земсоюза и пр.

Оперативная сводка: „Гром победы раздавайся“.

Немецкие войска, предводительствуемые комиссаром Кедровым, разбиты на голову 3 августа в Исакогорке, и пятки их сверкают уже в Вологде. Нашими доблестными англо-французскими и русскими войсками заняты станции Холмогорская, Обозерская и Плесецкая. В ближайшие дни будет занята Вологда, где население ждет, не дожидаясь освободителей от немецкого ига.

После оповещения о таких потрясающих военных успехах напечатано приглашение ко всем истинно-русским людям записываться добровольцами в британские легионы. Ни малейшего риска, приятная экскурсия в Москву, одно сплошное удовольствие.

Каждому добровольцу обещается и 200-рублевое жалование, и вино, и английские сигареты, и варенье, и шоколад. Знай альбионскую щедрость! ¹

7 и 8 августа провели в Плесецкой. В один из этих дней к нам присоединился еще один скиталец, благополучно вырвавшийся из плена белых, т. Новов. Он рассказал нам, что после ареста его на митинге мобилизованных, он спустя несколько дней был приговорен белыми к смерти. Для приведения приговора в исполнение его повезли в одну из кулацких волостей, но с пути ему удалось бежать. Плутал более недели, пока не добрался до Плесецкой.

В эти же дни со ст. Няндомы поступило сообщение, что там арестованы два лица, направлявшиеся в Архангельск: И. А. Виноградов и Папилов. Последний еще в июне месяце был увезен Ревизией из Архангельска и водворен на жительство в подмосковной дачной местности. Узнав о перевороте на Севере, Папилов поспешил пробраться к белым, где, по сведениям, ожидал его министерский портфель. Документы у него оказались чужие: тов. Виноградов, в то время беспартийный ², по старому знакомству одолжил Папилову свои.

Папилов был арестован в тот момент, когда фронт только-только организовывался, когда в тылу со дня на день ожидалось восстание и вологодские и всякие прочие белогвардейцы спешили схватить протянутую им из Архангельска руку помощи, когда в среде советских граждан царил растерянность и они колебались, к какой стороне примкнуть.

Надо было показать, что диктатура пролетариата действительно существует и что всякий предатель или пособник белым, всякий перебежчик будет беспощадно уничтожаться.

Папилов был расстрелян. Виноградов выслан в Вологду.

¹ В мае 1920 года на похоронах жертв, замученных англичанами в купе с соглашателями и белогвардейцами, покойный т. Христофоров в своей речи обратился к тысячам архангельцев, присутствовавших на похоронах:

„Вы жаждали белой муки? Вот она, белая мука, — указывая на 80 гробов, опущенных в братскую могилу, разоблачал он подлинную щедрость империалистов.

„Вы жаждали английских консервов? Вот они, эти консервы английского производства!

„Вы рассчитывали получить шоколад, которым наградили вас «бескорыстные» друзья русского народа. Будь они прокляты!“

² Некоторые товарищи считали Виноградова меньшевиком или по меньшей мере сочувствующим им. — С 1919 г. член ВКП (б).

„Командующие“ фронтом.

Для меня, никогда не служившего в строю, не искусственного в военном искусстве и имевшего боевой стаж только как организатор боевых дружин в пятом году и в 1917 году как член Военки, подготавливавшей большевистские силы для Октябрьской революции, было бы непростительной ошибкой принять ответственность за военные операции на новом фронте, где выступили на сцену регулярные англо-французские войска.

Поэтому я в первые же дни телеграммой „по всем адресам“ просил назначить командующего и штаб.

Первый ответ получился из Москвы, от Высшего военного совета:

„Командующим назначен военный специалист М. и со штабом выезжает к месту назначения“.

В тот же день или днем позже поступило сообщение из Петрограда.

„Командующим назначен военный руководитель Петрограда т. Гиттис и, по сформировании штаба, выедет на фронт“.

Но прошел день, два, и никто не приезжал на фронт.

Затем пришло прискорбное известие, что командующий М. на полдороге, по независящим от него обстоятельствам, на неопределенное время выбыл из строя.

Прежде чем рассказать, как это случилось, напомним, что в период с 3-4 августа существовала уверенность, что Вологда, если еще не занята в данный момент, то в ближайшие дни и даже часы там произойдет переворот. Нас, направившихся в Архангельск, считали погибшими. Такое мнение царило не только в обывательских массах, но и в правительственных кругах. Этим объясняется посылка т. Лениным в первые дни августа в Вологду молодого человека в заграничном бархатном костюме, со специальным заданием на случай занятия города, о чем выше упоминалось.

Ну, вот, когда „командующий“ М. подъезжал к Вологде (или Грязовцу), то и он и все штабные в целях, так сказать, самосохранения, нацепили на свои френчи имевшиеся при них погоны.

Можно себе представить удивление вологжан (или грязовцев), в особенности тех, которые ведали охраной города, когда с южной, самой подветренной стороны, неожиданно появилась группа военных, разукрашенных царскими эмблемами...

В связи с таким случаем, всей золотопогонной группе пришлось изменить маршрут.

Время шло, но никто не приезжал на фронт. Наконец получилась телеграмма т. Зиновьева, в которой он извещал,

что Гиттис в настоящее время не может быть отпущен из Петрограда, и просил меня взять командование на себя.

Создавалось трудное положение. Приходилось брать командование без официального назначения, без установленных границ фронта, без штаба и соответствующего аппарата, без военных знаний. Затребованные из центра подкрепления, боевое снаряжение и продовольствие не доставлялись, а если что и приходило, то в самом плачевном виде.

Наметил план — перенести базу в Вологду, используя для штаба фронта аппарат Беломорского округа, несколько дней назад эвакуированного из Архангельска, и этим предупредить в Вологде восстание, на возможность которого указывали многочисленные сведения, получавшиеся нами из различных источников.

У кого спросить совета, к кому обратиться за помощью по всем вопросам, возбуждавшим сомнения? Обратиться к „нему“, который все может, который из всякого, даже безнадежного, положения всегда найдет выход.

Все чаще и чаще являлась у меня мысль ехать немедленно в Москву, к Ильичу, и 8 августа созрело окончательное решение: отдав приказ всему составу Ревизии, исключая сотрудников, выделенных для районов Обозерской, Плесецкой и Нядомы, выехать в Вологду, я сам решил проехать на один день в Москву, захватив с собой одного т. Эйдука.

План „союзников“.

Паровоз с единственным нашим вагоном бешено мчался в Москву. Ни раньше ни позже не приходилось ездить с такой головокружительной быстротой. На одной из станций поезд был пущен по неправильному пути. Только благодаря находчивости дежурного по станции не произошло катастрофы.

Остановки имели место лишь по техническим надобностям. Дольше всего пришлось задержаться в Вологде для заслушания доклада т. Геккера и начальника военного контроля, которому поручено использовать недавно полученные сведения нашей контр-разведки.

Сведения, собранные на Мурмане в последних числах июля, разоблачали замыслы „союзников“, которые строились ими в связи с интервенцией. В отношении Архангельска можно было уже определенно сказать, что их расчеты оправдались. Что же касается Вологды, то преграда, встреченная ими на пути из Архангельска в Вологду, и своевременное раскрытие их карт расстроили их расчеты.

Приведем выдержки из интересного донесения разведчика:

«... Предполагается отрезать Архангельск от Вологды в ближайшие дни. Имеется контр-разведывательное бюро французов. Главное гнездо находится в консульствах. Про Архангельск — они думают взять его голыми руками, контр-разведка у них поставлена хорошо, и они следят за каждым нашим шагом и предполагают, что мы от них не уйдем. На выступление внутри Архангельска они мало надеются, а на Вологду возлагают большие надежды... В Архангельске есть радио ¹, но где — неизвестно, можно заключить по тому, что на Мурмане сведения получаются исправно».

План союзников: «во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехо-словаками. В Вологде идет формирование славяно-британского легиона и сбор денег для нужд оккупации; цель легиона — в то время, когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти, а также всячески мешать отступлению советских войск как от Архангельска, так и от Вятки».

В приложении к донесению дается список лиц (с подробным описанием примет), работающих в Вологде на оккупантов. Таковыми являются «заведывающий эвакуационным полковник Фусс, а также доктор Лебедев, главврач 168 или 166 госпиталя, около вокзала. У Фусс живет в квартире его родственник, фамилия неизвестна; лет около 40, ходит в штатском, среднего роста, с усами; он состоит главным руководителем формирования легиона. За деньгами из Кандалакши (Мурман) выехали 27-28 июля в Вологду через Архангельск два лица: один из них — английский консул в г. Кеми Тикстон; одет был в полосатый бархатный костюм английского фасона, роста — выше среднего, волосы — стриженные, телосложение — не очень худой, усы светлые, нос большой, горбатый; другой — Юровский, лет 22-23, маленького роста, на лице веснушки; цвет волос рыжеватый, волосы выющиеся».

Эти сведения не дали конкретных результатов по причине никудышной работы военного контроля.

Надо сказать, что в действительности план «союзников» был значительно шире, чем объединение северного и сибирского фронтов. Основная задача заключалась, после занятия Вологды, в свержении центрального рабоче-крестьянского правительства силами англо-французских интервентов и российских белогвардейцев.

Несмотря на то, что наступление интервентов было остановлено в первые же дни и на жел.-дорожном нап्रा-

¹ Радио находилось на иностранном пароходе Эгба, привезшем муку и стоявшем на Двине против Соборной площади. В последние дни до оккупации, радио по распоряжению архангельских властей было снято.

влении и на Сев. Двине, представители иностранных миссий в Москве все же не теряли надежды на осуществление своих первоначальных планов.

Уже 14 августа английский представитель Локкарт, действовавший в согласии с французским консулом Гренаром и американским генеральным консулом Пулем (Pool), пустил в ход обычное орудие империалистов — золото, рассчитывая подкупить им командиров латышских частей, квартировавших в Москве. Номер не прошел. Больше того; командир 1-го дивизиона Латышской стрелковой бригады, т. Берзин, разоблачил неслыханную по своему бесстыдству и цинизму затею высокопоставленных негодяев.

Тов. Берзин сообщил «о плане уничтожения рабоче-крестьянского правительства, разработанном одним из французских генералов»; в этот план его посвятил агент Локкарта, лейтенант английской службы Сидней Рэйли ¹.

Согласно этому плану, два латышских полка должны были быть отправлены в г. Вологду, где они, перейдя на сторону «союзников», помогли бы их продвижению из Архангельска и захвату Северной области.

Чтобы обезопасить латышские войсковые части, после занятия ими Вологды, от удара Красной армии со стороны Петрограда, а попутно, чтобы обречь Петроград на голодную смерть, агенты Локкарта и Гренара получили задание взорвать ж.-д. мосты через р. Волхов, близ Званки и около Череповца ².

Оставшиеся в Москве латышские части, одновременно с захватом Вологды, должны были арестовать пленарное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета, вместе с председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным и председателем Военного совета Л. Троцким, причем В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий должны были быть расстреляны... Одновременно предполагалось захватить Государственный банк, центральную телефонную станцию и телеграф. После этого намечался созыв всех бывших офицеров, из коих должны были сформироваться отряды «для водворения и поддержки порядка», а равно для конвоирования арестованных большевиков в Архангельск ³, где подготавливались для приема почетных гостей помещения на Мудьюге и Иоканге.

¹ Взято из «дела Локкарта и др».

² Заключение следств. комиссии при ВЦИК по делу Локкарта и др. — см. также письмо Рене Маршана к президенту Франц. республики («Изв. ВЦИК» 24 сент. 1918 г., № 207).

³ О стоимости английского предприятия можно судить по тому, что один только т. Берзин получил от Локкарта, с целью подкупа, 200 000 руб. Эти деньги т. Берзин представил в ВЧК.

Интересный доклад представил т. Геккер¹.

Осадное положение проводится с неумолимой твердостью. В течение дня по городу ходят патрули. С наступлением темноты весь город погружается в мертвый сон. Хождение по улицам без соответствующих пропусков запрещено. С 8 часов вечера запрещено держать свет в окнах под угрозой стрельбы по освещенным окнам.

В подтверждение серьезности угрозы в нескольких подобных случаях, действительно, были произведены выстрелы, правда, не в окна, а около окон в воздух. Этого было достаточно, чтобы ужасная весть разнеслась по городу и послужила к исчезновению в городе света.

С наступлением вечернего времени телефонная станция также прекращала работу; оставались в действии только военные телефоны. На время осадного положения приостановлены были всякие звонки и трезвонки в колокола.

Большого труда стоило выселить из Вологды остатки иностранных миссий, всеми средствами оттягивавшие свой выезд. Лишь два дня назад удалось их, наконец, выпроводить. Большую распорядительность проявил в данном деле губвоенком т. Медведев. В самый день отъезда важные господа заявили, что они лишены возможности выехать, так как у них нет прислуги, которая завязала бы их сундуки и чемоданы и отправила бы на вокзал.

Тов. Медведев сам принялся им помогать. Вязал, таскал чемоданы, подсаживал господ секретарей и их дам в автомобиль, с изысканной предупредительностью запирали вагоны, в которых они размещались. Одним словом, оказывал „друзьям народа“ почет и уважение, лишь бы уехали поскорее.

Положение на С. Двине продолжало оставаться неопределенным, хотя т. Павлину Виноградову и удалось прекратить царившую там растерянность и организовать отпор врагу.

Тов. Геккер передал телеграмму-записку, полученную им от Павлина Виноградова 6 августа:

„Дорогой Анатолий Ильич. Утихомилив Шенкурск, узнал о падении Архангельска; с половиной своего отряда от Двинского Березника бросился в дальнюю разведку на Архангельском направлении; команда перешла на пароход, идущий вверх; я остался с 10 человеками и спустился по Двине еще на 50 или 70 верст к северу... Дальше спуститься не имел возможности, в виду отказа судовой команды и дрянного пароходики; на пути подстегивал все пароходы

к ускоренному ходу и внес порядок в эвакуацию ценных военных грузов. Отправил в Шенкурск баржу продовольствия, оружия и патронов для другой половины моего отряда, оставленной мною в Шенкурске. Сейчас из Котласа выезжаю в Устюг вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где их место. Прошу вас, придите к прямому проводу около 12 часов для личных переговоров, вызовите Устюг Виноградов“.

Из доклада т. Геккера выяснилось, что необходима высылка подкреплений на Северную Двину и на Обозерскую. Между тем в распоряжении Геккера не оставалось больше никаких частей, кроме одного 8-го латышского полка, который снимать из Вологды было бы рискованно. Все, что можно было послать, уже отправлено на фронт. В ушедшем Вологодском советском полку приключилась скандальная история. Командир полка, боевой парень, в пути вместе с некоторыми другими командирами напился пьяным. Они все были арестованы комиссаром. Идет также волынка среди военморов.

Для улаживания возникших инцидентов т. Геккер командировал в Котлас губвоенкома Медведева, назначив его комиссаром Котласского района.

За помощью к Ильичу.

Утром следующего дня мы были уже в Москве и немедленно явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень сурово.

Но за его резкими, гневными словами чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт! — Ильич сильно жестикулировал и волновался: — Теперь все пропадом пойдет!

— Позвольте, Владимир Ильич... Позвольте сказать! Ничего не может случиться.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, вон его еще с собой прихватили, — указывал он на Эйдука и, немного смягчаясь, добавил: — Оставили на фронте одних мальчишек... Что они натворят там?

— Да это же неверно, Владимир Ильич!

Захлебываясь, я одним залпом доложил, что на Обозерской организован штаб, что на самом фронте нам лично сейчас делать нечего, что намерены основаться в Вологде и решились потерять всего двое суток, чтобы сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

¹ При личной беседе с А. И. Геккером, в начале сентября 1925 года, удалось восстановить некоторые детали его доклада.

— Как это двое суток? — перебил меня т. Ленин. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Убедившись в правильности исчислений, Ильич добавил:

— Все-таки не зачем было ехать, могли бы написать обо всем.

— Что же вам нужно? — спросил Владимир Ильич.

— Вашей помощи к срочному получению всего того, в чем крайне нуждается новый фронт.

Прочитал по записке целый ряд требований.

Разговор происходил стоя, в зале Совнаркома, у небольшого стола, в нескольких шагах от двери кабинета Ильича.

Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно следующего содержания:

„Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу.

„Предлагаю (или предписываю) назначить 3 ответственных сотрудников для срочного выполнения всего затребованного для Архангельского фронта и указать 3 бывших генералов, которые будут расстреляны, если задание не будет выполнено“.

— Непременно сегодня выезжайте, — внушительно сказал Ильич и затем на прощанье добавил: — если что надо будет — пишите!

С запиской Ильича я помчался в Высший военный совет и вручил записку по назначению.

Точно бомба взорвалась... Все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 часам ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны.

Вопрос о Северо-восточном фронте был также поставлен на повестку заседания Высшего военного совета, происходившего в этот же день.

К указанному мне времени я приехал в Совет. Заседание уже началось. В виду срочности моего выезда наш вопрос был поставлен первым.

Совет постановил образовать новый фронт, грубо наметив следующие его границы: на севере — линия огня, на западе — линия, идущая по восточной части Онежского озера, р. Вытегре, до Белозерска и Череповца. На юге — ж. д. линия Данилов — Буй — Галич — Котельнич — Вятка; на востоке — жел.-дор. ветка Вятка — Котлас, затем р. Вычегда до верховьев и далее на восток до р. Печоры и Уральского хребта.

Более детальное определение границ фронта обещано было дать дополнительно. Фронт громадный, а боевые силы ничтожно малы. На всех участках они не достигали в начале августа и 2000 штыков. В случае прорыва какого-либо участка не было возможности ликвидировать его ни посылкой подкреплений, за отсутствием резервов, ни переброской

с других участков, так как последнее, при скверных путях сообщения, потребовало бы целые недели ¹.

Затем встал вопрос о назначении командующего.

Председательствующий Э. М. Склянский обратился ко мне со своей обычной улыбкой:

— Михаил Сергеевич! Мы собираемся назначить вас командующим фронтом. Как вы на это смотрите?

Я указал, что не хотел бы принимать фронта. Правда, за последнюю неделю вера в свои силы у меня возросла, и я все более убеждался, что военному специалисту выполнять функции командующего будет еще труднее, чем мне.

Из дальнейшего разговора я понял, что вопрос о моем назначении согласован с т. Лениным, и больше не возражал. Поддержка мне будет оказана.

Когда я собрался уходить, т. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете выезжать в Москву без его разрешения.

На его лице опять появилась улыбка.

— Выдумываете! — уверенно сказал я.

— Нет, самым серьезным образом говорю это, — подтвердил он еще раз.

Мне стало обидно. Выезд в Москву я считал безусловно необходимым. Не приехал бы, — принес бы фронту больше ущерба.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что я должен был так поступить в интересах фронта и что, очевидно, я не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы моего выезда.

Указание Владимира Ильича принял к руководству, но подписки не дал.

В полночь мы были на Северном вокзале. В вагоне ожидали ответственные работники, а также „заложники“ довольствующих управлений.

Сделали доклад. В вагон погружено далеко не все, что требовалось, но и то, что получено, несомненно, подержит дух и боеспособность нашей маленькой армии.

Проверив по списку доставленное и выразив благодарность за понесенные труды, мы двинулись в обратный путь.

С дороги я отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и на исключительную энергию и скорость, удалось получить

¹ К 1 сентября численность армии возросла до 5000, к октябрю 1918 года общая численность вместе с тыловыми частями в Вологде и Вятке составляла 8107 штыков. См. прил. №№ 12 и 13. Список частей, составленный А. А. Самойло по архивным материалам. См. также доклад, начертанный Сидоровым о состоянии артиллерии.

только небольшую часть нужного и что если бы я не выехал, фронт не имел бы ничего. Польза моего приезда налицо, а потому напрасно Владимир Ильич сердился на меня, — упорствовал я.

Два дня спустя, 12 августа Владимир Ильич ответил следующей телеграммой, отправленной секретно. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставляя мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше. Телеграмма гласит: „Вологда Губисполком Кедрову.

„Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало 677 Предсовнаркома Ленин“.

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут, как и всегда, Владимир Ильич предвидит худший исход и принимает особые меры, которые описаны ниже.

Организация фронта.

В первую же очередь, по приезде в Вологду, где ожидало меня большинство сотрудников, были приняты меры к организации штаба и снабженческих органов.

Высший военный совет не ограничил меня никакими рамками и указаниями в построении фронтовых учреждений, предоставив здесь полную свободу действий. Я использовал для фронта аппараты Ревизии и эвакуированного Беломорского округа. Надо сказать, что в то время никакого типа фронтового (и армейского) управления еще не существовало; приходилось и в этом отношении проявлять „свободное творчество“.

Привожу приблизительную схему образованного полевого штаба и управлений:

Начальником штаба был назначен А. А. Самойло. Начальником оперативного управления — генштабист Е. Шишковский, вскоре однако отстраненный от службы в связи с случайно обнаруженной компрометирующей его перепиской. Оперативным отделом ведал генштаба Лисовский, очень знающий специалист, получивший в августе назначение начальником штаба северо-двинского направления.

Начальниками снабжения были назначены: интендантского — т. Калашников, артиллерийского — т. Сидоров, инженерного — т. Фраучи (Артузов); санитарного — т. Бык, заместителем его — т. Христофоров.

Начальником Оргмоба, до приезда т. Наумова, взявшего на себя руководство этим управлением, состоял временно т. Щербаков, помощником его — Сучков. Начальником политического (вернее, следственного) управления был т. Эйдук, объединивший работу всех местных розыскных и следственных органов. В качестве следователей состояли — тт. Кацнельсон, Тубала, Плавнек, Балакирев и др. Функции этого управления в 1919 году поделили между собой Револю-

Разгрузка Архангельского порта (к соотв. главе).

ционный военный трибунал и Особый отдел (в то время не существовавший). Правда, тогда имелся так называемый военный контроль, орган Оперода наркомвоен. В Вологде он возглавлялся каким-то греком, лицом весьма подозрительным и нахальным. Он отказывался передавать фронтовому начальству получаемые сведения и считал себя подчиненным только центру, куда не стеснялся посылать заведомо ложные сводки.

На обязанности военного контроля, помимо контрразведывательных функций, лежали выдача пропусков на выезд из города и контроль над всеми приезжающими и проезжающими через Вологду.

Контроль выполнялся крайне небрежно и вскоре был распределен между следственным управлением и инспекторской

частью при командующем, старшим инспектором которой состоял т. Крутов.

Более подробно следует остановиться на упомянутом уже Оргмобе. В его компетенцию входили многочисленные и разнообразные вопросы: вся политическая работа в воинских частях; установление тесной связи с советскими органами прифронтовых районов, простиравшихся на тысячи верст, издание листовок для армии и для населения; организация тыла; перепись всего советского аппарата в 6 губерниях и выяснение настроения в массах населения¹. Около 20 августа была объявлена в ряде городов мобилизация буржуазии для окопных работ — выработка положения и контроль за проведением мобилизации также были возложены на Оргмоб. Мобилизации буржуазии уделяется в дальнейшем особая глава².

В деле укрепления боевой мощи фронта громадную роль имела правильная работа транспорта; за все время пребывания штаба в Вологде жел.-дор. движение ни на час не приостанавливалось. Здесь должна быть отмечена колоссальная энергия, проявленная двумя боевыми товарищами — Я. М. Руцким и т. Мироновым, возглавлявшими управление Северных жел. дорог.

Вторая важная задача заключалась в установлении регулярной связи со всеми районами фронта и прежде всего с двумя основными: с Архангельским и Северодвинским.

Два раза в день, в определенные часы, приходил в вагон т. Самойло, держа под мышкой военные карты разных масштабов и папку с оперативными сводками.

— Ну, как наше положение, Александр Александрович? — задаешь обычный вопрос.

¹ Представление информационных сведений о настроении в крестьянстве настолько крепко вошло в обиход волисполкомов, что после освобождения Архангельска в 1920 году возобновилось поступление сведений по анкетам 1918 года в штаб командующего давным давно уже не существовавшего Северо-восточного фронта.

² Насколько подбор командного состава был удачен, доказывает уже то обстоятельство, что почти все начальствующие лица в течение дальнейшей гражданской войны сохранили свои командные должности, а некоторые достигли высших.

Тов. Самойло впоследствии был командующим 6-й армией, нач. Всероглаштаба и помощником нач. полевого штаба РККА.; т. Лисовский — командующим армией; т. Калашников — нач. снабж. Вост. фронта и Чусо-снабармом, т. Сидоров — нач. арт. снаб. Вост. и Зап. фронтов; т. Христофоров — начсанокр Белом., Кацнельсон — ППВЧК; Плавнек — председателем Ревтриб Северокавк. окр.; Ленговский — нач. дивизии (на Украине) и кавалером двух орденов Красного Знамени и т. д. Прискорбно, что с окончанием гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству не все товарищи сумели сохранить непопороченным свое славное прошлое (напр., тт. Сидоров, Ленговский и некоторые другие).

— Да ничего, Михаил Сергеевич, — гудел он своим громким, но приятным басом. — Вот только с Архангельского направления сведений за вчерашний день не поступало. Видимо, устойчиво. Иначе не молчали бы.

Передаю ему только что прибывшее экстренное сообщение от Ленговского.

Читает, сурово сдвинув брови. По мере того, как приближается к концу, лицо его проясняется, в глазах искрится радость.

„На Архангельском направлении после шестичасового боя части противника, после неоднократных попыток перейти в наступление, были отбиты и отошли назад: точка настроения войск, участвовавших в бою, прекрасная точка положение на Архангельском направлении прочное: точка потери наши выясняются № 412 Командир Беломор Ленговский Начштаба Проценко“.

— Молодец Ленговский! — заключает чтение т. Самойло.

Особенно памятливы мне вечерние доклады, часто переходившие в душевную беседу на одну и ту же тему: где и как лучше всего нанести удар наступающим хищникам.

Беседа под скрипящие звуки передвигающихся взад и вперед поездных составов и под непрерывную перекличку паровозных гудков, затягивалась иной раз далеко за полночь.

Бывали и такие случаи, что, казалось, отношения взаимного понимания и доверия вот-вот нарушатся. И здесь безупречная честность и искренность т. Самойло проявлялись особенно ярко.

Помню, шли к нам из центра подкрепления. „Куда их направить?“.

Тов. Самойло на момент задумался. Затем как топором отрубил:

— Не только не могу решить, но и отказываюсь дать какой-либо совет. Не знаю.

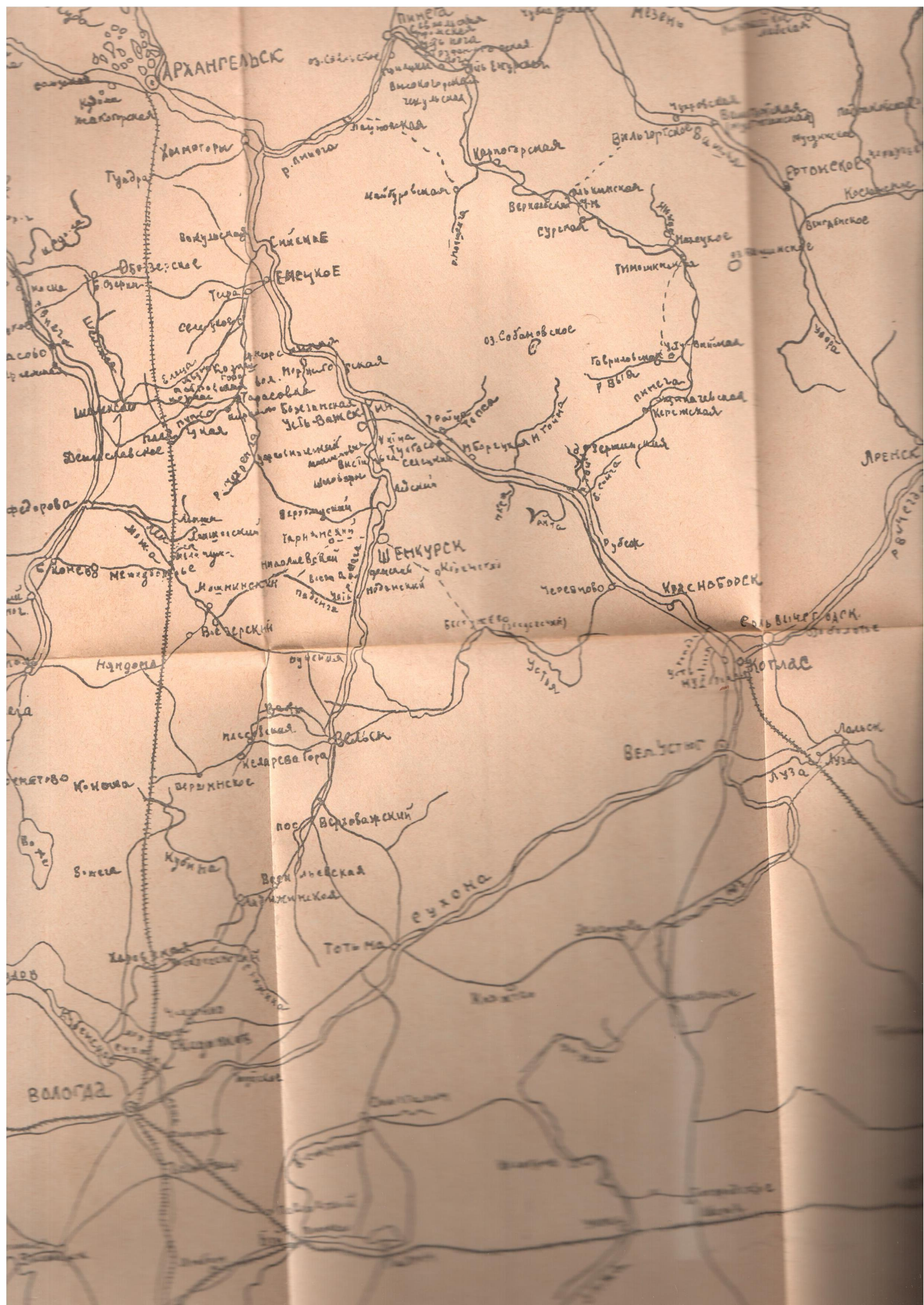
Я был поражен. Вспылил. Он — имевший и высшее военное образование и богатый боевой стаж — не может решить такого пустякового вопроса! Сказал ему это прямо.

Заволновался и т. Самойло.

— Поверьте, что в войне, которую мы в настоящее время ведем, и знания, приобретенные в академии, и весь опыт неприменимы. Сплошного фронта нет, армия ничтожная; случайная переброска неприятельских сил может резко изменить картину фронта. Что толку, если посоветую направить подкрепления на Двину, а через 2-3 дня окажется, что в связи с напором противника, надо было послать в Обозерскую, или наоборот. Не могу, — сами решайте.

Начальник Штаба Северо-восточного фронта т. Самойло

Пришлось согласиться с т. Самойло.

С каждым днем все ближе становился мне т. Самойло, б. генерал, бесповоротно и убежденно перешедший на сторону пролетарской власти.

В штабе хорошо чувствовался крепкий кулак начальника штаба: он установил образцовый порядок, быстроту и точность исполнения, очистил аппарат от политически неустойчивых и сомнительных элементов.

Рассказывали, что многие спецы ругали Самойло за глаза; сам, мол, тоже спец, а преследует своих же.

Белогвардейцы, которые не теряли еще надежды стать господами положения, в своих газетах писали: Если рядовому большевику еще можно простить его прегрешения перед родиной, то для генерала, да еще такого, как Самойло, пощады быть не может. Повесить его, изменника!

С образованием штаба фронта, штаб Вологодского района стал излишним. Командующий им т. Геккер был назначен (приблизительно 15/VIII) командующим Котласским районом, в который включен и Северо-двинский участок. Тов. Геккер сменил т. Медведева, работника исключительно энергичного, но слишком молодого и горячего, у которого возникли уже трения с местными товарищами. Тов. Медведев получил назначение командующего Вятским тыловым районом.

Павлин*Виноградов.

Дать картину происходивших на С. Двине событий — значит описать день за днем работу товарища — героя Павлина Виноградова, отдавшего неиссякаемый запас кипучей энергии и жизнь свою в борьбе на этом важнейшем участке фронта¹.

По сохранившимся материалам и свидетельству очевидцев деятельность Виноградова в первые десять дней открытия фронта может быть восстановлена сравнительно полно.

С вечера 1 августа из Архангельска начали отправляться пароходы с эвакуированными губернскими учреждениями. Последний пароход с сотрудниками Чрезвычайной комиссии отбыл в 2 часа утра на 2 августа².

¹ Когда, в связи с приказом т. Троцкого, стали обвинять всех членов Архангельского исполкома, Павлин Виноградов, к которому этот приказ меньше всего мог относиться (см. выше), послал протест окружному комиссару Геккеру. Павлин, действительно, „сделал все, что можно для защиты каждой пяди советской территории“.

² Доклад т. Линдемана (напеч. в „Еженедельн. ВЧК“, № 1, от 22/IX 1918 г.). Прилож. 14.

2 августа т. П. Виноградов, „утихомирив Шенкурск“, узнал о падении Архангельска, находясь в Березнике: с 10 человеками он спустился по Сев. Двине в целях дальней разведки, приблизительно на 50-70 верст и не встретил неприятеля.

3 августа Павлин повернул вверх по Двине и направился в Котлас, вслед шедшему туда архангельскому каравану. „Подстегивал все пароходы к ускоренному ходу и вносил порядок в эвакуацию ценных военных грузов“.

5 августа прибыл в Котлас и, не найдя там парохода Архангельского губисполкома „Преподобный Савватий“, Павлин выезжает в Устюг „вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где им место“.

6 августа, в ночь на 7-е (1 час), принимает временно командование Котласским районом.

7 августа сформированные т. Виноградовым в течение суток 2 отряда, в 40 человек при 5 пулеметах и сводный отряд в 100 человек, отправлены в район Двинского Березника, в распоряжение врем. командующего т. Линдемана, которому подчинена и часть, выделенная из состава Шенкурского отряда т. Падалки, при 2 пулеметах и 1 орудии калибра 37 мм.

8 августа, в 2 часа утра, т. Линдеман прибывает в Березник и, согласно приказанию Виноградова, идет в глубокую разведку до соприкосновения с противником.

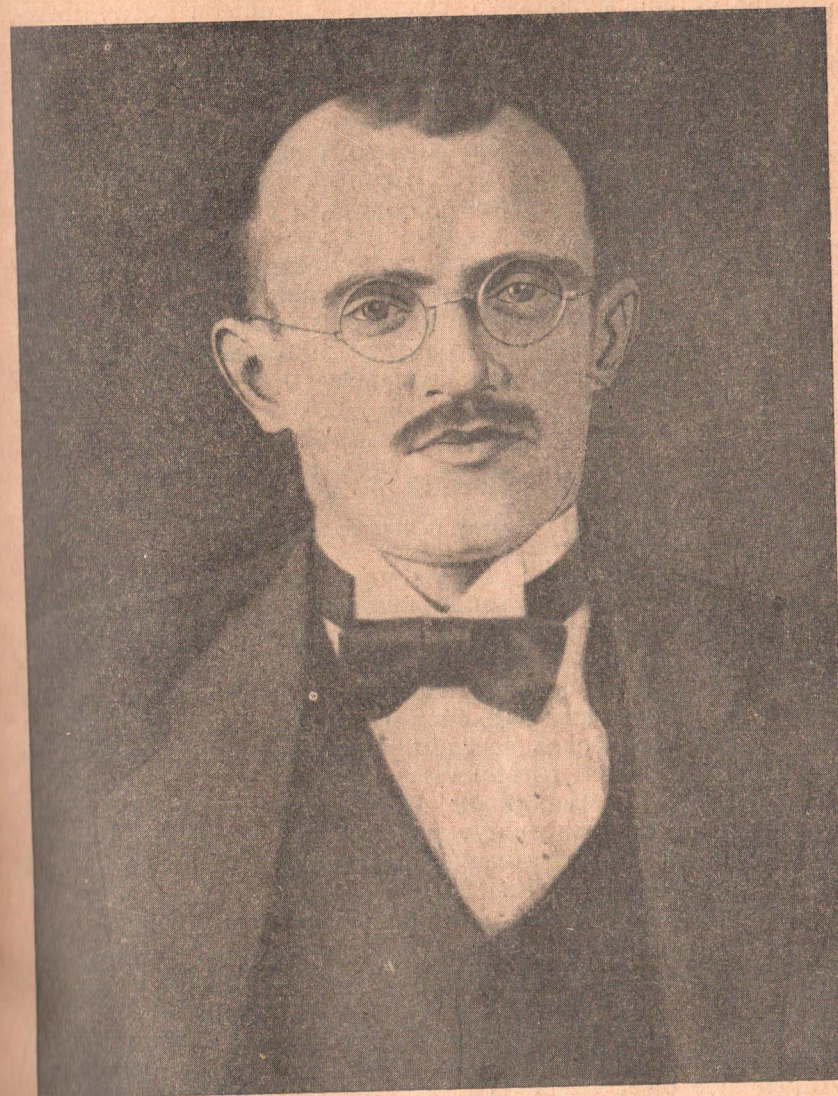
В 19 часов т. Виноградов отправил отряд в 50 человек, составленный из вологжан.

В 24 часа — еще один отряд в 60 человек, сформированный из членов Архангельского губисполкома и служащих советских учреждений.

9 августа т. Линдеман, отправившийся в разведку на судах „Могучий“, „Мурман“, „Учредитель“ и „Вельск“, понес поражение от противника в районе Березника, после чего суда обратились в поспешное отступление.

Того же числа т. Павлин на двух судах — „Светлана“ и „Любимец“ — выступил из Котласа в направлении Двинского Березника. В с. Красноборском он арестовал Х. Н. Манакова, но выполнить распоряжения Медведева о выставлении караулов во всех пунктах, где имелся военный телеграф, не смог, так как спешил к отряду на передовом участке. „Мои предчувствия оправдались“, — сообщает П. Виноградов.

10 августа (повидимому рано утром) т. Павлин Виноградов встретил в расстоянии 130 верст от Березника пароходы „Учредитель“ и „Вельск“ с поспешно отступавшими отрядами тт. Капустина, Линдемана и моряков, от которых он и узнал о понесенном поражении, происшедшем при следующих обстоятельствах. „В виду многочисленности

Павлин Виноградов.

неприятеля, у которого имелась артиллерия и гидропланы, а также большое количество пароходов, вышеперечисленные отряды отказались от боя и потребовали от товарища Линдемана возвращения их в Котлас. В распоряжении т. Линдемана остались лишь 25 человек (членов и сотрудников Арх. губернской чрезвычайной комиссии и других прикннувших товарищей), с каковыми он отправился на пароходе „Могучий“ в разведку.

В разведке участвовали члены Архангельского губисполкома, помещавшиеся на другом пароходе — „Мурман“.

Спускаясь вниз по реке, Виноградов встретил в 90 верстах от Березника пароход „Вельск“, а верстах в 50 — „Могучий“ и „Мурман“.

Чтобы ясно представить себе, какие подготовительные меры к бою были приняты т. Виноградовым и как велся первый в истории Севера речной бой между большевиками и англо-белогвардейцами, приведем описание, данное самим Павлином в докладе т. Медведеву и в копии Геккеру, Кедрову и Троцкому.

Речной бой.

(По докладу П. Виноградова).

„Мое прибытие с артиллерией и пулеметами, к несчастью, негодными в виду неимения к ним румынских патронов, очень ободрило отступавших. Кратко объяснив им цели своей поездки, я тотчас же приступил к сборке всех орудий, к набиванию пулеметных лент и т. п. Через три часа напряженная работа на сцепившихся посередине реки судах увенчалась успехом, и орудия были приведены в состояние боевой готовности.

„Назначив командиром парохода «Могучий» т. Линдемана, я на пароходе «Мурман» оставил общее командование за собой. Затем я вышел развернутым фронтом в составе трех судов: «Мурмана» с тремя орудиями и четырьмя пулеметами, «Могучего» с 4 орудиями (одно шенкурского отряда) у рулей и «Любимца» с одним пулеметом. Пароход «Учредитель» с отрядами латышей и вологодскими красноармейцами шел сзади в качестве санитарного и резерва. Выйдя на Березницкое направление, в расстоянии 30-35 верст от Березника я встретил неприятельскую разведку, открывшую ожесточенную стрельбу из пулеметов. Я распорядился открыть огонь из носового орудия и, чередуя его, когда было можно, с огнем правого борта, выпустил 75 снарядов, чем принудил неприятельское судно выброситься на берег в 25 верстах от Березника. По моим расчетам, по нашим судам было выпущено не менее

2000 патронов, к счастью, никого не убивших и не ранивших.

„По осмотре парохода моим моторным катером, на нем был найден пулемет системы «Викерс», две пулеметные ленты к нему, ящик консервов и пр. Пароход назывался «Заря». Распорядившись, чтобы его судьбой озабочился «Могучий», я прошел вперед, нигде не встретив сопротивления. У устья Ваги я заметил подозрительные огни, но не мог обратить на них серьезного внимания, торопясь в Березник. Подойдя к Березнику, я обнаружил присутствие на его рейде пяти пароходов, стоявших под огнями и не открывавших огня. Идя самым малым ходом, с потушенными огнями, мне удалось подойти к ним на расстояние менее версты, после чего я пошел полным ходом, двигаясь прямо на большой белый пароход, приказав условным сигналом «Могучему» приблизиться ко мне и стать в кильватер. В расстоянии $\frac{3}{4}$ версты от берега я скомандовал носу и левому борту огонь по кораблям; вслед затем послышался пулеметный огонь со стороны противника, на который я ответил ураганным огнем артиллерии.

„«Могучий» после первого моего выстрела также открыл ураганный огонь, после чего я повернул судно, стреляя правым бортом и пулеметами и ожесточенной стрельбой пачками из винтовок. Пройдя вновь вдоль линии судов другим бортом, причем «Могучий» все время следовал за мной, повторяя мои движения, я опять повернул судно и стрелял левым бортом и носом, подвергая последовательному обстрелу все пять судов противника, приблизившись к ним на расстояние полверсты. Противник все время отвечал мне ураганным пулеметным огнем и сравнительно редко орудийными выстрелами. Подвергнув его обстрелу, я вновь повернул назад, идя на прежнем расстоянии, причем и «Могучий» и «Любимец» следовали снова за мной. После этого, снова повертывая, я заметил, что «Любимец» вышел из строя: оказалось, у него был тяжело ранен пулеметчик Ипатов (с завода Новая Экономия), и управлять пулеметом было некому. На этот раз я шел малым ходом с намерением привлечь на себя огонь противника, так как «Могучий» шел почему-то медленнее обыкновенного: оказалось, у него сразу были ранены два лоцмана. Чтобы избавить его от замешательства, я подошел на расстояние 100 сажений к противнику, расстреливая его прямо в упор и осыпая ураганным пулеметным огнем. В это время мне доложили, что правое орудие вышло из боя (левое вышло после пятого выстрела) от загорания; кроме того, у правого орудия был ранен один наводчик. Тогда я прибавил ходу и начал ураганный обстрел двумя кормовыми пулеметами, а затем, выравнявшись и став в кильватер

«Могучему», я продолжал обстрел правым бортом из винтовок, приказав усилить огонь до последнего предела и сделав объектом прицела берег и деревню, откуда отчетливо была видна пулеметная пальба.

„Пройдя версты 3 от Березника, я повернул обратно, так как «Могучий» не мог меня догнать. Видя, что он может сделаться жертвой противника, я, на исходе второго часа борьбы, решил пойти им на помощь. Став носом к судам противника, я начал сближаться с ним, осыпал его градом снарядов из единственного действующего орудия и так подошел к противнику на расстояние 50 саженей, после чего начал отходить полным задним ходом. Но быстрота реки заставила меня отказаться от такового способа действия, и я принужден был развернуться под самым огнем противника. В этот момент почти стихший пулеметный огонь открылся в ужасающем объеме. В то же время «Могучий», будучи не в силах управляться при слабых силах двух лоцманов, вышел из строя и пошел прямо по реке вверх. Тогда я принял решение также выйти из боя, так как у меня к этому времени был ранен капитан парохода. Защищаясь кормовыми пулеметами, я быстро пошел за «Могучим».

„Весь бой длился 2 часа 10 минут, причем за все это время я насчитал 50 орудийных выстрелов с их стороны. Потери противника от нашего ураганного огня неизмеримо велики. Я потерял т. Виноградова¹, секретаря Архангельской Коммунистической партии, восемь ранеными и трех контуженными. Подробный список пришлю дополнительно. За все время боя военная команда вела себя образцово. Повиновение распоряжениям было полнейшее. Без команды не было сделано ни одного выстрела. Дисциплина была великолепная. Отряд, сформированный мною из членов Губисполкома и служащих советских учреждений, действовал также удивительно хорошо. Четыре члена его — Андрей Попов, Эдуард Гурович, Шешигин и Щенников — все время находились на мостике наблюдателями и передатчиками моих распоряжений. Считаю необходимым отметить бесстрашную распорядительность командовавшего носом товарища Черкасова, секретаря Губернского исполнительного комитета. Товарищ Щенников был первым серьезно раненым.

„Для того, чтобы указать на степень силы пулеметного огня противника, сообщу вам сведения о числе попаданий в судно. В верхние пять кают попало более 50 пуль, в правую каюту попало 15 пуль; в нижнем кубрике попало в кор-

¹ После смерти т. Куликова — секретарь Архангельского гор. комитета РКП(б).

мовую 15, в носовую 12. Труба парохода была прострелена в 32 местах, а капитанский мостик — в 36. Кроме того, две пробоины от ядер. Малая убыль моего судна происходила благодаря исключительной дисциплинированности судовой команды. Тов. Линдемман, командир второго судна, донес, что и на пароходе «Могучий» было такое же отношение к делу, как и на моем судне.

„В заключение укажу, что свою задачу — произвести глубокую разведку в архангельском направлении — я считаю выполненной.

„Силы противника в районе Березника 500-600 человек, при двух орудиях и большом числе новых пулеметов. Фронтом командует полковник Андронов, в штабе которого есть несколько английских офицеров. Один из этих офицеров серьезно ранен во время последнего боя. Окопов на берегах еще нет, кроме заставных на обоих берегах Двины у устья Ваги, в 8 верстах от Березника. Все эти сведения сообщены мне одним из наших разведчиков, попавшим в плен и убежавшим оттуда. Степени достоверности не могу определить; думаю, что они приблизительно верны.

„Считаю, что я не проиграл сражения у Березника, невзирая на отход в 40 верст. Главный выигрыш его в произведении морального эффекта, так как нападали мы в меньшем числе, но с безумной смелостью, организованно, планомерно, с силой стихии. Скажу больше: я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить все одним разом, но я боялся итти в последнюю атаку с одной пушкой при двух пулеметных лентах. Опыт настоящего сражения лично для меня очень ценен. Для того, чтобы повторить это безумное нападение одного на трех-четыре, надо иметь превосходство не только в артиллерийском, но и в пулеметном огне.

„Поэтому прошу как можно скорей выслать мне не менее 30 пулеметов с 300 лентами, а затем продовольствия, амуницию и хотя бы одну батарею 3-дм. пушек; но самое главное, что мне теперь необходимо — это присылка вооруженной силы — не менее 200-300 человек, так как я для разведки чересчур силен, а для фронта очень слаб, и высаживать десант для наступления считаю безусловно рискованным.

„В заключение доскажу о ходе операций: выйдя из сферы неприятельского пулеметного огня, я дал по несколько очередей на обе стороны реки по месту предполагаемых застав и пошел тихим ходом, подняв пулеметы на отражение воздушной атаки и поставив боевые караулы. Без всяких приключений я добрался до выбросившегося на мель парохода «Заря», спустил на берег разведку и нашел еще три пулемета, много патронов, много обойм скорострелки

с 15 пулеметными лентами, что нам очень пригодилось, а затем я остановился в 40 верстах от Березника, у Конецгорья, откуда сегодня произведу опять водную и сухопутную разведку. Если можно будет — буду наступать, но при изменении настроения в решении моряков, уже сегодня говоривших мне о своем решении вернуться в Вологду, боюсь, что это будет почти невозможно. Во всяком случае, сделаю все, что могу, а сегодня привожу в порядок орудия, пулеметы, ружья и т. д., а главное — хочу дать людям небольшой отдых. О дальнейших событиях буду уведомлять незамедлительно.

„Подлинный подписал:

„Помощник командующего Котласским районом
П. Виноградов“.

Приведенный исторический документ свидетельствует о той громадной роли, которую сыграл т. Павлин Виноградов в первые полторы недели в деле обороны северодвинского направления. Без преувеличения можно сказать, что Павлин спас положение на Двине.

Не было бы его — кто знает, как протекали бы события, и, возможно, бои велись бы уже за Котласом, где-нибудь в районе Вятки. Громадная его заслуга сказалась в том, что в минуту всеобщей растерянности он не только не потерялся, но имел мужество революционным путем объявить себя вр. командующим Котласским районом и флотилией; официально считаясь беспартийным, он сумел подчинить себе весь состав Архгубисполкома и местные власти, заставить признать свой авторитет, установить железную дисциплину и, заражая личным примером, повести других в бой, организовав первый отпор врагу.

Но те же документы указывают и на некоторые слабые стороны товарища и, в первую очередь, на его рискованную наступательную тактику, которая отвечала его смелой, мятежной натуре, но которая вовсе не отвечала моменту. Основная задача его заключалась в защите Котласа, а не в освобождении Архангельска.

Переоценивая фактор личной храбрости и самопожертвования, т. Виноградов шел напролом, рисковал не только своей жизнью, но и теми ничтожными силами, которые составляли единственный боевой фонд во всем районе.

Тов. Виноградов именует произведенную операцию глубокой разведкой, но то была не только разведка. Вспомним его характерное заявление: „Я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить все одним разом“.

Но каковы были бы результаты даже от полного разгрома противника? Незначительные, так как о возврате

Архангельска, разумеется, говорить не приходилось. Поражение же Виноградова могло бы привести к оставлению Котласа, а возможно и к еще большей беде.

Имея перед собой горячего, рвущегося вперед энтузиаста, фронтовому командованию пришлось всячески охлаждать его пыл. Ему категорически запрещалось пускаться на какие бы то ни было рискованные операции. Но уверенности, что т. Виноградов откажется от своей тактики, у нас не было.

Поэтому вопрос об обороне Котласа становился с каждым днем все более неотложным.

Оборона Котласа.

10 августа был командирован из Вологды в Котлас т. Ст. Попов „для принятия всех мер на случай возможного прорыва белогвардейцев на Котлас“. Из доклада¹ Попова видно, что положение Котласа не признавалось особенно серьезным, но на всякий случай предпринимались кое-какие шаги: эвакуировались грузы и готовилось заграждение фарватера.

Выяснив положение, т. Попов выехал на фронт к т. Виноградову, где и участвовал в нескольких боях, о которых будет сказано впоследствии.

На приказ обратить сугубое внимание на оборону Котласа 12 августа и на поставленные вопросы поступило следующее донесение начальнику полевого штаба Самойло от командрайона Медведева и начштаба Лисовского:

„Карта — 10 верст. Для обороны Котласа выбрана позиция в районе Красноборска по рекам Уфтьеге и Евде, с передовой позицией на реке Лябле (?) точка дальнейшее сопротивление будет оказано на реках Христофановке, Васильевке и Летняя Уртомах с соответствующими реками на правом берегу точка по организации подготовки позиции в районе Красноборска выдвинуть возможно дальше к северу до соприкосновения с противником, где буду задерживать его до последней возможности точка для заграждения фарватера подготовлены баржи общей длиной 150 сажен, намечены по лотманским картам и показаниям служащих флота пункты заграждения у Черевков, что на 40 верст ниже Красноборска и у Большой (?), что 15 верст ниже Красноборска точка.“

„Заграждение будет произведено по приходе Виноградова, если же он будет отходить под непосредственным напором противника — заграждение будет произведено не

¹ Доклад Ст. Попова мне. Дата не проставлена.

ожидаю прохода, так как для заграждения нужно время. Виноградов, высадившись, обеспечит заграждение от уничтожения точка Заграждение фарватера в тылу прорвавшегося противника считаю крайне затруднительным, скрыть суда невозможно, нужно оставить катера, и потребуется много времени и сил. Для эвакуации грузов образована советская перегрузочная комиссия, которой подчинены водный и железнодорожный транспорт; будет вывезено все, что не нужно для боевых действий. Привлечение к разведке населения затруднительно в виду ненадежности его и наступивших полевых работ.

„Присылка полуэскадрона необходима в Красноборск для наблюдения за левым берегом со стороны Ленговского; отряды желательно направить к устью Ваги. Связь буду поддерживать телеграфом по левому берегу Двины или через Устюг, Шенкурск¹ точка Аэропланы прошу направить в Котлас, где имеется аэродром, по выяснении возможности переведу их в Красноборск точка Подрывному поезду прежде прибытия в Котлас необходимо подготовить для взрыва мост на Лузе, взрыв пути Котлас (— Вятка) возможен (только) по прибытии поезда, в виду отсутствия материала и подрывников. Виноградов ушел вниз по реке с отрядами общей численностью 250 человек, я иду с отрядом 742 матросов и 40 латышей и красноармейцев. Крайне необходима присылка артиллерии и пехоты, саперов, хотя от Виноградова, Вахрамеева (?) еще сведений не имею тчк Очень нужны ручные гранаты. Большое количество затребованного продовольствия вызвано необходимостью снабжать служащих речного флота, лишившегося своей базы; без этой меры может остановиться судоходство. Деньги нужны судорабочим для расчета с заводом Стюарт, заготавливающим материалы для окопов, для уплаты рабочим по рытью окопов, которые, в виду полевых работ, требуют большей оплаты труда; принудительные работы только вызовут вражду населения“... (Дальше упоминаются вопросы, которые не имеют прямого отношения к обороне Котласа, и запрашиваются многочисленные предметы, почему эта часть донесения опускается).

Из приведенной ранее телеграммы товарища Ленина от 12 августа явствует, какое большое значение придавал Владимир Ильич обороне Котласа.

Но Ильич не ограничился только телеграммой. Спустя несколько дней (точно установить число не представляется возможным), прибыли в Вологду два удалых молодца „со специальным поручением от Ленина“.

¹ Шенкурск 12 августа был уже занят белыми.

Они предъявили мне мандат за подписью Владимира Ильича и письмо. То были гг. Уралов и Ногтев, с которыми мне раньше не приходилось встречаться.

В письме Владимир Ильич рекомендует товарищей как вполне надежных и указывает, для какой задачи они посылаются: принять подготовительные меры к взрыву котласских огнехранилищ в последнюю минуту, при вступлении неприятеля в Котлас¹.

Ясно: история с Архангельском повторится в Котласе не должна.

Снабдив товарищей всем необходимым и ознакомив с последними оперативными сводками с Двины, направил их в Котлас (Красноборск) к товарищу Медведеву.

К счастью, им не пришлось выполнить возложенного на них задания. Использованы они были на другом деле: на устройстве заграждения фарватера С. Двины в районе Красноборска. Но и эта работа, правда не по их вине, проходила далеко не гладко.

Помню, одно из донесений штаба Котласского района сообщало, что несмотря на то, что уже затоплено изрядное количество барж, фарватер остается вполне проходимым. Запрашивалось разрешение затопить еще большее число судов.

В объяснение такого странного явления приводилось исключительное обилие воды в настоящем навигационном году: в месте затопления судов уровень воды быстро поднимался, вода шла поверх судов и смывала заграждение.

Приняв во внимание, что для основательного и продолжительного заграждения пришлось бы пожертвовать всем деревянным флотом, дальнейшее затопление судов было приостановлено.

Кое какое заграждение все же было устроено. Тов. Геккер, проходивший в первой половине сентября эти места, рассказывает, что его судно проводилось буксиром через довольно искусно устроенный канал².

¹ Письмо не сохранилось. Возможно, как исключительно конспиративное, было уничтожено.

² Н. Н. Кузьмин при встрече со мной указывал, что вообще никакого заграждения устроено не было и что он прекратил работы в самом начале. Тов. Уралов утверждает, что это неверно, и указывает, что план устроенного заграждения был передан им через т. Зуля (Пред. Главод) Владимиру Ильичу.

Военные неудачи и успехи.

(Архангельское ж.-д. направление).

Обратимся теперь к описанию боевых операций на Архангельском направлении. Выделим только наиболее существенное.

На главном направлении, жел.-дорожном, положение в течение всего августа оставалось без перемен. Все попытки противника перейти в наступление оказывались безуспешными.

Здесь, как и на других участках, частям приходилось, за отсутствием резервов, неделями бесменно оставаться на позициях, в лесу, в болоте, под дождем. Несмотря на наступившие холода, многие красноармейцы носили лапти. Особенно надо подчеркнуть геройскую стойкость красноармейцев и красных моряков (отряд Антропова) в перенесении всех трудностей войны в гиблой тундре.

В направлении на Онегу нашими частями было взято Тучмасово, где захвачен пароход и Чекуево. Это положение оставалось затем надолго закрепленным. Вообще, Онежский участок заметной роли не играл¹.

Северо-двинский участок Архангельского района в первый месяц являлся наиболее оживленным. Командовал частями т. Вахрамеев.

На этом участке в первой половине августа в наших руках находился важный пункт, с. Селецкое.

15 августа внезапным наскоком противник, в отряде которого преобладали иностранцы, занял Селецкое. Поражение явилось результатом нашего разгильдяйства и беспечности.

И здесь повторилась та же история, как на жел.-дор. и Онежском направлениях после первых боев. В поспешном бегстве наши части откатились на 50 верст по тракту. Крупные села Межновское и Авдинское перешли в руки противника. До ст. Плесецкой оставалось меньше 30 верст.

Особенно досадна была потеря нашего броневика, сданного без боя и даже не приведенного в негодное состояние.

Неудача слишком нервно отразилась и на штабе ст. Обозерской. В секретной записке лично мне (в таких случаях сообщение по всем адресам не практиковалось) командир района Ленговский и начальник штаба Осадший доносят: „Имеющимися резервами рассчитываю временно задержать противника пред Кочманским. Если немедленно не вышлете

¹ Интерес к нему проявился только к концу гражданской войны, в 1919 году, в связи со вспыхнувшим в Онеге восстанием.

500 человек пехоты, буду принужден отдать сегодня же приказ об оставлении Обозерской и эвакуации Емцы. Обход слишком глубокий. Помощь нужна, чтобы сохранить треугольник Чекуево через Обозерскую, Селецкое и Плесецкое. Жду немедленного ответа подкреплении пехотой. Ленту прошу вырвать, взять с собой“¹.

Что товарищи нервничали, — показали дальнейшие события. Если и была возможность послать подкрепления, то во всяком случае не больше 150-200 штыков, да и те, насколько помнится, прибыли с опозданием.

Шотландский отряд.

Помню также, что т. Ленговский, в связи с неудачей, испрашивал разрешения образовать чрезвычайный трибунал и настаивал на высшей мере наказания для Вахрамеева, который уже второй раз оказывается в таком позорном положении.

На создание трибунала было дано согласие, но против высшей меры наказания я возражал. Если вина Вахрамеева очень тяжела, то, по моему мнению, следовало передать все дело в Вологду.

Насколько помнится, приговор был вынесен сравнительно мягкий. Тов. Вахрамеев был переведен в рядовые красноармейцы и, как будто, остался в том же отряде².

¹ Записка т. Ленговского 16/VIII—21 ч. 30 м., № 515.

² По другим сведениям, Вахрамеев был отстранен от командования и отправлен в тыл.

Но вернемся к описанному выше эпизоду.

Захватив с неожиданной легкостью Селецкое и другие пункты, противник торжествовал. „Большевики — это трусливый сброд, который бежит от первого выстрела“, — думалось ему.

Он приступил к осуществлению операции, которая могла бы при удаче разгромить главные силы, действовавшие в районе Обозерской.

Между тем, наш отступивший отряд, подкрепленный свежими силами, перешел в наступление. Было необходимо выровнять фронт.

Наступление шло почти в таком же оживленном темпе, в каком происходил недавний отход. Взяли Авдинское, взяли Межновское. Лихим ударом сбили противника в Селецком.

Селецкое — наше. Чуть ли не большая радость: вновь отвоеван сданный на прошлой неделе голубчик-броневик!

Достигнутым успехом наши не удовлетворились и, преследуя бежавшего противника, заняли следующее селение Тегра, на реке того же названия, и авангард перешел реку. Отсюда вела лесная тропа на Обозерскую.

На этом самом месте в руки отряда попал конный фельдъегерь белых, везший срочные пакеты и не подозревавший, что местность уже находится в руках красных.

Содержание пакетов пришлось нам как нельзя кстати. То были донесения американскому полковнику¹, который, как было установлено затем опросом местных жителей, дня за два до этого прошел по лесной тропе на Обозерскую.

Отряд, по приблизительному подсчету, исчислялся в 300-500 человек; за ним следовал внушительный обоз.

Оставив заслон на Тегре, наши главные силы были брошены в тыл противника. Штаб в Обозерской был своевременно предупрежден об опасности.

Американский полковник со своим отрядом оказался в мешке.

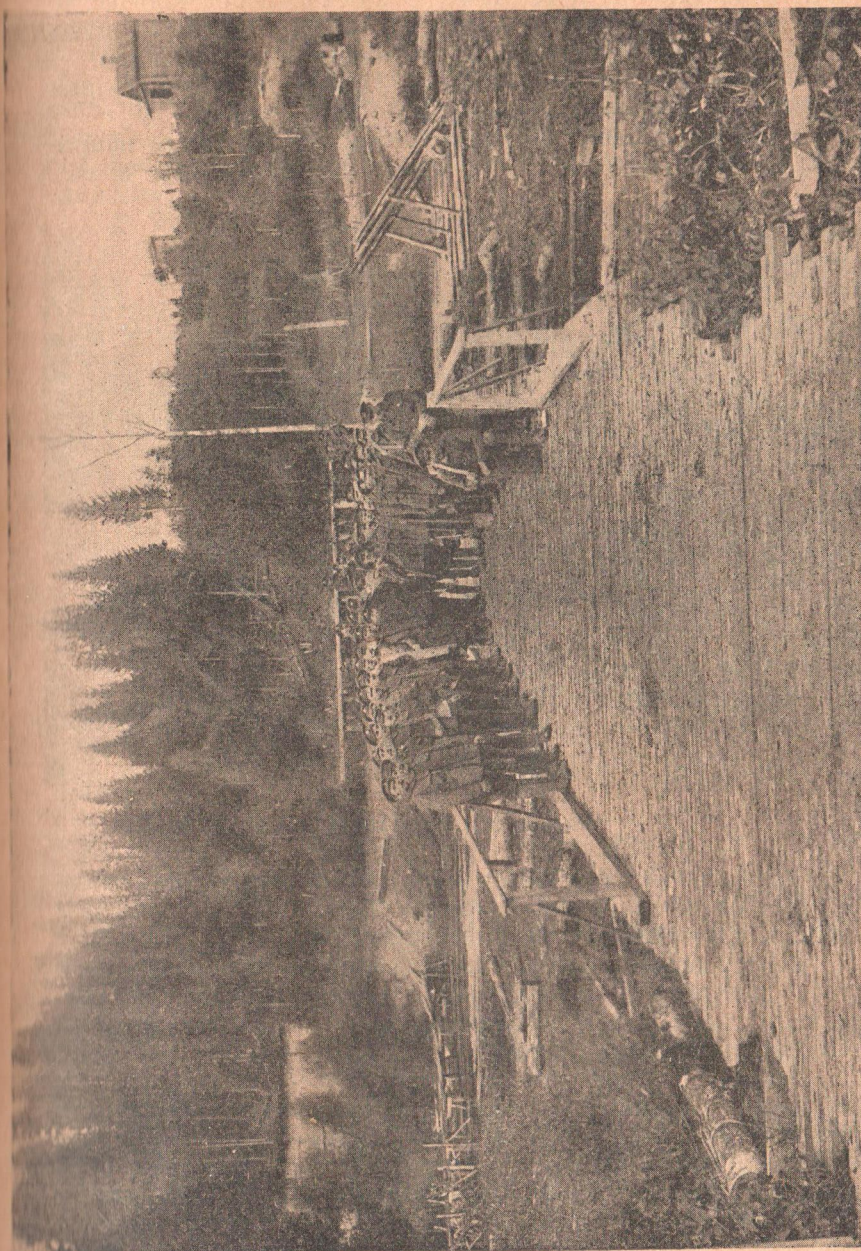
День за днем суживалась длина мешка. Окружающие болота мешали противнику выбраться из тундры иным путем, кроме как пробившись через наседавшие или с фронта или с тыла части.

В целях спасти отчаянное положение американского отряда, попавшего в ловушку, начался натиск противника на Обозерскую со стороны Архангельска. Шестидюймовки громили станцию. Атака следовала за атакой.

После боя, длившегося 7 дней и на лесной тропе и у Обозерской, отряд полковника был окончательно смят².

¹ К сожалению, забыта его фамилия.

² То было 4 (или 5) сентября.

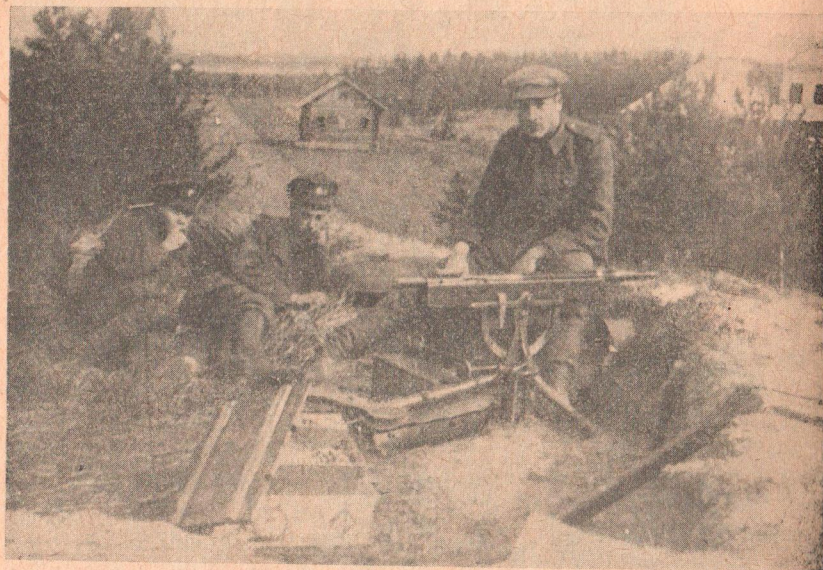

У моста на р. Емце. Рабочая рота, составленная из сочувствующих красным.

Оставшиеся в живых разбежались по тундре, увязая в болоте. В качестве трофеев нам досталось большое количество пулеметов, лент, винтовок и весь обоз. Числа пленных не помню: если не ошибаюсь, оно было ничтожно мало.

Только что образованный Реввоенсовет республики отметил это доблестное деяние особым приказом.

Остается сказать несколько слов еще об одном направлении, имевшем, как и Онежское, второстепенное значе-

Белогвардейский пулемет.

ние, — о Вельск-шенкурском; этим путем белые могли зайти со стороны Шенкурска в глубокий тыл (к ст. Коноша) войскам, сражавшимся по железной дороге.

Этот участок в начале августа находился в подчинении штаба фронта, а в дальнейшем был присоединен к Архангельскому району в целях установления более тесной связи с Северо-двинским районом.

На этот участок не имелось возможности обратить достаточного внимания и выделить для него мало-мальски крепко сколоченный отряд. Здесь велась борьба преимущественно партизанская. А партизан, как известно, в то время хотел и воевать и с бабой своей на печке лежать.

Линия фронта проходила здесь в первые месяцы между Вельском и селом Благовещенским, причем с. Пайтовское было наполовину в наших руках, наполовину в руках белых. Значительный отпор давала нашим войскам Благовещенская

волость, состоявшая преимущественно из кулаков — „главный штаб белых“.

Если бы в то время было известно, что Шенкурск до 12 августа не был занят белыми, можно было бы, ведя наступление с двух сторон, без особенного труда уничтожить это черносотенное гнездо и защищать Шенкурск. К сожалению, наша связь работала слабо, а наш отряд на этом участке был и численно мал и совершенно недисциплинирован.

Разложение в отряде достигло таких размеров, что когда начальник отряда, т. Ахов, попробовал было подтянуть и усвоить распустившихся, то его уговоры привели к совершенно неожиданным результатам: отрядники сильно избили его самого.

Товарища Ахова пришлось снять и заменить новым начальником, сперва т. Комиссаровым, затем т. Бородулиным, которому удалось довольно скоро ввести дисциплину, но за которого также не мало приходилось беспокоиться: он слишком стремительно рвался в бой, мало считаясь с наличностью своих сил.

Наиболее скудны сведения о самом отдаленном участке фронта — Печорском. Известно только, что в конце августа и начале сентября в Усть-Сысольске сформировался для Печорского края отряд.

В нашем архиве сохранилась телеграмма-донесение из Усть-Сысольска от 6/IX—22 ч. 44 м.: „Секретно, народ. комиссару Кедрову, военная, оперативная. Отряд отправляется на Печору завтра, шестьдесят пять штыков, один пулемет, одно 37-мм орудие, срочно открыт военному совету кредит сто тысяч рублей для военной экспедиции из добровольцев-коммунистов. Нач. отряда Мандельбаум“. Этот Мандельбаум своими жестокими и преступными действиями восстановил против советской власти печорское население, которое даже в 1923 году, в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем. Мандельбаум был предан Рев. трибуналу и понес заслуженную кару.

Офицерская к.-р. организация.

Одна из главных наших задач заключалась в обеспечении полного порядка в тылу сражающейся на фронте армии и, в первую очередь, в самой Вологде.

Бесспорно, что многочисленные враги советской власти не дремали и при помощи подлогов и подкупов, провокации, динамита и восстаний всячески старались разложить советский аппарат.

Но и самое суровое проведение осадного положения не смогло бы принести желанных результатов и заставило бы только контр-революционные организации, имевшие обширные и надежные связи в советских кругах самой Вологды, более осторожно и конспиративно продолжать свою тлетворную деятельность.

В районе Каргополя, где, как мы видели, была проделана кое-какая работа по своевременному оповещению населения и организации разведки, был арестован местными советскими властями б. офицер Харченко, пробиравшийся из Петрограда к англичанам; этот арест послужил первым толчком к раскрытию широкой контр-революционной организации, действовавшей на всем Севере республики.

Доставленный в Вологду Харченко после долгих запирательств показал, что, прежде чем направиться в Архангельск, он получил распоряжение ехать на ст. Дикую (Сев. жел. дор.); там он должен был обратиться на вокзале за дальнейшими инструкциями к некоему лицу, опознавательной приметой которого была золотая пуговица, нашитая на гимнастерку (или шинель). Во избежание недоразумения был установлен дополнительный пароль: сказать 13 — получить ответ 57.

Благодаря этим случайным, отрывочным сведениям, „политотделу“ фронта, которым ведал т. Эйдук, удалось выловить целую группу таких типов и раскрыть всю контр-революционную офицерскую организацию.

Главный штаб этой организации находился в Петрограде¹; отделения — в целом ряде городов, в том числе и в Вологде; а ячейки Вологодского отделения — во многих городах и на станциях Северных железных дорог (Петроград — Вятка).

Помимо уже упомянутой ст. Дикой, были раскрыты ячейки в следующих пунктах: Череповце, Галиче, Званке, Кипелеве и в нескольких селах.

Одна из задач организации состояла в формировании офицерских отрядов — „британо-славянских легионов“; средства на это, видимо, „по неизреченной любви“ к русскому народу, щедро предоставлялись представителями британского правительства. Связующим звеном между английским консульством и офицерской организацией являлся в Петрограде военный врач Ковалевский, который, по показанию белогвардейцев, будучи горячим патриотом (!), возглавлял всю организацию, которая отправляла б. офицеров сперва на Дон, затем на Мурман, а в последнее время на Архангельск.

¹ По компетентному мнению б. контр-революционера, видного члена Союза возрождения России, В. И. Игнатьева, возглавлял организацию, повидимому, ген. Геруа.

В июне месяце был сформирован внушительный легион в Петрограде; члены его мелкими группами и в одиночку были направлены на Мурман в распоряжение английского командования.

Теперь формировался новый легион, на этот раз для Архангельска.

В Вологде, во главе офицерской организации стоял б. председатель Губернской земской управы Н. М. Дружинин, домовладелец, в доме которого помещалось английское консульство.

Когда выяснились все эти данные, были приняты совершенно конспиративно, по соглашению с товарищем Урицким¹ и т. Позерном² следующие меры: Из Петрограда в Вологду был направлен поезд специального назначения под начальством т. Гадло и группы надежных коммунистов. Никто, кроме 2-3 лиц, в Вологде не был посвящен в это дело и не мог знать о прибытии поезда, имевшего отношение к белогвардейской организации. Такая конспирация, безусловно, требовалась, если принять во внимание, что во всех военных и гражданских учреждениях у организации имелись соучастники и друзья-информаторы, так что при малейшей неосторожности весь план ликвидации, несомненно, рухнул бы.

Прибытие „воинского“ поезда, одного из многих, проходивших на „Пермский фронт“, не вызвал никаких разговоров. Так же незаметно, как прибыл, так и отбыл в неизвестном направлении, получив подробные инструкции от Политотдела.

И вот один за другим начали попадать на удочку с блестящей пуговицей-приманкой и зубастые щуки и вертлявые пескарки.

10 августа на ст. Чебсара задержан, совместно с другими, начальник всего направлявшегося в Архангельск белогвардейского „полка“ М. А. Куроченков, б. полковник, б. командир батальона смерти, участник 86 боев. В его вещах найдено множество подложных документов, по которым он проживал (Упатов, Чумаков, Мишин, Кустов и др.).

Интересно привести краткое извлечение из показаний этого смелого белогвардейца:

„... Накануне ареста приезжал Обневский³ и сообщил, что на Дикой неблагополучно и там производятся аресты... В день ареста я заметил прибытие какого-то поезда, причем у меня создалось определенное мнение, для какой именно

¹ Тов. Урицкий состоял председателем Чрезв. комиссии северной коммуны.

² Военкомпет.

³ Один из участников.

цели он прибыл, и мы решили быть осторожными... На обратном пути часа в три ночи нас застали спящими и задержали.

„В день ареста я бежал из поезда, в котором меня сопровождали, при следующих обстоятельствах: утром, 20 августа, в 6 часов утра, я пошел в уборную, часовой же туда не заходил. Я прикрыл за собой дверь и решил бежать. Для этой цели я спустил двойные рамы до половины, пролез в окно и правой рукой оттолкнулся и спрыгнул на насыпь, но так неудачно, что получил перелом левой руки выше локтя. Спрыгнул я с поезда на полном его ходу, причем, по-моему, он делал минимум 50-60 верст в час. Я решил отправиться к себе на родину и направился в какую-то деревню Несвойской волости, где и был задержан“.

Следует остановиться на обстоятельствах, сопутствовавших вторичному задержанию Куроченкова:

Получив в Вологде известие о бегстве арестованного и о том, что все поиски по свежим следам оказались безрезультатными, мы мало надеялись на поимку ловкого белогвардейца. Тем более были поражены, когда дня два спустя получилось сообщение из Несвойской волости о задержании самими крестьянами подозрительного лица со сломанной рукой.

Это лицо зашло в деревню Анисово в первую избу и находящемуся в ней крестьянину прямо заявило: „Я убежал от преследовавших меня большевиков, спаси меня“.

Крестьянин отказался наотрез: „Пойдем в Совет!“

Тогда Куроченков пустил в ход последнее средство, перед которым, он полагал, мелкий хозяйчик не устоит.

Он вытащил пачку денег, укрытую при обыске, и сказал: „Если скроешь меня, отдам тебе вот все деньги — 40 тысяч рублей“ (английские деньги, полученные Куроченковым в Петрограде от Ковалевского).

Но и деньги, ради которых сам Куроченков и К° шли на предательство, не подкупили честного крестьянина. Он доставил Куроченкова вместе с деньгами в волисполком.

Под усиленным крестьянским конвоем арестованный прибыл в Вологду.

Несвойская волость была отмечена в приказе. Из задержанных сумм, „за счет английского короля“, ей было отпущено на культурно-просветительные и партийные цели 5 000 рублей. Выражена революционная благодарность также и неподкупному советскому гражданину т. Александру Савину¹.

Допрос Куроченкова и К° дал богатый материал. В конспирации бывшие офицеры не были искушены и потому

¹ Другие граждане крестьяне, помогавшие задержанию: секретарь Несвойского исполкома Коновалов и двое Сорокиных.

рассказывали все им известное, не смущаясь тем, что своими показаниями разоблачают дипломатические тайны „благородных“ английских джентльменов и всех прочих „генералов“ — вдохновителей этого мерзкого заговора.

План действия у них был таков: сформировать особую армию в 1 000 человек, причем британцы обязались давать деньги, а славяне — поставлять офицерское пушечное мясо, почему армия, видимо, и носила громкое название „британо-славянской“.

Вначале предполагалось при помощи этой армии поднять восстание. Восстание в Вологде было назначено на 8—9 августа¹.

Случайное совпадение: за несколько дней до этого бедные секретари миссий, как мы видели, никак не могли уложить и перевязать свои чемоданы.

За недостатком огнестрельных припасов и оружия, осуществить план не удалось. Куроченков решил ограничиться вербовкой и переотправкой людей небольшими партиями в районы, занятые англичанами, избрав при этом сборным пунктом Архангельск.

Были указаны три пути следования на Архангельск: 1) Путь на р. Вагу, через Кадников, или Вельск, или Северную Двину. 2) Путь по железной дороге до Няндомы, Плесецкой или Емцы, а оттуда, по желанию, в восточном или западном направлении. И, наконец, 3) путь, считавшийся наиболее надежным, от разъезда 33 версты (от Вологды) по следующему маршруту: Кубинское озеро — Уртюга — с. Богородское — д. Андреевская — р. Пунина — Чардинское озеро — р. Свит — Каргопольское озеро в обход Каргополя и далее по р. Онеге.

Расположенные в районе монастыри, в особенности Спасо-каменский монастырь на Кубинском озере, являлись надежным убежищем для белогвардейцев и оказывали им всяческое содействие: предоставляли лошадей и надежных возчиков, предупреждали об опасности, сообщали адреса деревенских кулаков, у которых можно было найти приют в пути и т. д.

Большинство арестованных указывало, что в Вологде они являлись к английскому консулу Гилэзби, который снабжал их деньгами и устраивал на конспиративных квартирах. После бегства Гилэзби и Дружинина и выселения секретариатов иностранных миссий из Вологды, связи белых порвались.

Несмотря на то, что после провала своего вологодского филиала главный штаб организации спешно изменил пароли²,

¹ Показание б. генерала Осташева.

² Золотая пуговица заменена тростью, которой надлежало при встрече салютовать, как шашкой на параде, и установлен двойной пароль: буква „П“, утроенное число месяца и утроенная дата дня.

белогвардейское. дело от этого не выиграло. Измененный пароль очень скоро стал известен Политотделу, что дало возможность окончательно разгромить организацию.

Важно отметить перелом среди широких масс крестьянства в сторону Советов, происшедший вскоре после оккупации и облегчавший борьбу с контр-революцией.

Интересный случай, характеризующий настроение крестьян, записан следователем Плавнеком со слов арестованного Телесницкого, б. морского офицера:

„Выехал я из Петрограда 7 августа с тремя приятелями — Никитиным, Савичем и Потоцким — до разъезда 31 версты... На пароходе ехал по р. Свит с пристани Шлюзы до пр. Баклужи, около Онеги. В деревню Сороки (приход Надпорожье) пришли 3 сентября, в 6 час. вечера, и зашли в избу крестьянина, фамилии не помню: там мы выпили молока и закусили. Хозяин дома спросил меня, куда я пробираюсь, а я ему ответил, что мне нужно спуститься по течению¹.

„Крестьянин предложил купить лодку, и мы сговорились на цене 170 рублей. Потом пришел председатель местного совета, секретарь и еще человека два. Председатель потребовал от нас документы. Мы предъявили наши поддельные документы, которым он, видимо, поверил, но указал, что документы выданы в Вятскую губернию, а здесь Олоонецкая, и поэтому для проезда нужен пропуск. Затем он ушел и сказал, чтобы мы на следующий день явились в волостной совет... Через некоторое время председатель явился снова, объявил нас «именем Революционного трибунала» арестованными и оставил на ночь там же, но сказал, что придет караул. Караул он привел из трех человек и пришел опять сам. Для того, чтобы уйти, мы решили напугать их револьвером, потому что, повидимому, они были не вооружены. Я взял револьвер и сказал: «Товарищи, довольно шутить! Ни с места!». В это время сзади кто-то выскочил и два раза ударил меня саблей по голове. Спереди же меня кто-то ударил по руке. Я выстрелил из револьвера, взяв его в левую руку. После второго выстрела я покинул избу и ушел по направлению к лесу...

„Я лег и вдруг услышал разговор; по голосам узнал, что там товарищи... Никитин перевязал мне голову. Савич забыл компас, в темноте нельзя было ориентироваться, скоро решили, что идти сейчас невозможно, и зашли в первый попавшийся в поле сарай и там сели. Минут через 20 послышались выстрелы с попаданием в этот сарай и крики. Мы решили не сопротивляться. Никитин крикнул из сарая, что мы все сейчас же выйдем из сарая и защищаться не будем, хотя патроны у нас были. Вышли, подняли руки вверх, после чего нас окружили и арестовали“.

¹ Реки Онеги.

Союз возрождения России.

При ликвидации офицерской организации удалось выяснить, что она имела связь с другой организацией, значительно более многочисленной и лучше организованной.

Описанная выше офицерская организация состояла почти исключительно из б. офицеров (сухопутных, морских, летчиков); она открыто преследовала монархические цели, создавалась, как показывали арестованные, „для восстановления русской государственности“ и потому на сочувствие более или менее широких слоев населения рассчитывать, разумеется, не могла. Ее существование поддерживалось искусственными средствами — английским золотом. Задачи ее были просты: организовать восстание в тылу, при невозможности бежать через фронт к англичанам.

Другая организация, „демократическая“, так называемый „Союз возрождения России“, стремилась объединить всех врагов Советской власти, независимо от их партийной принадлежности и социального положения.

В нее входили и „социалисты“ всех пород и помесей, в том числе социал-улубюдки из единственного в своем роде погромного „Единства“, и кадеты, и „беспартийные“ представители торгово-промышленных кругов, и „внепартийные“ кооператоры, и „надпартийные“ царские генералы.

Некоторые члены „Союза возрождения“, б. социалисты — ныне, большей частью, „сочувствующие ВКП (б)“ советские граждане — уверяют, что монархисты не входили в Союз и пытаются всячески откеститься от своих бывших „товарищей“ — соратников.

Но, судя по составу Союза, приведенному одним из виднейших руководителей его, тоже „социалистом“ Аргуновым¹, трудно поверить подобным уверениям.

Как бы то ни было, Союз возрождения и разные монархические союзы и группы работали рука об руку, в тесном контакте.

Такое же содружество установилось в Вологодском районе между Союзом и описанной офицерской организацией: оба пользовались одними и теми же конспиративными квартирами, явками и т. д. Так, ст. Дикая служила в равной мере явочным пунктом и для монархистов и для Союза.

Лицом, сближавшим в Вологде обе организации, являлся все тот же консул Гилэзби, у которого встречались представители обеих организаций. И хотя ему, представителю Британского королевства, больше приходились по сердцу

¹ А. Аргунов, Между двумя большевиками. Paris, 1919, См. выдержки из этой брошюры в прил. № 15.

патриоты-офицеры, но он так же щедро оплачивал и каждую полезную услугу возродителей России, оказанную или по собственной их инициативе, или по его, консульскому, заданию.

Восстание в Вологде также входило в план деятельности „Союза возрождения“. Оно приурочивалось „к моменту появления более или менее серьезной силы из союзных армий“. Вопрос дискутировался на конспиративных собраниях в самой Вологде, и вологжане „умоляли“ воздержаться от всяких выступлений, так как успех был сомнителен, а последствия неудачи будут ужасны. Пример — ярославское восстание. Некоторые, наиболее отчаянные „возродители“ предлагали захватить с кучкой единомышленников хотя бы тыловой уездный город Кадников и вызвать тем переполох и панику на фронте. Но и это, явно авантюристское предложение было отвергнуто.

В общем деятельность обоих союзов (офицерского и „Возрождения“) настолько переплеталась друг с другом, их приемы и средства в достижении единой цели — свержения советской власти — были настолько однородны, что исчезала всякая грань между самым черносотенным монархистом и самым „идейным“ демократом.

Немудрено, что оба союза в равной мере состояли в роли сутенеров у иностранной буржуазии и выполняли ее волю.

Несколько примеров.

Вот признание того же Аргунова:

„С самых первых шагов своей деятельности (т. е. с весны 1918 года) Союз вошел в правильные и частые сношения с представителями союзных миссий, находившимися в Москве, Петрограде и Вологде, главным образом при посредничестве французского посланника г. Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с задачами Союза и его составом и неоднократно выражали свою готовность всячески ему содействовать, вполне разделяя взгляды Союза на задачи как внутренней, так и внешней политики. Между прочим, Союз передал на рассмотрение представителей союзных миссий подробно разработанный проект военной кампании на территории России с участием союзных армий, каковой проект был сообщен за границу...“.

В июле 1918 г. г. Нулансом была полуофициальным путем доведена до сведения СВР и др. нота, в которой почти полностью повторялись положения политической платформы Союза.

Отсюда Аргунов готов сделать вывод, что представители миссий прекрасно воспринимали взгляды Союза и следовали за ним, и не понимает, что Союз являлся послушным орудием в руках империалистов. В самом деле, задолго до того, как родился на свет Союз возрождения, г. Нуланс

высказывал те же мысли, которые приводятся в июльской ноте: „Категорически подтверждалось решение союзников предоставить вооруженные силы для общей борьбы с немецко-большевистскими армиями... Отрицалась всякая возможность соглашения с большевиками, и выдвигался план создания единой всероссийской коалиционной власти в форме директории из трех лиц, действующей безответственно до того момента, пока не соберется ныне существующее Учредительное собрание, которому, однако¹, должна принадлежать крайне скромная роль: санкционировать создавшуюся власть и выработать закон о выборах в новое Учредительное собрание.“

Куда же девалась „вся власть“ Учредительному собранию?!

Если вожаки Союза, как мы видели, обменивались нотами с гг. послами и занимались высокой политикой, оплачиваемой спецставками в иностранной валюте, то рядовые члены Союза обслуживали преимущественно иностранные консульства на условиях тарифной сетки для служащего персонала и, разумеется, с оплатой в советской валюте.

Вот, напр., один из членов и примыкавших к Союзу возрождения, техник Волог. губ. земской управы Тютчев, получил от английского консула Гилэзби в июле около 2000 рублей за составление статистических и экономических сведений по Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой и части Новгородской губерний, хозяевами которых „союзники“ рассчитывали в ближайшие недели стать.

Тот же Тютчев, по заданию Дружинина-Гилэзби, снял копию „какого-то моста, весьма похожего по конструкции на Прилуцкий мост через Вологду“, и за эту „ценную работу“ Гилэзби „отблагодарил“ его еще одной тысячей рублей.

Когда вопрос о восстании в Вологде был снят с очереди, „возродители“, по заданию своих господ, поставили себе две основные задачи:

- 1) вносить разложение в ряды борющейся армии и
- 2) дезорганизовать снабжение фронта.

В этих целях, в каждой боевой части создавались ими ячейки, которые вели контр-революционную агитацию, спекулируя на недостатке продовольствия и обмундирования. Надо ли говорить, что средствами не гнушались; большую услугу в их подлой работе оказывали обман, провокация, подлоги.

Одним из средств „борьбы“, которое систематически пускалось в ход, служил самогон: в течение августа

¹ В полном согласии с руководителями Союза возрождения, — заявляет Аргунов.

и сентября редкий, проходивший через Вологду, эшелон оказывался не споенным. Пьяные дебоши на вокзале, беспечная стрельба, аресты командиров и т. п. были обычными явлениями. Пьяный бунт в Череповце являлся также делом рук эсэровской и всякой прочей сволочи; здесь существовало одно из наиболее обширных отделений Союза возрождения.

Беспощадная борьба с самогонщиками и торговцами спиртных напитков в Вологде, расстрел одного — другого из таких господ прекратил эти безобразия. Запасы спирта в Череповце, насколько помнится, были отправлены в Петроград¹.

Что касается поставленной задачи дезорганизации снабжения, то здесь открывалось для всех контр-революционеров широкое поле деятельности.

К сожалению, учесть работу их „на хозяйственном фронте“ не представляется сейчас возможным, так как для этого потребовалось бы исключить все прочие факторы, влиявшие на фронтовое снабжение: и волокита, царившая в довольствующих управлениях, и саботаж, и крайняя скудость общих запасов в республике, и разруха транспорта. Но там, где результаты работы должны были быть приписаны всецело контр-революционерам, как, например, по разрушению железнодорожных путей и взрыву мостов, можно сказать, что достижения их оказались ничтожно малыми. Кроме взрыва 2-3-саженного моста под Грязовцем, им не удалось причинить никакого другого вреда.

Должен сознаться, что, наблюдая в то время полный хаос в снабжении фронта, я был склонен — и, может быть, не совсем справедливо — возлагать всю ответственность за подобное снабжение исключительно на главные довольствующие управления².

Для полной наглядности работы этих люмпенинтеллигентов, с наглым цинизмом кичившихся своим предательством, приведем показания одного из близко стоявших к „Союзу возрождения“, некоего Якиманского, бывшего в 1917 году мичманом на эскадренном миноносце „Лихой“, командиром которого состоял лейтенант Чаплин.

„Около 10 июля барон Кистер, Степанов, я и еще два офицера, получив по 600 рублей³, выехали в Вологду

¹ Сохранилась копия телеграммы в Петроград т. Зиновьеву в копии комиссару здравоохранения (от 5/IX):

„Можем выслать в Петроград до десяти тысяч (ведер) чистого спирта тчк. Если необходимость у вас большая, телеграфируйте немедленно и высылайте надежную охрану двадцать человек, Череповец, известив вологодскую Центроколлегия т. Ройзенман 3023 Кедров.

² См. телеграмму т. Склянскому, копия ЦИК Свердлову, № 3009, Прил. № 16.

³ Члены офицерской организации продавали себя, как мы видели по 400 рублей; „возродители“ — на 200 рублей дороже.

на английскую службу. Я поехал из любопытства (!!), посмотреть на английскую ориентацию, поехал красно-армейцем.

„В английском консульстве им (т. е. Кистеру и др.) поручили взрывать мосты, мне же предложили подкупить латышей. Я поговорил с латышами обиняком и увидел, что они Совету не доверяют (?) и перевести их на английский меридиан ничего не стоит. Я подумал: была Россия, и армия была 16½ миллионов (?) людей; стала она Советской республикой, и армия ее — 8 латышских полков. Предаются латыши, предается Россия, и я тогда поставил англичанам условие, что если латыши перейдут к англичанам, то я буду начальником латышей, а латышам я скажу, что я их предал и если им будет от этого плохо, то я у них заложник. Это условие было принято, и я начал действовать“.

Однако попытки подкупа командного состава и стрелков 8-го латышского полка в Вологде с треском провалились, причем неудачу арестованный Якиманский объясняет тем, что был окружен немецкими шпионами, относя к шпионам всех сочувствовавших советской власти.

„Поселился я в русской чайной (Московская улица, номера). На другой же день рядом со мной в номере оказались два немецких шпиона, которые очень мною интересовались; я стал разыгрывать дурака-солдата, играл с ними в очко и за это время убедился, что хозяин чайной, его семья, прислуга и жильцы — все немецкие шпионы.

„Переговоры с англичанами я вел через двух лиц. Одно из них, повидимому, Мак-Лорен, отрекомендовался лейтенантом английской службы, но теперь он, по-моему, стоит во главе английской разведки. Другой был Генес-Лоу, б. директор одного из харьковских заводов, как мне говорили, — этот также по части контр-разведки“.

Еще одно интересное сообщение было сделано Якиманским о своем б. начальнике Чаплине, который одним из первых перешел в услужение к англичанам и до переворота жил в Архангельске с английским паспортом на имя Томсона.

Другой, руководитель союза В. И. Игнатьев, рассказывает:

„В бытность мою в августе 1918 года в Вологде, я имел от Союза задание — разложить и сполить 8-й латышский полк, но потерпел полное фиаско. Зато один авиаотряд, находившийся в вагонах на ст. Вологда (вероятно, Костром. авиаг. группы), удалось сполить основательно. Начальник отряда, латыш, готов был идти на всякое предательство, лишь бы ему хорошо заплатили“.

По поводу этого отряда т. Геккер припомнил характерный случай: в первой половине июля он предложил

тому же отряду добровольно ехать с ним на подавление ярославского восстания. Охотников не оказалось. „Мы не можем стрелять в наших братьев (!)“, — был ответ ¹.

Остается только несколько остановиться на истории одного полка, в котором разлагающая работа „Союза возрождения“ увенчалась успехом, — на 3-м нумерном полку.

3-й нумерной полк.

На настойчивые требования подкреплений для фронта, т. Позерн, в разговоре 13 августа по прямому проводу, сообщил, что, в связи с дополнительным призывом трех возрастов, представляется возможным „послать наскоро составленную часть с преобладающим составом бывших солдат, снабженную всем необходимым, также и командным составом (хотя в неполном числе), но часть, требующую обработки и обучения в течение минимум дней десяти-пятнадцати“.

Выбора у нас не было. На получение извне вполне надежной, боеспособной части рассчитывать не приходилось. На других фронтах имелась не меньшая, если не большая, нужда в таких частях. На местные формирования можно было надеяться еще менее ². „Если использовать все лучшие политсилы для работы в полку, может быть удастся сократить указанный срок, — думалось тогда. — Каждый лишний день дорог“.

Согласились.

16 августа по прямому проводу сообщено из Петрограда, что „двумя эшелонами отправлен... 3-й нумерной Советский полк в составе 900 штыков с командами в общем составе 1300 человек“. Для полка было наскоро подыскано и оборудовано помещение монастыря, расположенного на окраине города, и приняты меры к обеспечению полка продовольствием.

Несмотря на все внимание, уделенное полку с первого же дня прибытия, недовольство в нем не прекращалось.

В то время мы не подозревали, что почти весь командный состав, во главе с командиром полка, разукрашенным

¹ К слову сказать, 8-й латышский полк в полном составе принял участие в борьбе с ярославскими белогвардейцами и доказал верность и преданность Советской республике.

² Для характеристики местных формирований можно указать на Каргополь, глухой уездный город, лежащий вдали от жел. дороги и лишенный хороших проезжих путей. Здесь шло формирование дивизиона тяжелой артиллерии. При обследовании, кроме внушительной группы б. офицеров, съехавшихся сюда со всех концов республики, никаких других следов формирования установлено не было.

всеми Георгиями и бесчисленными позументными полосками на рукаве, свидетельствовавшими о заслугах перед престолом-отечеством, находится в тесной связи с „Союзом возрождения“. По сообщению В. И. Игнатьева, в каждой роте имелась довольно значительная ячейка „Союза“.

Поводов для конфликтов было более чем достаточно. И помещение не вполне оборудованное, и голодный рацион, и обмундирование оставляет желать лучшего. По мере сил и возможности вводились кое-какие улучшения и устанавливалось видимое успокоение.

День-два — и опять новый конфликт.

Проверка личного состава полка установила, что целая группа б. офицеров, скрыв свою прежнюю службу на командных должностях, вступила в полк рядовыми красноармейцами. Невзирая на принятые предосторожности, удалось арестовать только несколько подобных „красноармейцев“, большинству же, при содействии командного состава, удалось скрыться.

Попытка ввести в полк надежных товарищей также не дала положительных результатов: каждого нового красноармейца старались изолировать и скомпрометировать.

Между тем, на полковых митингах, на которых выступали тт. Кузьмин, Щербаков, Наумов др., выносились единогласные резолюции о поддержке советской власти и одобрялись принимаемые штабом мероприятия. Создавалось совершенно ложное представление о положении в полку.

Дезертирство с каждым днем росло. Численность полка в течение двух недель уменьшилась с 900 до 700 штыков. Волынка продолжалась. „Возродители“ использовали произведенные в полку аресты б. офицеров, распространив провокационный слух, что уже решено разоружить весь полк и красноармейцев отправить на окопные работы.

На общеполковом митинге эсэровские вожаки внесли предложение не допускать разоружения, выставить у ворот монастыря пулеметы и не подпускать никого к монастырю, — предложение было принято.

Назревала угроза открытого бунта... Начался обстрел проезжавших мимо монастыря повозок... Известие быстро разносилось по городу и вызывало в населении панику.

Нескольким товарищам все же удалось проникнуть в полк и устроить собрание, но они не смогли разредить посеянную провокацией атмосферу недоверия и затаенной враждебности.

Чтобы выбить из рук врагов Советской власти оружие, было пущено в ход крайнее и рискованное средство: полку было предложено взять на себя охрану штаба и всех управлений.

Средство подействовало: большинство красноармейцев убедилось, что они были обмануты. Тем не менее, обманщиков полк не выдал.

Правда, после описанного случая военные занятия пошли усиленным темпом, и на некоторое время наступило успокоение. Все же полк не представлял из себя еще боевой единицы и посылать его в таком виде на фронт было невозможно; ходатайства красноармейцев об отправке полка на передовые позиции вызвали недоверие в нашем штабе, хотя в то время нам не было еще известно, что значительная часть полка была готова перекинуться в бою на сторону белых.

Содержание в Вологде такой численно большой силы создавало для всего фронта серьезные трудности: ни на какую дальнейшую помощь боевыми силами от центра рассчитывать не приходилось. На обращенные ходатайства о посылке подкреплений следовал ответ: у вас несомненный избыток, раз держите 3-й нумерной полк, численностью в 1 300 штыков, в Вологде.

Приблизительно к этому времени (около 1 сентября) происходили напряженные бои под Обозерской. С каждым днем напор противника на Обозерскую усиливался. Все, что возможно было снять с других районов, было брошено на подмогу, но этого было недостаточно, чтобы сдерживать противника. Присылка одного полка обеспечила бы за нами сохранение этого важного узлового пункта.

Наличие у нас в Вологде „3-го нумерного полка“, действительно, не только создавало впечатление о ненужности подкреплений, но давало повод снять с нашего фронта якобы излишние воинские части. Только недоразумением можно объяснить предложение главного командования перебросить на другой фронт „находящийся в глубоком тылу“, в Вологде, 8 латышский полк, в 500 штыков, — единственную воинскую часть, обеспечивавшую спокойствие и порядок.

Горячо возражая против переброски латышского полка, что могло бы нанести непоправимый вред фронту, мы вынуждены были, в конце концов, направить „3-й нумерной“ на Обозерскую.

Тотчас по прибытии на место, полк был двинут на поддержку изнемогавшим в непрерывном бою частям, и в первой же схватке нанес предательский удар красному фронту. Командиры частей и часть красноармейцев перешли к врагу, большинство же беспорядочно бежало с поля сражения и открыло неприятелю фронт. Ст. Обозерская была оставлена, и после недолгой задержки противника в Емде наши части отступили до ст. Плесецкая, которая оставалась неприступной для неприятеля скалой в течение всей войны.

Да, позорную страницу вписал 3-й нумерной полк в историю гражданской войны на Севере.

Станция Плесецкая.

В связи с ликвидацией офицерской организации, мобилизацией буржуазии, массовыми арестами и обысками в Вологде, а также расстрелами видных членов Союза, „возродители“ нашли своевременным приостановить свою работу в тылу и перекочевать на ту сторону фронта.

В. И. Игнатьев в своей брошюре „Некоторые факты и пр.“ (стр. 23) сообщает, что сделал последнюю попытку выступления в Вологде — получить из Петрограда в Вологду „свои“ броневики... „В штабе Кедрова удалось провести эту мысль, и Кедров послал в Петроград соответствующую телеграмму, но Зиновьев ответил отказом...“.

Вся вторая часть цитаты представляет сплошной вымысел. Никаких броневиков не требовалось мной в течение всего пребывания на фронте, — ясно, что и никакого отказа не могло быть.

В. И. Игнатьев дает не лишенное интереса описание своего путешествия к белым¹.

„Пустились из Вологды в Архангельск около 15 сентября. Всех было 18 человек, из них двое — служащие штаба: Геруц, помощник начальника разведывательного отдела штаба фронта, и Вечей, делопроизводитель отдела формирования.“

„На удостоверении Вечей, выданном ему начальником штаба Самойло, были вытравлены имя и фамилия, взамен чего вписано, что «команда из 18 красноармейцев командирована в Кадниковский и другие уезды для поимки скрывающихся в лесах белогвардейцев».“

„Шли ночью берегом р. Вологды, а в следовавшую за отрядом лодку было погружено красноармейское обмундирование и продовольствие.“

„В месте впадения Вологды в р. Сухону переправились на правый берег Сухоны. Здесь находился склад оружия. Вооружившись винтовками и ручными гранатами, пошли в направлении к Кадниковскому тракту. Дойдя до первого селения, потребовали у крестьян подвод. Через Кадников ехали днем и для отвода глаз горланили во всю солдатские песни. Только при выезде из города были остановлены лицом, назвавшимся политконтролером. Предъявленное удостоверение за подписью начальника штаба не вызвало никаких сомнений, и двинулись дальше.“

„Большую часть пути ехали на лошадях, причем, инсценируя погоню за белогвардейцами, местами мчались вскачь.“

„Расспрашивали крестьян, не видали ли белых и где они скрываются, преследуя цель увеличить таким путем численность нашего отряда, но получали в ответ, что таковых здесь не имеется.“

¹ В личной беседе в 1925 г.

„Даже проходя прифронтовую полосу, не принимали никаких мер предосторожности. Лишь в одном из селений (Келлерова Гора) наткнулись на засаду. Однако все кончилось благополучно. Только один — Б. Садков — был убит. Фронт перешли в Благовещенской волости и оттуда направились в Шенкурск и затем в Архангельск“.

Несмотря на то, что вся эта шатия проявила поистине собачью преданность своим господам, англо-французским грабителям, ей не только не устроили торжественной встречи, но принудительно зачислили в славяно-британский батальон для отправки на фронт в качестве пушечного мяса. После долгих хлопот некоторым удалось добиться высоких постов, подобающих их „почтенной“ деятельности в тылу. Например, Игнатьев удостоился от белых „честь“ состоять архангельским правительственным комиссаром.

Так возрождали родину господа, состоявшие наиболее активными членами „Союза возрождения России“.

Мобилизация буржуазии.

Положение на фронте продолжало оставаться напряженным. По непроверенным еще сведениям, в Архангельск за последние дни прибыло до 20 тысяч регулярных иностранных войск и со дня на день надо было ожидать наступления.

При достоверности этих сведений, трудно было бы рассчитывать на успешный отпор с нашими ничтожными силами. Единственное, что было еще в наших силах, — это задерживать слишком стремительное наступление на возведенных заранее позициях, что требовало крупных подготовительных работ.

Не менее важно было очистить, наконец, Вологду от нетрудового и вообще сомнительного элемента, оказывавшего поддержку контр-революционерам.

Объявленная фронтом 20 августа мобилизация буржуазии в г. Вологде, распространенная затем на другие города, одним выстрелом убивала двух зайцев: затрудняла и расстраивала работу контр-революционеров и предоставляла готовую силу для производства срочных окопных работ¹.

Проведение мобилизаций было возложено на Оргмоб (см. выше), исполнительными органами которого служили губернские и уездные военные комиссариаты. Вопрос о мобилизации был согласован также, в общем и целом, с Вологодским исполкомом.

¹ На Архангельском фронте принудительные работы настолько привились, что в 1919 г. Вологда являлась одним из центров, куда направлялись нетрудовые элементы из всей республики.

Практическое проведение мобилизации встретило упорное противодействие не только со стороны самих призываемых, что вполне понятно, но и со стороны многочисленных советских учреждений. Почти каждый призываемый оказывался, по заявлению руководителей той или иной государственной или кооперативной организации, незаменимым сотрудником, изъятие которого неминуемо поведет к катастрофе. За эсэров и меньшевиков вступались ответственные советские работники, даже коммунисты.

Каждый буржуй обязательно „страдал“ такими болезнями, при которых физический труд равносителен смерти и т. д.

В самой Вологде аппарат по проведению мобилизации был подобран надежный, да и то вызывал множество нареканий.

Не то наблюдалось на местах. Здесь пускались в ход и подлоги, и взятки, и что угодно. И не всегда безуспешно.

Сохранившийся в делах доклад члена исполнительной комиссии штаба Северо-восточного фронта, Г. И. Богданова, несмотря на „высокостильный“ язык, рисует верную картину провинциального, мещанского быта¹.

„В день мобилизации буржуазии председатель комиссии, т. Оленчиков, явился в нетрезвом виде, вследствие чего потребовалось немедленное удаление его из комиссии. Затем членом комиссии по вербовке артиллерии товарищем Остен-сакиным² был принесен список лиц из призванной буржуазии; передавая список комиссару товарищу Смирнову, он предложил разрешить принять 5 человек в артиллерийскую часть Олонецкой дивизии. По собранным мною негласным сведениям, лица эти оказались чисто буржуазного интеллигентизма (!) и идеализма (!), почему таковые мною были немедленно переданы на окопные работы“.

Здоровые лица признавались больными.

„Семашко — арендатор чайной лавки — 26 мая был освобожден врачебной комиссией от мобилизации по болезни, но по вторичном освидетельствовании 31 августа, в моем присутствии, был признан годным и здоровым; очевидно, болезнь его была лишь каким-то средством симулирована“.

Другой освобожденный, как не подходящий под рубрику буржуазии, некий Карзин, „желая, очевидно, вознаградить членов комиссии, прислал в таковую 4000 рублей в виде подарка за освобождение его от призыва на окопные работы... Означенный Карзин и деньги были арестованы и переданы в Грязовецкую чрезвычайную следственную комиссию“.

Несмотря на все препятствия, в Вологде было мобилизовано приблизительно 500 человек и приблизительно столько же по уездам (один г. Грязовец дал 102 человека).

¹ Прилож. 17.

² Повидимому, „товарищ Остен-Сакен“ — это б. барон Остен-Сакен.

Сведенная в батальоны и отправленная в прифронтовую полосу, буржуазия служила залогом спокойствия в тылу.

Большие окопные работы были предприняты в первую очередь в двух местах: 1) в Вологодском районе от ст. Сухона, по реке Сухоне и р. Вологде, в целях обороны как Сухонских складов, так и самой Вологды, и 2) в районе реки Емцы.

Для принудительно работающих была установлена не только норма пайка, но и норма дневной работы. „Не работающий да не ест“.

Вскоре после отправки мобилизованных пришлось посетить место работ. На несколько верст протянулась цепь работающих — копали землю, вбивали колья, возводили колючую изгородь.

Среди участников тылового ополчения большей частью встречались полушубки, поддевки и картузы лиц „свободных профессий“ и „незаменимых“, среди которых кое-где мелькали френчи бывших офицеров и чиновников.

На бородатых, оплывших жиром физиономиях не трудно было прочесть плохо скрытую ненависть и злобу.

„Погодите, мол, уже покажем!“.

На задаваемые вопросы нечленораздельно бурчали.

Правда, серое, морозящее небо, и унылая, болотистая равнина, и не вполне уютная квартира в громадной неотопливаемой барже не располагали к беседе и радушному настроению, что и говорить... Но, по сравнению с фронтовой жизнью красноармейцев, положение их было все же куда завиднее.

Поездка убедила меня лишь в одном: что мобилизация проведена правильно и что действительно изолированы наши классовые враги.

Бои на Двине.

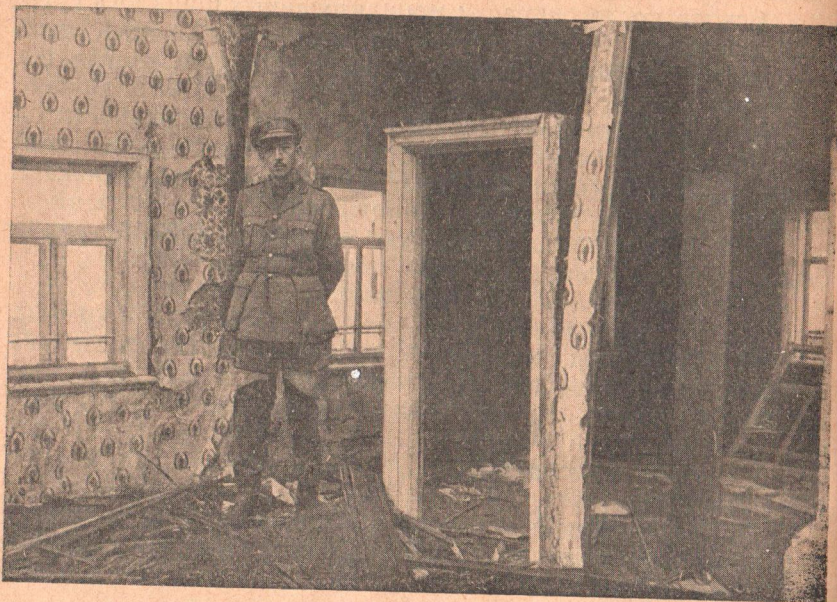
После „генерального сражения“ на Двине, кончившегося с большим моральным плюсом в нашу пользу, т. Павлин отошел и устроил свой штаб в Сельце — пункте, к слову сказать, не отмеченном на военных картах.

О непрерывных боях, которые велись в течение августа месяца, сохранился в нашем архиве только единственный документ — доклад Ст. Попова, написанный им тотчас по возвращении с фронта в Вологду. Донесения Павлина, относящиеся к этому периоду, переданные в штаб, насколько удалось выяснить, утрачены.

Тов. Ст. Попову удалось довольно точно восстановить боевую картину указанного периода (с 12 августа до первых чисел сентября), и описание дается с его слов с несущественными изменениями.

В Сельце в распоряжении Павлина имелось всего три боевых парохода. Пароходы у противника были хуже наших, но вооружение лучше: трехдюймовые орудия, в то время как мы имели 37-миллиметровые. Были у них и гидропланы. Пароходы стояли в Тулгасе.

В 3-4 верстах от Сельца на правом лесистом берегу, повыше дер. Троицы, нами было установлено несколько маклиновских орудий и пулеметы. Охрана состояла из десятка матросов.

Разрушенный белогвардейцами дом в дер. Сельцо.

В целях заманить противника и обстрелять его фланговым огнем, отдан приказ т. Линдеману идти на „Могучем“ к Тулгасу, „раззадорить“ противника и, пользуясь преимуществом в ходе, вызвать его к Сельцу.

Расчеты удались: противник действительно начал преследовать „Могучего“, который подавал ложные позывные сигналы о помощи. Когда противник поравнялся с местом засады, орудия открыли огонь и, поддержанные огнем пароходов, вызвали у противника большое смущение. Большого ущерба наши „маклиновки“ нанести, конечно, не могли, но очевидцы-матросы утверждали, что на одном пароходе возник пожар. Противник более чем поспешно вернулся в Тулгас. Мы его не преследовали, так как у него было там еще несколько пароходов, не принимавших участия в бою, и развить наступление мы не могли. „Напугали“ — и баста.

После того, как противнику стало известно расположение наших сил, следовало бы произвести перегруппировку и в первую очередь перебросить в другое место артиллерию. Павлин же настоял на том, чтобы „маклиновки“ оставить попрежнему на берегу, считая, что противник не подумает, что красные пойдут на это. Хотели взять его на арапа.

Расчет не оправдался. Среди крестьян д. Троицы нашелся предатель, который указал противнику и место расположения артиллерии и как к нему пробраться.

На утро (15 или 16 августа), действительно, наш пароход, несший сторожевой пост под д. Яковлевской, свистками сообщил о движении противника. Два наших парохода направились к береговой батарее. Противник на виду у нас высадил на правый берег отряд пехоты, силой от 50 до 100 штыков, который, поднявшись на гору, пошел в обход батареи. Одновременно неприятельские пароходы начали обстрел наших судов. Закипел бой. Маклиновки не могли соперничать с трехдюймовками и быстро сдали. Очень беспокоил нас гидроплан противника.

Наши суда делают один за другим круги по широкому плесу реки, и под обстрелом противника команды торопятся разобрать и исправить орудия, почти все пришедшие в негодность.

Наконец, удалось опять открыть огонь. Неприятельские суда остаются на месте, выжидая, повидимому, захвата нашей береговой батареи.

Обеспокоенные тем, что огонь с нее прекратился, мы решили послать разведку. Но не успела последняя приблизиться к берегу, как оттуда раздалась по пароходу пулеметная стрельба. Стало очевидным, что батарея уже в руках противника.

С начала боя прошло уже 2-3 часа. За это время наша база, состоявшая из тихоходных вспомогательных пароходов и баржей, успела сняться и подняться вверх к Пучегу. После того отступили и боевые пароходы. Хотя противник, дойдя до Сельца, дальше идти не решился, мы не считали возможным удержать Пучегу и отступили к Нижней Тойме,

Тов. Ст. Попов, председатель Губисполкома.

а затем до Петропавловского монастыря—конечного пункта нашего отступления за весь период гражданской войны.

Соотношение сил продолжало оставаться не в нашу пользу, и мы с нетерпением ждали из Котласа трехдюймовок.

В Котласе в это время находился уже т. Геккер, и снабжение отряда постепенно улучшалось. Теперь хлеб получали уже сверху, а то раньше отряд кормился тем, что собирали у крестьян окрестных деревень да доедали остатки эвакуированных из Архангельска продуктов.

Наконец, около 20 августа прибыли 2 трехдюймовки, но без снарядов.

Пришли, наконец, и снаряды.

День-два спустя подошли солидные подкрепления: отряд матросов из Ленинграда, 800-900 штыков, отряд путиловцев и дивизион артиллерии, что позволило снова перейти в наступление.

В ближайшие дни была занята Пучега, вслед за ней и Сельцо.

Новое наступление отличалось от предыдущих тем, что оно не ограничивалось одними операциями судов, но велось и сухопутными частями на обоих берегах Двины.

Отряд матросов с одним-двумя орудиями занял на левом берегу с. Вознесенское, на правом берегу путиловцами взята верхняя деревня Борецкой волости¹.

Речная флотилия продвинулась вниз и находилась в 3-5 верстах выше Пучеги.

С неимоверными трудностями удалось занять на правом фланге позиции для двух трехдюймовых орудий. Прямо с баржи, в буквальном смысле на руках, были они подняты на гору.

Всю ночь кипела работа. До рассвета оставался какой-нибудь час... Не успеть,—все дело погребло бы, так как только темная ночь скрывала его из виду неприятеля.

Напрягая последние силы, бойцы выполнили задачу.

План заключался в том, чтобы отрезать путь отступления противнику по реке, так как водруженные на горе орудия могли свободно обстреливать всю реку, которая представляла единственный путь отступления для противника.

С рассветом началось наступление. Настроение было бодрое, уверенное—особенно рвались в бой моряки, на долю которых выпала задача занять Пучегу.

И вдруг мы получаем сообщение, что противник, перейдя в наступление на правом берегу, захватил артиллерию.

Несмотря на то, что известие это парализовало действия флотилии, натиск моряков был так велик, что даже без поддержки флотилии Пучега была взята ими с первого удара.

Противник сразу же погрузился на суда и утек к Сельцу. К этому времени выяснилось, что сведения о захвате артиллерии были провокационными. Отступавшие к Сельцу суда были обстреляны нами, причем один неприятельский пароход выбыл из строя и был уведен на буксире.

Разбитое село Сельцо.

Без боя мы вошли в волость Борецкую (до церкви) и Сельцо, где закреплялись в течение нескольких дней: рыли окопы, с прикрытием от огня.

В ближайшие дни мы намеревались возобновить наступление, но одно, на первый взгляд маловажное, обстоятельство резко изменило все положение.

У противника в это время (приблизительно 25 августа) появилась канонерка, вооруженная, по словам перебежчиков, шестидюймовыми орудиями.

„10 газовых (химических) снарядов“ канонерки оказались решающими—возникла паника, которую с трудом удалось остановить. Были оставлены Сельцо, Пучега. Штаб мы снова видим в Нижней Тойме.

Дальнейшее отступление приостановилось лишь благодаря приходу из Котласа железной баржи, вооруженной двумя 120-миллиметровыми дальнбойными орудиями.

Воспрянули упавшие духом бойцы. Теперь уже не отступим! Будь что будет!

Наступление было связано с большими трудностями. Противник получил за это время большие пехотные подкрепления и отчаянно защищал каждую деревню.

Около 27-28 августа вновь заняли Сельцо, затем Яковлевское, Тулгас по левому берегу, Борецкую волость и Троицу — на правом.

Посланные из Котласа около 20 буксирных пароходов позволили произвести смену некоторых изрядно потрепанных судов и дать отдых командам. В Сельце застигла нас тяжелая весть о ранении т. Ленина.

Некоторое превосходство в артиллерии дало нам возможность развить более энергичное наступление, выбивая противника с занимаемых им новых и новых позиций. Продвижение вперед, однако, сильно задерживалось тем, что приходилось постоянно производить переброски пехоты с одного берега на другой.

Около 4-5 сентября наши части на левом берегу подошли к самому устью Ваги.

Героическая смерть Павлина.

Из доклада т. Попова, а также донесений самого т. П. Виноградова видно было, что, благодаря невероятному напряжению и бессонным ночам, Павлин выбился из сил и нуждается хотя бы в кратковременном отдыхе.

Все чаще рупор, с которым командующий флотилией не расставался, стал гулять по головам провинившихся и мало расторопных.

Глухое недовольство против него копилось изо дня в день.

Но кем заменить его, завоевавшего в короткий срок бесспорный авторитет, сумевшего ввести железную дисциплину и внушить противнику страх и уважение к себе?

Тов. Геккер, о котором упоминает Ст. Попов в своем докладе как о желательном заместителе, был генштабистом и кавалеристом старой армии, и его опыт мало мог пригодиться в речных боях, да и сам он не выражал особого желания оказаться в роли командующего речной флотилией.

Но медлить с заменой Павлина не приходилось.

Когда наши части дошли до Ваги, на смену т. Виноградову был послан т. Макаров, а Павлин извещен, что его просьба отдохнуть удовлетворена.

Неизвестно, дошло ли до него наше извещение, или же он не решился сдать должность и возложить ответственность за дело, которому он отдал все, прибывшему новому

товарищу, не испытав его предварительно, или, может быть, в последний момент почувствовал, что не в силах расстаться и уйти от тяжелой, но безумно-прекрасной боевой жизни...

Только еще одну операцию хотел провести т. Павлин — закрепить за нами треугольник, образуемый течением Северной Двины, устьем р. Ваги и линией, соединяющей с. Чамовское с с. Усть-Важским.

Братская могила.

С отрядом моряков он двинулся от Чамовского и достиг правого берега Ваги, где на противоположном берегу расположено с. Усть-Важское. Ниже по Ваге, в нескольких стах сажень, светились огни неприятельских судов.

На самом берегу, у часовни, где были сложены в штабелях бревна, в узком пролете между часовней и бревнами, Павлин поместил „маклиновку“ и начал обстрел неприятельских судов.

Завязался бой.

Очень скоро место нахождения нашего орудия было нащупано противником, и снаряды начали рваться в непосредственной близости от него.

Один из снарядов ударил в штабель и разбросал бревна. Осколок взорвавшейся гранаты попал в лицо

Павлина и кончил его славную жизнь¹. То было 8 сентября.

Погиб Павлин, но дело, которому служил и отдал он жизнь, победило и будет жить вечно. И не забудется в памяти миллионов имя бесстрашного вождя в борьбе за советский Север².

Жизнь в поезде.

Имея в своем составе группу преданных партийцев и видных специалистов, Советская ревизия пользовалась авторитетом как в советских кругах, так и в широких слоях населения. Укреплению авторитета не мало способствовало поддержание внутри ее дисциплины и строгого режима в то архиголодное и распущенное время.

Несмотря на то, что многим сотрудникам приходилось работать днями и ночами³, строго соблюдался установленный для всех следующий пищевой рацион:

„Для красноармейцев Ревизии: хлеба — 1 ф., мяса — $\frac{1}{4}$ ф., крупы — 32 зол., сахару — 2 ф. в месяц, чаю — $\frac{1}{8}$ ф. в месяц, масла — 6 зол. Для сотрудников — хлеба $\frac{1}{2}$ ф., остальные продукты по нормам красноармейцев. С сотрудников за довольствие высчитывается по 5 руб. в сутки“⁴.

Сотрудникам запрещалось приобретать хлеб на вольном рынке, в связи с существовавшей в то время продразверсткой и производить какие-либо товарообменные операции, вроде мены махорки на молоко и т. д.

Всякие полочки продуктов или предметов широкого потребления от местных продкомов преследовались.

Иногда даже лучшие, наиболее дисциплинированные работники не выдерживали мучительного голода, бежали на рынок и бывали крайне сконфужены, когда при возвращении с купленной краюшкой черного хлеба натыкались на меня.

От сухой, неаппетитной, порой недоброкачественной пищи у части сотрудников появлялись гастрические заболевания.

¹ Некоторые товарищи высказывают предположение, что Павлин был задавлен бревном, из-под которого его извлекли.

² Тов. Павлин похоронен в Ленинграде. Представителем на похоронах от Архангельского губисполкома был т. Черкасов. В Вологде мне довелось видеть прах товарища. На щеке (кажется, правой) место ранения представляло резко ограниченную дугообразную черту, которая могла быть вызвана осколком шрапнели.

³ Официальный распорядок работ был следующий: от 10 до 17 часов работа секций в ревизуемых учреждениях; с 18 до 21 час. обработка собранных сведений и составление письменного доклада; с 21 до 24 час. доклады секций и обсуждение плана работ для следующего дня (приказ № 2). В действительности, работали больше.

⁴ Приказ № 2, § 7 от 28 мая 1918 г.

Пшеничная каша изо дня в день, в течение месяца, приводила в ярость таких больных. Зав. артиллерийской секцией Сидоров, страдавший хроническим запором, не вытерпел и бросил однажды тарелку с кашей в поваря, разразившись неистовыми ругательствами. Так как он сам осудил свой поступок и принес без вины виноватому извинение, никаких дальнейших последствий инцидент не имел.

Один маленький случай хочу привести для характеристики нашего фронтового быта:

Ко мне в вагон часто заходил в Вологде т. Ройзенман, который руководил эвакуацией грузов из прифронтовой полосы, в качестве председателя так называемой Центроколлегии.

Однажды он зашел ко мне вечером, вскоре после того, как роздали хлебный паек для следующего дня. Ломоть хлеба лежал у меня на круглом столике в рабочем салоне. Увлечшись разговором, Ройзенман машинально отламывал кусочек за кусочком. Он, коренастый мужчина, голодал на казенном пайке, наверное, больше других.

Вскоре я обратил внимание, что от пайка осталась одна корка. Выразил т. Ройзенману неудовольствие. Кто-то из присутствовавших товарищей более резко накинулся на него.

Борис Ройзенман совсем расстроился, чуть не плакал. Ему, с щепетильностью относившемуся всегда ко всяким излишествах, казалось глубоко обидным подобное отношение. „Неужели же нельзя было достать лишний кусок хлеба?“.

Да, нельзя было. И не в скарденности здесь дело. Следует подчеркнуть, что основное ядро сотрудников не за страх, а за совесть проводило равный для всех голодный режим и, отказываясь от каких-либо для себя привилегий, горячо реагировало на всякие отступления, которые таили в себе зародыш разложения. Такие случаи становились широко известными и вызвали справедливые нарекания.

В желании быть сытым, что говорить, нет преступления, но когда кругом царит голод, то лишнему куску хлеба приходилось придавать большее значение, чем в обычное время.

Суровый режим имел одну положительную сторону. Служба в Ревизии не могла рассматриваться как теплое, сытое местечко. И те, кто поступали, руководствуясь подобными соображениями, очень скоро под благовидным предлогом исчезали от нас.

Не ужились и контр-революционные элементы, которые „по рекомендации“ пролезли в состав Ревизии и в течение первой поездки поспешили унести свои ноги.

То были б. полковник Параделов, эсэр, имя которого фигурировало в большом процессе эсэров в 1920 году, и бежавший в пути б. офицер Никольский, у которого своевременно заболела тетка в Ленинграде, куда он и укатил.

Дольше других держалась в Ревизии только одна хитрая шельма — Н. Н. Сучков, „выдающийся“ оратор, организатор, знаток финансового дела.

С громадным показным увлечением и энергией проводил он целый ряд мероприятий в надежде сделать блестящую советскую карьеру. Избранный в председатели Арх. горсовета, мнил себя уже членом ВЦИК, а там народным комиссаром финансов; всюду пролезал; несколько раз был у т. Троцкого.

— У вас Сучков — типичный авантюрист, — предостерег меня раз Лев Давыдович.

И у меня самого имелось несколько фактов, подтверждавших правоту мнения т. Троцкого. Отношение мое к Сучкову изменилось. Он понял. Начал интригу против меня и вовлек в нее нескольких ответственных работников. Его роль была разоблачена, и карьера сорвалась.

Все же ему удалось пролезть в партию и стать комиссаром военной школы маскировки.

При наступлении Деникина (1919 г.) на Москву он поставил карту на белых и принял участие в заговоре против Советов. Ему снова снилось кресло министра, но теперь уже в правительстве Деникина.

Но и тут сорвалось... В июле 1919 года Сучков, по постановлению ВЧК, расстрелян.

Вождь Красной армии.

Заканчивая „воспоминания“, считаем необходимым подчеркнуть одно обстоятельство: если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходного и по численности и по технике противника и расстроить его планы, если удалось спаять все разрозненные, партизански действующие отряды в одну армию (6-ю), которая в дальнейшем покрыла неувядаемой славой свое имя и на Северном фронте и впоследствии на Перекопе, то в этом прежде всего заслуга Центрального комитета нашей партии в лице наших вождей, т. Я. М. Свердлов и в особенности Владимира Ильича.

Задача, несмотря на господствовавшую в то время растерянность и разруху, была выполнена, так как чувствовалась могучая рука и поддержка великого кормчего советского корабля.

Выше мы видели, насколько положение фронта определялось ничтожным перевесом в технических средствах. Лишнее оружие, лишний снаряд, гидроплан и пр. решали в первый период войны исход сражения.

Выше упоминалось также, как неудовлетворительно шло снабжение из центра. Притом все внимание военных руководителей было сосредоточено на Казанском и других боевых участках, а на нового врага, повисшего где-то на ж. д. путях, как на „кишке“, в непроходимой архангельской тундре, обращалось мало внимания. А снабжение — это все.

Ильич придавал должное значение новому фронту...

В письме т. Берзину от 3 августа 1918 г. т. Ленин писал ¹:

„Здесь критический момент: борьба с англичанами, и чехо-словаками, и кулаками. Решается судьба революции. Ваш Ленин“.

Он уделял из скудных боевых запасов республики малую толику и нашему фронту.

Тов. Муралов в своей статье „Нас учил“ ² рассказывает об одном эпизоде, имевшем место вскоре после падения Архангельска:

Тяжелая артиллерия, которую Владимир Ильич приказал в критический момент повернуть с пути и направить на Сев.-вост. фронт, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми огнеприпасами от уничтожения и предопределила исход кампании не только на Севере, но, в известном отношении, и судьбу всей гражданской войны.

Владимир Ильич не оставлял без внимания ни одного, даже специально военного вопроса. Так, он запрашивает по поводу затопления судов в Архангельске, посылает и дает инструкцию разведчику, не упуская из виду возможности занятия Вологды; обеспечивает подрывниками Котлас, предвидя неблагоприятный оборот событий; дает толчок и требует безотлагательного устройства заграждений на водных и ж.-д. путях на случай движения англо-французов большими массами ³.

¹ Я. Берзин, Из воспоминаний о В. И. Ленине, „Правда“, 21/1 — 1925 г., № 17.

² В сборнике „Крестьянской молодежи о войне и Красной армии“, „Кр. Новь“ 1924 г.

³ Некоторые высокие военачальники и партийные бюрократы не выносили обращения к Владимиру Ильичу, минуя обычное рапортование по команде.

В качестве иллюстрации приводится „обмен нотами“ с одним ответственным партийцем, тотчас после ранения Ильича.

„Вологда Кедрову, копия Арзамас Главком Вацетис 1523. Обращаю ваше внимание на незаконность донесений в центр непосредственно т. Ленину помимо Главком Вацетиса, Оперода и Высосовета точка Москва 31 августа № 2635 А“ (См. продолжение примеч. на стр. 184).

Москва, Кремль.
1912 г.

Но какой кави?
 Какие игуары? ^{и.д.} Alphereon
 подрубившими (Евм. Велурат
 графеид антро-гр. бол.
 илмис ишамис илс Велурат
 и илурелмис. сердечис Тома?

Ваше имение, куда
является, и что
именно) сообщу, без
уведомления, изредка среди
дней. и т. д. и т. д.

Diospyros leucophaea
(Hedyotis) *Alois-Baptista*
onacrispis? *Kapitelbuch*
Lepid., edn. *Piper* *Held*
upon *large* *clashes* *with*
Kapitelbuch

Gratz! Arthur.

Вот письмо Владимира Ильича, написанное 29 августа т. е. накануне дня ранения.

„Тов. Кедров. Вы мало сообщаете фактического. Присылайте с каждой оказией отчеты.

„Сколько сделано фортификационных работ?

„По какой линии?

„Какие пункты ж. д. обеспечены подрывниками, ч-бы в случае движения англо-фр. большими силами мы взорвали и разрушили СЕРЬЕЗНО ТАКОЕ-ТО (какое именно, надо дать отчет и где именно) мостов, верст жел. дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

„Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

„Привет! Ленин“¹.

Был момент, когда предательская пуля готова была дать торжество белогвардейцам...

Помню день, день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича...

Дрогнул фронт...

Но то был миг.

И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва:

„Отомстим. Победим“.

Ошиблись враги. „Ленин будет жить — такова воля пролетариата“².

Он, и раненый, оставался тем незримым вождем Красной армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в архангельской тундре, и в сибирской тайге, через пески и дебри, через огонь и воду вел красные полки в бой, к верной и славной победе.

„Москва А. копия Наркомвоен Склянскому 2635 Оперативные официальные сводки посылаются ежедневно по всем адресам точка Тов. Ленину посылались частные сообщения согласно выраженного им желания точка Даже с бюрократической точки зрения нельзя усмотреть здесь ничего незаконного тчк Другое дело, если сам т. Ленин считает посылку сведений ему ныне излишней тчк Прошу т. Склянского ответить 3007 Кедров“.

¹ Последний абзац письма является ответом на письма тт. вологжан, которые жаловались Ильичу на меня за беспощадную борьбу с к.-р. Они высказывали опасение, что благодаря „кедровщине“ может вспыхнуть в Вологде восстание, которого они до сих пор сумели избежать.

Иного мнения держались сами к.-р. „Вследствие репрессий по отношению к Вологде, массовых арестов, поквартальных обысков и облав... было решено выступление в Вологде не организовывать, работы в ней „Союза возрождения“ ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова“ (Игнатьев, Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны, ГИЗ, 1922, стр. 23).

² Слова ленинградских рабочих.

И даже смерть в бессилии отступила перед гением Ильича.

Лежа в гробу, он продолжает учить, руководить и собирать вокруг себя все новых и новых бойцов. И наступит момент, когда великий вождь поведет миллионную рать пролетариев и угнетенных народов на последний штурм мирового капитализма.

Приложение № 1.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О РЕВИЗИИ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.**

18 мая 1918 года.

I. Совет Народных Комиссаров в обеспечение полноты успеха ревизии военного хозяйства, порученной приказом Народного Комиссариата по военным делам от 12 сего мая, за № 367, товарищу Михаилу Сергеевичу Кедрову, постановил: поручить т. Кедрову производство попутного, особенно в случае обнаружения при ревизии каких-либо дефектов организации или злоупотреблений, обследования также всех прочих отраслей деятельности и организации местных советских учреждений.

II. Производство ревизии возлагается на т. Кедрова, которому предоставляется право приглашать необходимый штат сотрудников, а также привлекать лиц администрации к выполнению отдельных поручений.

III. Все заинтересованные народные комиссариаты Российской Социалистической Федеративной Республики имеют право делегировать в комиссию т. Кедрова по одному представителю, по соглашению с которым будут приниматься в случае необходимости меры, касающиеся соответствующего комиссариата.

IV. Все учреждения, в том числе и судебные и отдельные лица, должны оказывать ревизии всемерное содействие и беспрекословно подчиняться распоряжениям ревизии, клонящимся к выяснению положений дела, устранению беспорядков и преступлений, восстановлению нормального хода государственно-общественных дел, изобличению виновных.

V. По выполнении ревизии т. М. С. Кедров обязывается отчетом перед Советом Народных Комиссаров.

Председатель Всероссийск. Центральн. Исполнит.

Комитета Советов Я. Свердлов.

Председатель Сов. Народн. Комисс.

Вл. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по военным

и морским делам Троцкий.

Председатель ВСНХ А. И. Рыков.

Народные Комиссары:

Г. Петровский, К. Ландер, А. Цюрупа.

Управляющий Делами Совета Народных

Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь СНК Горбунов.

Приложение № 2.

**ЗАМЕТКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В С.-Р. ГАЗЕТЕ „ВОЛЬНОЕ СЛОВО“
№ 3, ОТ 23 ИЮНЯ 1918 года**

Арест гласных.

Как известно, по постановлению Кедровской ревизии, городское самоуправление, как „не соответствующее духу и организации советской власти“, распушено и большинство гласных посажено в тюрьму. Предлогом для роспуска думы послужил выпуск (? М. К.) управой купонов городского займа.

Большинство арестованных принадлежит к социалистическим партиям.

В настоящее время находятся в заключении следующие гласные: Макарьин, Квятковский, Коняков, Старцев, Рублев, Лейбсон, Самсонов, Бугрим, Белоозеров, Данилов, Кувакин, Успенский, Кошкин, Постников, Кренев, Георгиевский, Патрушев, Чураев, Черепанов, Голяховский, Сухар, Тимошенко, Катель, Бушков, Шмакова, Мартынова, Паперна, Бродницкий, Барткевич, Мошанский, Зуев.

20 июня был допрос гласных.

Арест Комитета С.-Д.

В ночь на 21 июня в квартире Р. Н. Дмитриева арестован Архангельский Комитет РС-ДРП (меньшевиков).

Ордер об аресте исходит от Советской Ревизии М. С. Кедрова.

Закрытие газ. „Северный Луч“.

В связи с арестом комитета с.-д. закрыта навсегда газ. „Северный Луч“. Передают, что отдано распоряжение об отобрании „Северного Луча“ от газетчиков и из киосков.

Приложение № 3.

ПРИКАЗ РЕВИЗИИ НАРОДНОГО КОМИССАРА М. С. КЕДРОВА.

№ 147.

24 июня 1918 года. Гор. Архангельск.

В виду незначительных хлебных запасов в городе Архангельске устанавливаю с 1 июля сего года следующую норму хлебного пайка

Для лиц, не занимающихся физическим трудом, $\frac{1}{2}$ фунта, для рабочих и красноармейцев — 1 фунт в день. Военным учреждениям руководствоваться приказом Народн. Комиссариата по военным делам за № 396, от 20 мая сего года.

(подпись).

Приложение № 4.

Секретно.

ПРИКАЗ РЕВИЗИИ НАРОДНОГО КОМИССАРА М. С. КЕДРОВА.

№ 103.

18 июня 1918 года. Гор. Архангельск.

(По финансовой секции).

В виду того, что выпущенные архангельским отделением государственного банка денежные знаки-чеки, являясь заранее загото-

вленными вкладными, на предъявителя, билетами, представляют собою как не проведенные через баланс Ц. управл. Государственного банка значительную опасность для местного отделения Государственного банка в случае их утраты, предписываю:

1) Поставить все выпущенные в обращение, находящиеся в кассе банка денежные знаки-чеки на кредит счета Ц. у. Гос. банка, впредь до дальнейшего распоряжения последнего.

2) Срочно сдать в Ц. у. Гос. банка всю находящуюся в г. Архангельске наличность этих чеков, за исключением упомянутых в п. 1-м.

3) Предоставить Ц. у. Гос. банка приемку от типографии „Голике и Вильборг“ в Петрограде напечатанных для архангельского отделения Гос. банка денежных знаков-чеков и

4) Арханг. отдел. Гос. банка в дальнейшем получать упомянутые чеки от Ц. у. Гос. банка на основаниях, последним устанавливаемых.

(Подписи).

Приложение № 5.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Настоящим доводим до всеобщего сведения нижеследующий приказ народного комиссара М. С. Кедрова:

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА М. С. КЕДРОВА. № 134.

22 июня 1918 года. Гор. Архангельск.

Приказываю:

1) Ввести в районе всего Архангельского порта и города военное положение.

2) Командующим сухопутными и морскими силами в этом районе временно назначаю начальника штаба Беломорского военного округа, генерального штаба Самойло; при нем политического комиссара от местного Исполкома Т. Р. Куликова; кандидата от Губисполкома представить мне на утверждение.

3) Командующим флотилией Северного Ледовитого океана назначаю временно начальника военно-морского отдела Целедфлота Викорста (Положение об управлении Балтийским флотом), политического комиссара от Целедфлота т. Сем. Матвеева.

4) Теперь же принять все меры к приведению сухопутных сил в боевую готовность, а командующему морскими силами привести в такую же готовность флот и батареи.

Подписал: народный комиссар Михаил Кедров.

Со своей стороны вышеприведенный приказ дополняем следующим разъяснением:

Объявленный на военном положении Архангельский район включает в себе территорию, ограниченную линиями: от северной оконечности острова Мудьюг на оз. Ижемское, ст. Исакогорку (включительно), оз. Кудьмозеро и селение Солозское.

Объявляя изложенное, вместе с сим обращаемся к населению Архангельского района с призывом сохранять полное спокойствие и уверенность, что нами будут приняты все возможные меры к ограждению интересов мирного населения.

Командующий сухопутными и морскими силами
генерального штаба Самойло.
Комиссар Ф. Куликов.

Приложение № 6.

НОТА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ К. РАДЕКА СТАРШИНЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА В ВОЛОГДЕ, АМЕРИКАНСКОМУ ПОСЛУ ФРЭНСИСУ от 17/VII—1918 г.

Милостивый Государь,

В виду того, что я вызван срочно в Москву и уезжаю сегодня в 4 часа пополудни и хотел иметь честь прощаться лично с вами, я, к сожалению, принужден отказаться от удовольствия высказаться лично перед отъездом мои чувства глубокого уважения к вам и представляемой вами нации, так как вы могли бы — как известил по телефону ваш секретарь — меня принять только позже. Я позволю себе сделать это письменно.

По вопросу, который составлял цель моей поездки, Комиссариат по иностранным делам снесется с вами телеграфно, и я выражаю надежду, что в скором будущем мы будем иметь удовольствие приветствовать вас и весь дипломатический корпус в столице рабоче-крестьянской Советской Социалистической Республики.

Мною переданы местным властям точные инструкции для защиты вашей безопасности, насколько таковая может быть ограждена в этом городишке. Эти инструкции сводятся к следующему:

Караулам будет вменено в обязанность бдительно следить за лицами, проходящими мимо посольства. Членам посольств будут выданы Губернским исполнительным комитетом дипломатические удостоверения личности. Вашей русской службе и торговцам будут выданы, по вашему удостоверению, местной властью пропуска в посольство; равным образом и русским гражданам, которые удостоятся ваших приглашений в посольство, будут выдаваться по всякому вашему извещению Исполнительным комитетом пропуска на определенный срок.

Учрежденная в Вологде Чрезвычайная комиссия для борьбы с контр-революцией будет руководить охраной вашей безопасности. Нам очень неприятно, что идиллическому вашему пребыванию в Вологде должен уступить место более регламентированный быт, но и в странах ваших война такую регламентацию сделала необходимой, мы же в России находимся в неустанной войне на всех фронтах.

Ваши сношения с вашим правительством прерваны английским десантом на Мурмане. Мы постараемся наладить их через радиостанцию в Москве. Я прошу все ваши телеграммы направлять вашему уполномоченному в Москве, от которого мы их будем получать для дальнейшей отправки по радио.

Примите, Милостивый Государь, еще раз выражение моего глубокого почтения к Вам и к возглавляемому Вами Дипломатическому Корпусу.

Представитель Народного Комиссариата по Иностранным
Делам К. РАДЕК.

Приложение № 7.

Шифрованная телеграмма. Получена 26 мая 1918 г.

Москва 325 489 57/8/49 25/5 21 35

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Вологда.

100 Мая 25. 1 пополудни. Для Колтона. Халсей указывает, что было бы хорошо принять меры к исправлению впечатлений, видимо существующего в известных коммерческих и военных британских кру-

тах, что за программой Американского христианского союза молодежи скрываются (возможны) коммерческие мотивы. Было даже сообщено, что некоторыми из этих людей были показаны образцы. Халсей сообщил это и Хиббарду.

Пуль.

Приложение № 8.

Копия.

ПРЯМОЙ ПРОВОД.

**МОСКВА ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ.
ПЕТРОГРАД ТРОЦКОМУ, ПОЗЕРНУ, ГИТТИСУ, БОГАТИНУ.**

Остров Мудьюг после обороны пал. Батарея разгромлена артиллерийским огнем английских крейсеров, но орудия этих батарей нами испорчены, замки вынуты и унесены нами. Прислуга частью перебита пулеметным огнем с гидропланов, частью отошла на южную оконечность острова и оттуда в Архангельск; всего отошло тридцать матросов и все рабочие, пороховые склады взорваны. На остров высажен десант. В устье Двины при начале фарватера затопляются наши ледоколы „Микула“ и „Святогор“, чтобы закрыть проход в фарватер и в Двину. В случае натиска англичан на самый город со всеми имеющимся в нашем распоряжении силами (800 штыков при пулеметах и вооруженные маймакские рабочие) займем позицию по левому берегу С. Двины у вокзала и пристани, чтобы прикрыть голову железнодорожного пути Архангельск — Вологда. Будем держаться до последнего. Со стороны Онеги без перемен, туда выделили и направили железный отряд восемьдесят при пулеметах. Шлите пехоту и артиллерию на Обозерскую и в Архангельск. Вологда шлет четыреста, два орудия.

Командующий войсками Потапов.

Комиссар Бутенко.

Приложена печать с двуглавым орлом и надписью „РСФСР —
Начальник Архангельской дивизии“

Приложение № 9.

Копия с печатного объявления.

**НЕМЦЫ — НАШИ ВРАГИ.
ДРУЗЬЯ НЕМЦЕВ — ТОЖЕ НАШИ ВРАГИ.**

Рука об руку с нами наши союзники!

Мы заключили с ними договор и будем сообща отстаивать наш край.

Продовольствие, оружие, обмундирование, а для гражданского населения даже мануфактура, будут доставлены ими в возможно достаточном количестве.

Придите же и вы на помощь союзникам!

Все, имеющие возможность, идите в строй! записывайтесь в армию, мы должны бороться и победить, только в этом наше спасение.

Запись в «Первый Кемский батальон», формируемый в г. Кемии (зачеркнуто Кемии, синим карандашом написано „Сороке“) принимается у русского (слово „русского“ зачеркнуто чернилами) коменданта этого города. Он же сообщает все подробности относительно поступления в батальон на жалование 100 руб. одиноким и 200 руб. семейным на всем готовом.

Военный комиссариат Мурманского кр.п.

Приложение № 10.

**РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.**

К населению Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний.

Наши бывшие союзники, англичане, французы и американцы, которые так много говорят о своей любви и дружбе к русскому народу, проявили теперь воочию свое действительное лицо: они коварно захватили Архангельск, бомбардировали подступы к нему, и вместо хлеба мы получаем от них зажигательные бомбы с их аэропланов, вместо мануфактуры — свинец в виде разрывных пуль из их ружей и пулеметов. Свою мнимую любовь они заменили бешеной ненавистью к русскому народу за то, что он не захотел больше принимать участия в их грабительской войне, продолжающейся уже пятый год и унесшей десятки миллионов жизней бедноты и принесшей десятки миллиардов барышей кулакам, фабрикантам, купцам и помещикам; за то, что русский народ прогнал своих помещиков, забрал у фабрикантов награбленное от бедноты богатство и установил советскую власть — власть бедноты над богачами.

А русские богачи, потерявшие власть и надежду вернуть ее себе своими силами, обращаются к иноземным царям, генералам и прочей грабительской своре за помощью, и за свои поместья, фабрики, заводы и банки, которые надеются вернуть иноземными штыками, они бессовестно продают свободную Россию — наше рабоче-крестьянское отечество.

И здесь, как везде, где они временно побеждают, они восстанавливают свои прежние суды, земских начальников, сельских старост и прочую шваль, а также все законы и порядки, так хорошо знакомые вам и вашим трудовым спинам. Первое время из запасов, которые мы не успели вывезти, они будут давать вам, быть может, вдоволь хлеба, как на Мурмане, чтобы подкупить вас в свою пользу за чечевичную похлебку, но знайте, что щедрость их пройдет, как только они укрепятся здесь и иссякнут наши запасы. Впереди вас ждет голод, так как из своих запасов они вам ничего не дадут, как не дают своей бедноте, умирающей с голоду. Но мало того: англичанам, французам и американцам для пополнения своих полков нужна беднота как пушечное мясо. Всего у них вдоволь: и пушек, и снарядов, и денег. Но мало людей. За ними они пришли в Советскую Россию, определенно заявившую, что не хочет войны ни с кем и стремится жить со всеми народами в мире и дружбе, так как нет у крестьян и рабочих другого врага, кроме кулаков и богачей. И будут подкупать вас деньгами и, как наемных убийц, гнать не против немцев и турок, а против своих же родных братьев. Мы временно отступаем перед их крейсерами и дальноточными орудиями. Но мы придем, неизбежно придем, ибо нет той силы, которая смогла бы сокрушить власть миллионов рабочих и крестьян.

Настал решительный час.

Всякий, в ком не остыла душа и не зачерствело сердце, пусть делает все, чтобы сокрушить иноземных насильников.

С оружием в руках идите в наши ряды, образовывайте партизанские дружины, связывайтесь между собою и с Красной армией.

Ловите и уничтожайте шпионов.

Преграждайте всякими способами путь врагу.

Ставьте тысячи всевозможных препятствий в каждом его передвижении, сжигайте мосты, через которые пытается он перейти, порвите железнодорожные пути и дороги, по которым он движется.

Пусть пожаром будет объято все то, к чему он будет протягивать руки.

Пусть тысячи глаз следят за каждым его движением.
Пусть на каждом шагу ждет его засада и смерть.
Пусть все мужчины и женщины превратятся в беспощадных мстителей, истребляющих огнем и мечом своих угнетателей.
Беспощадная смерть им.

Народный комиссар М. Кедров.

Ст. Обозерская.

6 августа 1918 г.

Приложение № 11.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОТАПОВЕ.

Родом из Сибири. Во время империалистической войны состоял обер-офицером в одном из полков Сибирского корпуса, участвовал в боях под Ригой.

При Керенском, видимо за отстаивание „благородного“ лозунга „война до победного конца“, произведен в капитаны и вскоре затем в подполковники.

С мая 1917 года до января 1918 года — командир 428-го Лодейнопольского полка в Финляндии (около Ганге).

В январе, феврале 1918 года командир первого (зачаточного) красноармейского корпуса в Петрограде, где сослуживцами его были Берс, Мелио, Осадший.

В апреле 1918 г. Потапов поручает Осадшему сопровождать некоего англичанина Ричардсона, который очень хорошо владел русским языком, в Архангельск для улажения каких-то недоразумений с иностранными грузами.

Так как под английской кличкой, возможно, скрывается какой-либо матерый доморощенный белогвардеец, нелишне привести и некоторые приметы: не родственник ли Томсон-Чапину? Низкого роста, сухопарый, бритый, с сильной проседью.

Что же делает Ричардсон в Архангельске? Осадший затрудняется ответить.

Можно предполагать, зондирует почву для интервенции, завязывает связи, может быть кладет начало заговорщической организации, сыгравшей при перевороте крупную роль.

Из Архангельска Осадший с Ричардсоном едет в Москву, где у последнего живет брат (на Рождественском бульваре) ¹.

Спустя 2-3 месяца после этой поездки Потапов назначается (какой удивительный случай) начальником Архангельской дивизии и едет с Берсом, Мелио, Александровым, Лапиным, Осадшим, — одним словом, со всем своим штабом — в Архангельск.

Дальнейшее известно.

Между прочим, 1 августа Потапов отправляет свою жену на левый берег Двины.

Вахрамеев и другие были убеждены, что раз жена, со всеми домашними вещами, доставлена туда, то и Потапов тоже приедет.

Но Потапов перехитрил комиссаров.

Пьяница и развратник, Потапов с подлинно „дворянским благородством“ принес в жертву свою жену...

Впоследствии оказалось, что жена и два сына имелись у него и в Сибири.

Не так давно архангельская жена обращалась в высшие военные учреждения с ходатайством о назначении пенсии ей, „вдове б. командующего, погибшего в белогвардейском плену“.

¹ Все эти сведения сообщены самим Осадшим.

Приложение № 12.

Части Сев.-Восточного фронта, реорганизованного в 6-ю армию к октябрю 1918 года.

(Сведения даны т. А. А. Самойло).

Архангельский район (2.028 шт. с 70 пулем.).

15 Юрьевск.-Ямбургск. п.

14 Нарвск. 1 б-н.

3 Гатчинск. п.

Зап. Вятск. п. 2 б-н.

4-й лет. отр. охр. жел. д.

Отд. легк. бтр.

Зен. путил. див-н. (2 бтр. — 4—3" ор.).

3 особ. звен. бтр. (2—3" по 2—42").

Морск. 3" взв. (2 ор.).

42" взвод.

Бтр. 75м/м. (2 морск. ор.).

2-й боев. подрывн. инж. посед.

Гол. рем. поезд.

Бронепоезд № 2 (из Перми).

Плесецко-Селецкое направление (1.314 шт. с 31 пул.).

2 Василеостровск. б-н.

1 Рязанск. б-н.

2 б-н Московск. п.

Сводн. Вологодск. б-н.

Латышск. стр. пул. ком-да.

2 эск. конн. п.

Бтр. 2 ср. Петрогр. отр. (2—3").

Бтр. 2 ср. артдив. (4—3").

При штабе района (Плесецкая).

1 отр. Костромск. авиагруппы (6 сам.).

2 Морск. Петр. авиотр. (2 сам.).

1-я набл. ст. 2 взв. отр. (2 аэр.).

Лет. инж. отр.

3-й отр. 2-го Петрогр. строит-ва.

Вельский район (450 шт. с 17 пул.).

Отд. б-н (2 р.).

Сов. отр. разведчиков.

2 экспед. отр. моряков Балтфлота.

Вельск. партиз. отр. (2 р.).

Пулкоманда.

Взвод т. Пенявского.

2 взв. Вологодск. арт. л. бтр.

Онежское направление (532 шт. с 10 пул.).

1 Вятск. пех. п. (1 р.).

Жел. отряд Баранова.

Онежск. партиз. отр.

1 марш. р. Псковск. п.

Котласский район (1.725 шт. с 45 пул.).

4 морск. б-н Балт. флота.

Беломорск. отр. моряков.

Коммун. рота (им. Куликова).

1 Вологодск. п.

1 м. р. Рождеств. района.

1 б-н желзн. п.

Латотряд.

Кавк. туз. кавотр.
2 див. легк. арт. (3 б.).
2 и 3 зенбатарей (4—8").
Котласск. отр. тяж. гауб. бтр.
Плав. бтр. №№ 1 и 2.
7 лет. инж. отр.
1 отд. 1 р. 1 мин.-подрывн. див-на.
1 гол. ж. д. отр.
Беломорск. гидроавиаци. отр. (6 сам.).
1 мор. истр. (отр. 7 сам.).
3—гидроав. отр.
Боевые суда (6).

Великий Устюг.
Сев.-Двинск. п.
Подрывная команда.

Вятка (1.708 шт. с 11 пул.).
Зап. полк 6-й армии.
Лат. ком. рота.
3 воздухопл. от. (1 аэр.).

Яранск.
Взв. зап. полка 6-й армии.

Вологда (350 шт. с 6 пул.).
Волог. особ. карабат.
Волог. ком. б-н.
Волог. конвойн. ком-да.
Авиагруппа Костромск. див. (10 сам.).
1 подв. авиабаза Ярослав. в. окр.

Приложение № 13.

Краткие сведения¹ по делу артилл. снабжения бывшего Северовосточного фронта, ныне 6-й армии.

(Выдержки).

...В настоящий момент (т. е. 12 сентября 1918 г.) Упартснабсевост располагает 18-ю 3-дм. пушками, 2-мя 42-мм., 2-мя 48-мм., 2 горными, 4 зенитными образца 1914 года. Кроме того, на очереди прибытие 6-дм. гаубиц, 57-мм. пушек, некоторого (?) количества бомбометов, пушек-пулеметов Максима, противоаэропланнх пушек, 48-мм. гаубиц. Что касается огнеприпасов, то пушечных патронов имеется средний запас, а оружейных патронов на всех складах фронта до 20 миллионов, также сделан запас ручных гранат, некоторого (?) количества конской амуниции и до 50 пулеметов Максима и до 2.000 годных 3-линейных винтовок. Также есть около 2.000 японских винтовок, причем неисправное оружие чинится в устроенной в Вологде оружейной мастерской фронта.

Большая нужда в биноклях (специально артиллерийских) и других оптических приборах, револьверах; в частности, фронту необходим запас оружейного сала, веретенного масла, коломази, глицерина и др. смазочных материалов...

Нач. арт. снабж. 6-й армии С. Сидоров.

¹ Сведения эти не могут считаться полными, так как некоторые участки фронта уменьшали имевшееся в их распоряжении оружие. Большинство перечисленного имущества находилось на фронте, а не во фронтовой базе артимущества.

Приложение № 14.

АРХАНГЕЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ.

(Доклад тов. председателя¹ Арханг. Чрезв. ком. т. Линдемана. Из еженед. ВЧК за 1918 г.).

Еще в 20 числах июля в Архангельскую Чрезвычайную комиссию поступили заявления о готовящемся, якобы, заговоре против Советской власти. Из полученных заявлений видно было, что руководящая роль в этом принадлежит офицерству. Начало восстания предполагалось на 31 июля или на 1 августа. Город был разделен на участки с заранее назначенными начальниками, которые к 3 часам ночи по особому сигналу должны были занять все советские учреждения, радиостанцию и немедленно обратиться к союзникам за поддержкой, при этом рассчитывая до прибытия последних продержаться своими силами. Получив эти сведения, Чрезвычайная комиссия предприняла массовые обыски и аресты офицерства, каковые продолжались непрерывно все время до занятия города. Среди арестованных у бывшего офицера Григория Рыценковича найдены были, между прочим, план Архангельской губ. и реки Северной Двины²; при допросе выяснилось, что ему поручено было вербовать белогвардейцев по губернии и направлять их, под видом рабочих, в Архангельск.

У него же найдена копия зашифрованной телеграммы из Холмогор следующего содержания: „Покупка сена откладывается. Баржа за сеном не придет, немедленно извещайте продавцов. Расход по извещению беру на себя“, подпись Григорьев, смысл которой по расшифровке следующий: „Восстание откладывается, баржи за отрядами не придут, извести людей“.

Все это убедило нас в том, что, несомненно, выступление предстоит, но оно будет подавлено, если не вмешаются только союзные войска. Рано утром 1 августа над городом появились гидропланы, и одновременно Губисполкомом получены сведения о появлении 3 английских крейсеров у острова Мудьюга, который после некоторого сопротивления занят был английскими войсками. Вслед за этим командующим Архангельским районом Потаповым предложено было Губисполкому эвакуировать все учреждения и передать власть его штабу³, на что и Совет после очевидности близкой опасности приступил к эвакуации учреждений и ценностей, выбрав (?) и передав всю власть штабу обороны, во главе с Потаповым⁴.

В последнюю минуту отхода парохода, на котором уезжали члены и сотрудники Чрезвычайной комиссии, к берегу приехал начальник отряда латышских стрелков и заявил, что оставшийся в городе для охраны штаба отряд латышей просит разрешения покинуть город, не желая находиться в подчинении Потапова, так как он вместе со своим штабом напились пьяные. Членами ЧК было указано, что уезжать им ни в коем случае нельзя, так как нельзя оставить штаб обороны без всякой задачи, и что, в случае чего-либо вредного со стороны Потапова, арестовать его и передать власть остающимся в штабе обороны членам Губсовдепа. Вообще, поведение Потапова, по словам начальника латышского отряда, в высшей степени показалось подозрительным; так, напр., латышская рота и железный отряд, представлявшие

¹ Председателем ЧК состоял боевой парень, т. Лукьянов.

² Многие белогвардейцы пользовались карто-указателем грузового района Арханг. порта отдела перевозок при Главначе г. Архангельска со штампом „Торговый Дом Шириков и Ко“. На карте 5-верст. масштаба были указаны все якорные места, жел. дор. и врем. ж. д. пути.

³ Вопрос, было ли такое распоряжение, является спорным.

⁴ Неточное выражение. См. гл. „Опасность приближается“.

из себя наилучшую и преданнейшую силу, были по его распоряжению отосланы за город на вокзал, частью погружены на баржи (?). Не был же он задержан только потому, что попал в доверие военно-политического комиссара (ныне убитого белогвардейцами) т. Куликова¹, последний не допускал до этого, несмотря на неоднократные требования ЧК. В 2 часа ночи на 2 августа отбыл последний отряд с эвакуировавшейся Чрезвычайной комиссией.

После эвакуации советских учреждений белогвардейцы немедленно заняли город, поставив во дворе городской тюрьмы пушки, во многих домах пулеметы. Здание Целедфлота несколько раз ими осаждалось и после некоторого сопротивления было взято. По показаниям матросов, движением белой гвардии руководил штаб Потапова, а разоружением городской милиции занялись казаки. Характерно, что сейчас же по эвакуации Совдепа офицеры штаба Потапова начали его величать господином полковником. По прибытии в Котлас матросы устроили митинг, на котором было постановлено требование уплатить жалование за 2 месяца вперед. Это требование поддерживалось также некоторыми членами Губисполкома, левыми эсрами, но за неимением утвердительного ответа от центра, в этом требовании им было отказано². В В. Устюге было решено организовать отряд для разведки в сторону Архангельска за союзниками³ и белогвардейцами, а также для борьбы с белогвардейцами в уездах, не занятых еще союзниками. Сорганизованный отряд утром 7 августа двинулся по направлению к Архангельску; по пути были получены сведения о том, что около Усть-Пинеги находятся белогвардейские пароходы и что здесь высадилось около 500 человек англичан. В районе Двинского Березника были соединены части оставшихся отрядов и двинуты вниз по Двине навстречу пароходам противника. Силы противника превосходили наши части, почему мы вынуждены были отступить. Но, отступая, наши части использовали удобные позиции для нанесения удара противнику.

В ночь с 10 на 11 августа около Березника был замечен английский (?) сторожевой пароход. «Мурман» открыл артиллерийский и пулеметный огонь, пароход противника отвечал лишь пулеметным огнем. Он не выдержал боя и нашим артиллерийским огнем принужден был выбраться на берег. Нами взяты следующие трофеи: 4 пулемета, много пулеметных лент, винтовок, патронов и бочки с провизией.

В селе Троице был арестован военный руководитель Федосеев, который, по полученным телеграммам архангельского „правительства“, задержал советские пароходы. Согласно постановлению ЧК Федосеев расстрелян.

19 августа пароходы „Мурман“ и „Могучий“ открыли огонь по неприятельским пароходам, причем противник понес огромные потери: как потом выяснилось, во время боя были ранены английский генерал и один полковник⁴, которые спешным порядком были отправлены в Архангельск (Еженед. В. Ч. К., № 1, 1918 г.).

¹ Вовсе неверные сведения. Никакого особого доверия т. Куликов к Потапову не питал. Был убит значительно раньше и не белогвардейцами (см. гл. „Захват Митрофана“).

² Все же часть эвакуированных денежных сумм была матросами самовольно взята если не ошибаюсь, около миллиона рублей, остальные доставлены в Вологду, согласно приказа.

³ См. телеграмму П. Виноградова в главе „План союзников“.

⁴ По докладу Павл. Виноградова, ранен один англ. офицер, что ближе к истине.

Выдержки из кн. А. Аргунова „Между двумя большевизмами“, 1919 г.

Весной 1918 года в Москве, куда перенесли свои центры почти все партии, начались переговоры между ЦК их по вопросу о совместных действиях, но эти переговоры... не дали положительных результатов.

Отбросив мысль о возможности объединения через партийные центры, отдельные, наиболее „заинтересованные в этом объединении члены партий“ (социалистических и несоциалистических) начали вести переговоры самостоятельно, и этот метод дал вскоре весьма ценные результаты. Ряд собраний привел к образованию в Москве объединенной организации, или, вернее, блока, который получил название „Союз возрождения России“. Отдельные члены разных партий входили в Союз, согласно его уставу, не как представители своих партий, а персонально с персональной ответственностью. Вошли кадеты, нар. социалисты, с.-р., „Единство“, с.-д., отдельные беспартийные члены (из военных и торгово-промышленных кругов) и кооператоры (стр. 4).

Платформа Союза, на которой сошлись люди разных партий: 1) организация борьбы с большевиками и немцами, ради чего, наряду с созданием российской армии, признавалось необходимым и даже неотложным участие союзных армий; 2) восстановление государственного и хозяйственного строя страны на началах народовластия, с тем чтобы было затем созвано всенародное Учредительное собрание...

...Практическая деятельность союза сосредоточилась на первых порах в объединении вокруг себя активно борющихся с большевиками сил, с каковой целью при Союзе был создан особый военный центр, который стал руководить существовавшими в Москве нелегальными военными (главным образом, офицерскими) организациями и кружками, подготовляя из них кадры для будущей армии и рассылая членов в провинцию для руководства местными силами. По плану Союза, частичные вооруженные выступления против большевиков, которые стихийно вспыхивали то там, то здесь и быстро подавлялись большевиками, действовавшими совместно с немцами (!), должны были уступить место объединенному, широкому выступлению разом в нескольких крупных пунктах и в наиболее удобный момент, каковым и признавался момент появления более или менее серьезной силы из союзных армий.

Одновременно с подготовкой вооруженных сил, Союз считал необходимым и создание местных аппаратов власти в момент восстановления... К лету 1918 года удалось создать такие отделения в некоторых крупных городских центрах России, в Поволжья и на Севере...

НАРКОМВОЕН СКЛЯНСКОМУ, копия ЦИК СВЕРДЛОВУ.

Телеграмма из Вологды в Москву. Сентября 1.

Все довольствующие управления работают крайне плохо. Нужно принять самые суровые меры, чтобы заставить их прекратить саботаж. Требования исполняются возмутительно медленно. Так бензин для гидроаэропланов, затребованный три недели назад, получен только вчера, а потому до сего времени нельзя пользоваться аппаратами. Красноармейцы обвиняют командование. Архозком¹ ограничивается

¹ Главное упр. снабжения.

одними отписками, а между тем вопрос снабжения каждым днем обостряется. До сего времени не получено ни пуда из того, что требуется от Архозкома. При этих условиях все работы по обороне, мобилизация, железнодорожное движение крайне затруднены, ибо зависят прежде всего от состояния продовольствования. ГАУ¹ на просьбы артснабжения о присылке смазочных материалов ничего не отвечает. То же биноклями, орудийными, оптическими приборами и прочее. Все сформированные батареи приходят голыми, часто неисправными, прислуга почти не обучена. Необходимо иметь в управлении ответственных энергичных комиссаров, которые могли бы влиять на работы и произвести солидную чистку. Прошу обратить самое серьезное внимание. 3 009.

Кедров.

Приложение № 17.

Копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО МОБИЛИЗАЦИИ БУРЖУАЗИИ ПРИ ШТАБЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА — ТОВАРИЩУ ВОЛОГОДСКОМУ УЕЗДНОМУ КОМИССАРУ НОВИКОВУ.

ДОКЛАД

Члена Исполнительного комитета при штабе северо-восточного фронта, Г. И. Богданова, на поручение вологодского уездного комиссариата по военным делам от 28 минувшего августа за № 1382.

Товарищи! Означенным поручением я был командирован в г. Грязовец для участия в Комиссии по мобилизации буржуазии г. Грязовца и его уезда. Получив это поручение, я того же числа отправился и того же числа прибыл в г. Грязовец, где уже застал весь состав комиссии, состоящей из следующих лиц:

Председателя товарища Оленчикова, членов Носова и Волкова и врача-женщины Мазинг. Каковым составом в присутствии моем производился прием мобилизованной буржуазии. При чем обращаю строгое внимание и довожу до сведения председателю исполнительной комиссии по мобилизации буржуазии при штабе Северо-восточного фронта товарищу комиссару Новикову, следующее: действуя по программе диктатуры пролетариата, считаю своим служебным долгом заметить, что в тяжелую минуту жизни государственно-коммунистической власти, в момент глубокого внутреннего перелома в нашей вообще переломной эпохе, — здесь я перехожу к щекотливому вопросу, который сейчас до известной степени составляет большое место в нашей организации. Этот вопрос организации армии, вопрос к созданию армии и управлению армией. При чем раз у нас существует диктатура рабочих и крестьян, которая имеет целью душиить буржуазию, отбить у нее всякую охоту проделывать попытки восстановления буржуазной власти, то понятно, что ни о каких широких свободах для буржуазии не может быть и речи.

Между тем в грязовецких советских представителях замечается некоторая характеристика тех трудностей, перед которыми мы стоим. Как много произвола и неряшливости наблюдается со стороны некоторых лиц грязовецкой Советской власти, а именно в день мобилиза-

ции буржуазии в комиссию председатель таковой товарищ Оленчиков явился в нетрезвом виде, для чего потребовалось немедленное удаление его из комиссии и замещение председательствующего этой комиссией другим новым лицом, товарищем Каратыгиным. Затем членом комиссии по вербовке артиллерии, товарищем Остensaкиным, лично был принесен комиссару товарищу Смирнову список лиц из призванной буржуазии, при чем, передавая список, товарищ Остensaкин предложил комиссару товарищу Смирнову, который из обозначенного в этом списке количества призванной буржуазии разрешил пять человек принять в артиллерийскую часть Олонецкой дивизии. Лица эти суть: 1) Шулепин Борис Алексеевич, 2) Крутов Иван Дмитриевич, 3) Рюмин Николай Иванович, 4) Комаров Николай Александрович и 5) Маслов Константин Васильевич. По собранным мною негласным сведениям, лица эти оказались чисто буржуазного интеллигентизма и идеализма, почему таковые мною были немедленно устранены и переданы на окопные работы. Затем той же комиссией были оставлены и освобождены от призыва следующие буржуазного сословия личности: 1) Москвин — торговец и спекулянт первой руки, имеет торговую, галантерейную лавку и электро-театр „Чудо“ в г. Грязовце; 2) Шейн — бывший офицер, сын барона и полковника, имеющего свое имение в Грязовецком уезде; 3) Хохренков — бывший нотариус, по собранным сведениям, человек бесчестный и являющийся врагом советской власти — ныне занимал должность председателя общества потребителей; 4) Стариков — владелец трактиров в г. Петрограде, живший временно в г. Грязовце, который пытался во время мобилизации получить из советских учреждений пропуск на право проезда в г. Петроград и уехать туда; 5) Данилов — бывший военный чиновник, а также бывший друг и приятель бывшего губернатора Хвостова, ныне был на службе кассиром в Грязовецком совете; 6) Семашко — арендатор чайной лавки, 26 августа с.г. врачебной комиссией был освобожден от мобилизации по болезни, но по вторичном освидетельствовании 31 сего августа, в моем присутствии, признан годным и здоровым, а болезнь была каким-то средством симулирована; 7) Лобанцев — сын нотариуса, собственник нескольких домов в г. Грязовце; 8) Рюмин — купец, имеет свою торговлю, между тем служит в мясной советской лавке; 9) Капштанов — бывший офицер и сын бывшего казачьего уездного воинского начальника, между тем служил ныне военным руководителем при Грязовецком уездном комиссариате; 10) Беляев — бывший подпоручик, сын игумена Корнильева монастыря в Грязовецком уезде.

Все вышеозначенные лица, как опасные для советской власти симптомы и не могущие быть допустимы на службе в советских учреждениях, мною устранены каждый от своих обязанностей и переданы на окопные работы. Усатривая действия Карзина, как злоупотребления во взяточничестве, означенный Карзин и деньги в сумме 4 000 рублей арестованы и переданы в Грязовецкую Чрезвычайную следственную комиссию.

Затем властями грязовецкого уездного советского представительства, неизвестно по какой причине, был упущен из виду приказ исполнительной комиссии по мобилизации буржуазии при вологодском уездном военном комиссариате, за № 2, опубликованный в „Вологодских известиях“ 20 минувшего августа, о мобилизации штатных чиновников бывшей царской власти высшего класса (нотариусов, присяжных поверенных, председателей окружных судов, земских начальников и проч.), что мною было вменено в обязанность этой комиссии немедленно привести таковой в исполнение. Не лишним считаю добавить еще, что в бытность моей командировки в г. Грязовце, мною были получены донесения о скрывающемся в Корнильевском монастыре Грязовецкого уезда целого ряда лиц буржуазии, что, по получении таковых сведений, я немедленно с грязовецкими товарищами

¹ Главн. артил. управл.

отправился на проверку о действительности факта таковых сведений, где действительно оказались скрывшиеся следующие буржуазного сословия лица: Поповы оба брата и Титов, вологодские жители и купцы, Политов, грязовецкий купец. Причем попутно с этим мною с товарищами был произведен обыск в помещениях игумена этого монастыря, где обнаружены 3 портрета из бывшей царской фамилии Романовых, каковые портреты я немедленно приказал убрать и уничтожить, а также найдено около 4 пудов крупчатой муки и серебряных и золотых вещей, весом около $\frac{1}{2}$ пуда. Вещи эти, по словам игумена, принадлежат гостинице „Знаменской“ в г. Петрограде, но владельцы таковых вещей там не были обнаружены, почему вещи и мука были конфискованы и переданы в Чрезвычайную следственную комиссию.

Да, должен заметить, что это недопустимо к такого рода явлениям в нашей собственной среде, ибо они губят страну, губят нашу партию. Необходимо преследовать не только тех, которые прямо или косвенно повинны к такого рода явлениям, но и тех, которые будут снисходительны по отношению ко всякого рода явлениям произвола и неряшливости. Мы должны проводить отбор с железной беспощадностью, товарищи, потому что здесь есть много опасных симптомов. Откуда развивается произвол и неряшливость, сплошь и рядом из того, что люди занимают посты, не соответствующие своему назначению. Пример показывает нам, что если мы говорим серьезно о защите революции, путем вооруженного отпора, путем войны, то нужно поставить себе задачу о создании регулярной армии. Только при наличии этой регулярной армии, на ее флангах положительную роль призваны (играть) пролетарии и лица, не эксплуатирующие чужого труда.

Весь смысл этого начала заключается в том, чтобы бороться со старым составом офицерского аппарата, чтобы контролировать командный состав. Нам известно, товарищи, что решение вопроса о командном составе состоит в том, чтобы создать инструкторские курсы для передовых красноармейцев и рабочих, каковые уже и имеются (в Москве и Петрограде) и таким образом постепенно воспитать командный состав, отвечающий духу советской власти, и эту задачу мы уже поставили перед собой. Дальнейший вопрос следует приложить руки, чтобы провести на заводах, фабриках и деревнях обязательное военное обучение, чтобы создать таким образом боевой аппарат для защиты Советской республики.

Всего в общем итоге призвано буржуазии 102 человека.

Член Исполнительной комиссии при штабе Северо-восточного фронта и заведывающий учетным отделом Вологодского уездного комиссариата по военным делам.

Богданов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть первая.

Июнь 1918 г. (Передышка).

	Стр.
Вместо предисловия	3
Комиссариат по демобилизации	6
Чкорап	7
Советская ревизия	8
Первое знакомство с Архангельском	9
Городская дума	11
Городск. продов. исполнит. комиссия	13
Красная армия	15
Беспорядки в 1-м Архан. батал. Красн. армии	18
О пролетариате Севера	21
Разгрузка порта и происки дипломатов	24
Финансовое хозяйство	30
Морской транспорт	34
Объявление военного положения	38

Часть вторая.

Июль 1918 г. (Накануне...).

Доклад в Наркомвоене	42
„Друзья русского народа“	45
Об „идиллической жизни послов“ и обработке обществ. мнения	47
Высылка пленных сербов и итальянцев	50
Два шпиона	54
Захват „Митрофана“	55
Смерть Куликова	59
Мудьюгские „укрепления“	—
Опасность приближается	65
Первый расстрел	67
Провал мобилизации	70
Шенкурское восстание	74
В Москве	85

Часть третья.

Август 1918 г. (Интервенция).

	Стр.
Решающие дни (2—4 августа 1918 г.)	90
Бои на Онежском направлении	101
Разведка на Двине	103
Приказ Троцкого	104
Снабжение прежде всего	105
Воззвания бело-эсэров и англичан	108
В ближайшем тылу	110
Гидропланы над Обозерской	112
Еще о падении Архангельска и о роли военспецов	114
На Плесецкой	122
„Командующие“ фронтом	124
План „союзников“	125
За помощью к Ильичу	129
Организация фронта	132
Павлин Виноградов	137
Речной бой	140
Оборона Котласа	145
Военные неудачи и успехи (Архангельское ж.-д. направление)	148
Офицерская к.-р. организация	153
Союз возрождения России	159
3-й нумерной полк	164
Мобилизация буржуазии	169
Бои на Двине	171
Героическая смерть Павлина	176
Жизнь в поезде	178
Вождь Красной армии	180
Приложения	186

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р И Б О Й»

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

- Березовский, Ф.** — Таежные застрельщики. Очерк революционной борьбы 1905 г. (Истпарт). Стр. 134. Ц. 1 р.
- Герасимов, Ан.** — Красный броненосец. Вооруженное восстание в 1905 году на броненосце „Потемкин-Таврический“. (Истпарт). Стр. 100. Ц. 60 к.
- Игнатов, Е.** — Всероссийские Съезды Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 году. Стр. 144. Ц. 1 р.
- Ильин-Женевский, А. Ф.** — От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 году. (Ленингр. Истпарт). Стр. 189. Ц. 1 р. 50 к.
- „Искра“.** №№ 1—52. Декабрь 1900—ноябрь 1903. Полный текст под редакцией и с предисловием П. Лепешинского и со вступительной статьей Н. Крупской. (Истпарт). В 7 выпусках. Вышли в свет первые четыре выпуска. Цена каждого выпуска 2 р. 50 к.
- „Новая Жизнь“.** Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября—3 декабря 1905 года. Полный текст под редакцией и с предисл. М. Ольминского и со вступит. статьями Л. Красина, М. Литвинова, Ис. Гуковского и Е. Смиттен. (Истпарт). В 4 выпусках. Цена каждого выпуска 2 р. 50 к.
- Платонов, А. П.** — Восстание в Черноморском флоте в 1905 году, в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. Под редакцией и с предисл. Ленингр. Истпарт, с приложением прокламаций, архивных документов, биографий и фотографий. Стр. 294. Ц. 1 р. 30 к.
- „Правда“.** №№ 1—227. 1917 г. Полный текст под общей редакцией К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой. В 8 выпусках. Вышел в свет один выпуск.
- Фельдман, К.** — Потемкинское восстание (14—25 июня 1905 года). Воспоминания участника. С приложением статьи В. Бухгольца „Потемкинцы в Германии“. (Истпарт). Стр. 139. Ц. 1 р. 50 к.
- Флеер, М. Г.** — Петербургский Комитет большевиков в годы войны 1914—1917. (Ленингр. Истпарт). Стр. 213. Ц. 1 р. 50 к.
- Цветков-Просвещенский, А.** — В годы реакции и нового подъема (1907—1914 г.г.). Стр. 117. Ц. 1 р.
- Шелавин, К.** — Рабочий класс и ВКП (б) в февральской революции 1917 года. Стр. 154. Ц. 90 к.